

Мирослав Лукетић
ЗАПИСИ ИЗ РУСИЈЕ

Мирослав Лукетич

Записки из России

Перевод с сербского
Ольги Никаноровой

ЈУ НАРОДНА БИБЛИОТЕКА БУДВЕ, Будва
ПАШТРОВСКИ АЛМАНАХ, Будва
ШТАМΠΑР МАКАРИЈЕ, Београд

БУДВА 2019.

Спонсор издания

**ТУРИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ,
ОБЩИНА БУДВА**

*Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

А.С.ПУШКИН

*Посвящается России,
стране моей молодости*

По осени, или ранней весной, когда дует сильный южный ветер, поднимаются волны высотой в несколько метров и разбиваются о стены Старого города, ветер поднимает вверх тысячи мелких брызг, взволнованное море пенится у берега, и только чайкам хорошо в этом вихре и водовороте: настало время хорошего морского улова...

Дом, где я родился, стоит в черте старой Будвы, в южной стороне, в десяти метрах от моря. Бывало, что в дни, когда дул сильный южный ветер, сквозь щель в каменных стенах просачивалась морская вода, и прямо у наших дверей оказывались песок и камни, выброшенные морем.

Все мое раннее детство и отрочество тесно связаны с морем: я вдыхал морской воздух и запахи моря, переживал восторг, испытывал страхи, наслаждался благодатной красотой и богатством морской природы.

Странствия разлучили меня с родным домом и морем, но в моих мыслях я с ними не расставался, желая, мечтая и надеясь вернуться. Прошло много лет, и мое желание осуществилось; счастливый и радостный я вернулся в родной край вместе с семьей.

Пятьдесят лет спустя

В двухтысячном году, вечером накануне Рождества, самого радостного христианского праздника, вся наша семья собралась дома в Будве: старший сын Милорад с дочерью Миленой, сын Владимир с супругой Лидией и сыном Лукой, я и моя супруга Нина. По древнему обычаю мы сложили сухие ветки дуба и зажгли огонь – *бадняк* – покротив его вином и оливковым маслом, а затем ознаменовали начало праздника ружейными выстрелами.

Это был первый Рождественский сочельник, когда мы собрались все вместе. Нина Александровна достала старый альбом семейных фотографий из России; мы рассматривали альбом и рассказывали о событиях, связанных с фотографиями; вспоминали о нашей жизни в Советском Союзе. Оказалось, что наши дети мало знают обо всем, что было тогда.

Рассматривая пожелтевшие фотографии, я вспоминал о событиях, происходивших более пятидесяти лет назад. В тот день я пообещал своим родным, что попробую написать о том, как уехал в Россию в апреле далекого 1945 года, о том, как жил в другой стране и о том, как вернулся в Югославию в августе 1957 года. Я начал писать и первые двадцать страниц дал почитать своим близким. Милорад, самый строгий критик, прочитал и сказал, что ему нравится, сноха Лидия похвалила текст, внучка Милена, когда я ее спросил, стоит ли мне

продолжать писать, ответила: *Дедушка! Обязательно продолжайте, мне очень нравится, интересно читать.* Супруга Нина, чье мнение мне было особенно важно, меня похвалила, и ей я благодарен за то, что она помогала мне, делая дополнения и делаясь воспоминаниями из нашей совместной жизни в России. Осмелев, я продолжил свои записки, рассказывая в них о том, что мне запомнилось. Так появились эти строки воспоминаний.

С годами человек, подчас неосознанно, все чаще обращается к воспоминаниям детства и молодости, у него появляется потребность о каких-то событиях из прошлого рассказать своим близким, друзьям и знакомым; а тем иногда это, может быть, и неинтересно. Помню рассказы своего отца, и как он сердился, когда мама говорила: *Лука, мы это знаем, ты нам уже рассказывал.* Однако времена меняются: сегодня люди редко собираются всей семьей за одним столом, только по большим праздникам, на Славу или на Рождество; писем больше не пишут друг другу, с появлением новых информационных технологий общение происходит, как бы, вне границ и вне времени; детей в семьях становится все меньше, редко когда дед может усадить внука на колени и под гусли *сказывать, что некогда бывало.*

Мое детство и юность прошли в родительском доме, где до семнадцати лет я жил со своим отцом Лукой, мамой Драгицей, сестрами Браной и Зорой и братом Стево; я родился в 1927 году и был самым младшим в семье; была жива бабушка Катя с папиной стороны, я хорошо ее помню. Я часто слушал и хорошо запомнил рассказы матери о древности и

разветвленности нашего рода, ей, в свою очередь, рассказывали баба Катя и дед Степо, которого я не застал, так как он умер за несколько месяцев до моего рождения. Каждая вторая паштровская семья задумывалась о том, чтобы поехать куда-то, мир посмотреть. Уезжали ради заработка, как только вставали на ноги, думали об отъезде. Дома строились небольшие, и земли не хватало, чтобы разделить на всех. Мой дед Степо со Святого Стефана отправился в Царьград, а затем в Америку, где тяжелым трудом заработал денег и в восьмидесятых годах девятнадцатого века открыл торговлю в Будве; его двоюродные братья Томо и Илья успешно работали в Америке и домой вернулись зажиточными людьми, стали заниматься торговлей и благотворительностью. Отец мой тоже некоторое время жил в Америке, и по возвращении стал заниматься торговлей. Дядя Петар тоже жил и учился в Америке; его двоюродный брат Йово, в молодом возрасте уехав в Америку, прожил там всю жизнь до своей кончины. Родственники по материнской линии, Вуковичи из Петровца, тоже поездили по свету. Два дяди, Яков и Стево, уехали в Америку, стали зажиточными, добропорядочными людьми, их потомки живут в Калифорнии; третий брат, дядя Йово стал доктором медицины, жил в Италии, там похоронен; мамин брат Джуро работал в Австралии и Америке, но заболев, вернулся домой.

Случилось так, что в конце Второй мировой войны я стал единственным из семьи, кто продолжил такую традицию странствий, однако я поехал не на запад, а на восток, в Советский Союз.

ОТЪЕЗД В БЕЛГРАД, ДЕКАБРЬ 1944

22 ноября 1944 года бойцы Первой Бокельской бригады и Которско-приморского партизанского отряда освободили Будву. В тот день я, семнадцатилетний юноша, гордо шел в строю бойцов Браичской роты, входившей в освобожденный город. Для меня это было особое событие: Будва – мой родной город, здесь мои отец, мать, сестры, родственники, друзья; я давно с ними не виделся, мы все пережили много горя, и сейчас мне хотелось всех увидеть и разделить с ними радость освобождения.

Через пятнадцать дней после освобождения Йоко Борета вызвал меня в Городской штаб, который находился, как мне помнится, в новом доме семьи Медин в Старом городе. Йоко в то время был заместителем командира Бокельской бригады, участник освобождения и влиятельный человек в наших краях. «Знаю, что ты участвовал в борьбе

ОБЈАВА

За друга Муселин Марк и Мили Грота који се
упућује у Привлаки Штаб као _____

На пут полази на дан 13 - XII у _____ час, у своју
јединицу треба да се јави — врати до _____
Именовани носи од наоружања _____

На путу ће се обратити за храну _____

СМРТ ФАШИЗМУ — СЛОБОДА НАРОДУ!

ШТАБ
II УДАРНОГ КОРПУСА НОВИ
Број опушдено
13 - XII 1944

За Штаб корпуса
за персоналне архиве
Саво Јаков

за освобождение, из хорошей семьи, имеешь аттестат, и мы рекомендовали тебя для поступления в Военную академию в Белграде, а оттуда поедешь на обучение в Россию», - сообщил мне Йоко. Моей радости не было предела: я мечтал побывать в Белграде, не говоря уже о России. Надо было немедленно собираться в путь и явиться в штаб Второго ударного корпуса в Никшиче.

Рано утром 12 декабря 1944 года на старом автомобиле я отправился в путь, через Котор и Рисан в Никшич. Отец проводил меня и дал в дорогу *струку*. А что такое *струка*, - спрашивали меня, когда я упомянул о ней. Я объяснил: кусок ткани, метра два длиной, сложен вдвое, шириной около полуметра, с бахромой по краям; ткань из домотканой шерсти, обычно окрашена в синий цвет с разноцветными вкрапленными узорами; носится на плечах или служит как пояс, накидка или коврик. На картинах черногорских художников можно увидеть, что *струка* вместе с оружием является неотъемлемой частью обмундирования черногорцев в ратных походах.

Мамы не было дома, она поехала к родственникам в Петровац за продуктами для семьи. О моем отъезде она узнала позже. Тяжело ей было, что я уехал, не попрощавшись; помню, она потом рассказывала, как страшно рассердилась на Луку, моего отца, из-за того, что тот не попытался меня остановить и отпустил из Будвы. «Как ты мог его отпустить, ведь, мы не знаем, где сейчас Стево, жив ли, а ты и другого сына отпустил из дома, чтобы мы и без него остались». Но меня никто бы не смог остановить тогда; так же, как не смогли остановить, когда я уходил в партизаны, ничего

не сказав домашним. В тот раз мама пошла повидаться со мной на Паштровскую гору, где я находился в то время. Там ей сказали: «он ушел с Браичской ротой».

Машину, на которой мы ехали в Никшич, вел Осип Рус, русский эмигрант, добрейший и милейший человек, живший в Будве. Мы остановились на высоком склоне Топлиша: я вышел из машины и направился в близлежащее село Превор за моим другом Миланом Радженовичем, которого так же, как и меня, направили в Военную академию в Белград. Стучу в дверь. Милан еще в кровати; на пороге его мама, страшно взволнованная, ее единственный сын уезжает. Времени нет на долгие прощания, едва сдерживая слезы, мать Милана провожает его, и мы направляемся дальше, в Котор. В Которе мы пробыли недолго; в районном комитете СКЮ нам дали конверт с документами; я навестил Марицу Вукович, сестру нашего крестного Ники Райковича. У них я оставил *струку*, которую отец дал мне в дорогу. Нам сказали, что из Никшича в Белград мы полетим самолетом, поэтому я подумал, что плед мне не нужен. Проезжаем Рисан и поднимаемся по разбитой, извилистой дороге к Леденицам. Рисан в те декабрьские дни выглядел ужасно: следы жесточайшей борьбы, которую вели партизаны против немцев, за освобождение Боки, были видны на каждом шагу; крыши больницы и многих домов были разрушены снарядами английской батареи, которая обстреливала немецкие позиции в Рисане; по дороге мы видели убитых лошадей и домашний скот; все свидетельствовало о том, что здесь шел кровавый бой с немцами, которые прикрывали отступление своих частей из Боки в сторону Подгорицы.

В Никшич мы прибыли где-то около полудня и явились в Штаб Второго ударного корпуса. Группа отъезжающих в Белград к тому времени уже покинула Никшич и заночевала в Даниловграде, нам было приказано без промедления последовать за группой в Даниловград. О полете на самолете в Белград ни слова. В Штабе мне как руководителю группы вручили направление - документ, датированный 13-м декабря 1944 года, в котором было написано: «Товарищ Лукетич Мирон и трое товарищей направляются в Верховный штаб». Сургучная печать Штаба Второго ударного корпуса и надпись: «В Штаб корпуса персонально Саво Жаричу». (Полковник Саво Жарич впоследствии погиб в лагере на острове Голи оток). Сейчас уже не могу припомнить, кто были остальные двое товарищей, направленные вместе с нами в Верховный штаб. Я спрашивал Милана, он думает, что с нами был еще Митар Рафаилович из Бечичей.

Едем дальше и в сумерки приезжаем в Даниловград, чтобы присоединиться к группе, направляющейся в Белград. Ночь в Даниловграде беспокойная; время от времени слышны выстрелы немецкой артиллерии со стороны Спужа в сторону нашего расположения, стреляли, чтобы не дать нам заснуть. И им это удавалось: только заснешь, и тут же разрыв снаряда где-то рядом. Позже, когда я стал артиллеристом, узнал, что такая стрельба называется *беспокоящая* и применяется для того, чтобы не дать заснуть противнику. На заре началась мощная артиллерийская стрельба из пушек английской батареи, находившейся в пригороде Даниловграда. Отголоски взрывов разносились по склонам горы Спуж, которую нельзя

было разглядеть из-за дыма и вздымавшейся пыли. Казалось, что гора вот-вот рухнет. Я видел вблизи, как артиллеристы умело справляются с техникой, как быстро и метко стреляют во врага. Здесь, в Даниловграде, у меня впервые появилось желание стать артиллеристом. Тогда я еще не знал, что артиллерия, действительно, станет моей военной профессией.

Бой за освобождение Подгорицы был в разгаре. Кроме грохота от разрывов артиллерийских снарядов, звуков стрельбы из винтовок и пулеметов, был слышен непрекращающийся гул самолетов. Авиация союзников кружила над городом и сбрасывала свой смертоносный груз.

Надо было обойти Подгорицу стороной, и наша группа, или, лучше сказать, отряд, выдвинулся из Даниловграда. Пройдя через Загарач и Кокот, мы прибыли на Морачу. В те декабрьские дни река была беспокойная, вода холодная, погода ветреная, но без осадков. Я в первый раз на реке. Через эту бурную реку нам надо переправиться на утлых лодках. Местные жители из прибрежных сел нам помогли справиться с этой задачей. Дальше мы продолжили путь в сторону Тузи. В Тузи мы заночевали.

Несколько слов о нашем отряде. Кажется, нас было около ста пятидесяти человек. Милан говорит, что ему помнится, будто нас было намного меньше, может быть, пятьдесят всего; я спрашивал и товарища Божо Мартиновича, который был с нами в группе, он думает, что нас было человек двести. Так сильно отличаются оценки участников одних и тех же событий спустя пятьдесят лет. В составе отряда были опытные бойцы из Черногории и Герцеговины. Их

направили в Белград с целью формирования кадрового состава и назначения на руководящие посты в армии. В отряде были мы, молодые бойцы, направленные на обучение. А еще к нам примкнула небольшая группа летчиков, прибывших из Египта для того, чтобы войти в состав югославской авиации. Помнится, это были словенцы. Я не помню, кто командовал отрядом, Божо говорит, что командиром был Драгиша Иванович, сейчас он академик. Мне помнится, что был в нашем отряде участник боев Ристо Джурашевич из Тудоровичей, и он выполнял некую руководящую роль.

За день до нашего прибытия немцы покинули Тузи и ушли из Скадра в сторону Подгорицы. Мы расположились на ночлег в каком-то большом помещении, где до нас находились немцы. Спали мы на соломе. На этой соломе все подцепилившей и после многодневного пути в таком состоянии прибыли в Белград. В Тузи произошел несчастный случай, унесший жизнь одного молодого бойца из Герцеговины. Его друг выменял у какого-то албанца итальянский «берет» на свое ружье. Не зная, что пистолет заряжен, он выстрелил, пуля прошла через левую руку и попала прямо в лицо другу. И тот погиб. Увидев, что он натворил, парень, хотя и сам был ранен, пытался покончить с собой, но бойцы не дали ему это сделать. Та сцена осталась у меня в памяти, и в ходе службы в армии, будучи командиром, я строго следил за тем, чтобы соблюдались правила пользования оружия.

Перед нами Проклетие – высокогорная гряда, о которой до того я только читал в учебниках. Эта гряда захватывает север Албании и, частично, наши земли. Горные

утесы белеют снегами. Нам предстоит подняться вверх. Рано утром, строем, один за другим, мы покидаем Тузи. По дороге мы встречаем албанских партизан, которые вместе с нашими подразделениями участвуют в боях за Подгорицу; они выносят из боя раненых. Пока мы продвигались по равнине, недалеко от Тузи, в небе над нами появился самолет союзников «спитфаер»; мы стали махать ему руками, радуясь, что союзники нас поддерживают. Наблюдаем за полетом самолета. Вдруг, он развернулся и устремился прямо на нас. Очевидно, пилот не понял, кто мы, и приготовился нас атаковать. По команде мы бросились врассыпную и залегли на землю по разные стороны дороги. Последовали взрывы снарядов, выпущенных из крупнокалиберных пулеметов; комья земли и пыли взлетали в воздух; припав к земле, мы дождались окончания атаки. Второго захода не последовало; мы поднялись на ноги, к счастью, никто не пострадал.

Начинается подъем в гору, через Кучи переходим в Албанию и движемся в сторону Вермоши, местечка на севере этой страны, расположенного в самом сердце Проклетия. Проводник нас ведет горными тропами, высеченными в утесах, от одного перевала к другому, на высоте более полутора тысяч метров. Боже мой, мне казалось, что этому пути не будет конца: поднимаешься наверх, до перевала, и надеешься, что здесь конец восхождению, а перед тобой опять бескрайняя снежная белизна, новые высоты, новые перевалы, через которые нужно перейти, чтобы добраться до Вермоши. Думаю, что сегодня я был бы очарован красотами

этих гор. Я бы смог восхититься контрастами ландшафта, богатством флоры и фауны, ощущением того, что находишься в таком уголке нетронутой природы, где «благоедеяния» цивилизации еще не нарушили покой и экологическое равновесие. Но в декабре 1944 года, в походе через Проклетие другие мысли и чувства посещали меня. К сожалению, не было возможности остановиться, отдохнуть и спокойно осмотреться вокруг, разглядывая ландшафт, который сильно отличался от ландшафта моей родной Будвы и ее окрестностей. С винтовкой на плече, шагая по снегу, я старался не отставать от колонны, которая растянулась вдоль горных троп так, что ее начало порой терялось из поля зрения. Нас предупредили, что в пути на нас могут напасть, поэтому мы должны быть начеку. Предостережение было обоснованным. Где-то в середине пути, глубоко в горном массиве, наш патруль попал в засаду. Началась стрельба. Увидев, что не застали нас врасплох, нападавшие разбежались, а мы продолжили путь в сторону Вермоши.

Я уже говорил, что отцовскую *струку* оставил в Которе. Как бы сейчас здесь на Проклетии мне пригодилась эта вещь! Одет я достаточно легко: на мне джемпер из грубой домашней шерсти, который мне связала мама; это мой главный спаситель от холода, царящего в горах в послеполуденные часы с наступлением сумерек. Стужа толкала нас вперед: нельзя останавливаться, надо двигаться как можно быстрее, только так мы можем спастись от мороза и добраться до Вермоши. А Вермош в тот момент мне казалась местом спасения; дойти туда – значит остаться в живых. Из последних сил я старался

не отставать и держаться в середине колонны, чтобы в темноте не потеряться, чтобы, в конце концов, с наступлением ночи прибыть с товарищами в Вермош. Однако не все дошли: несколько человек отстали, они замерзли в сугробах на Проклетии. Кто знает, сколько бы еще нас там осталось, если бы в тот день мела метель. Нам стало понятно, почему эти горы называются Проклетие.

Собачий лай оповестил нас, что впереди селение: мы прибыли в Вермош. Нас разместили по домам; наша десятка определена в один просторный дом в два этажа; дом напоминал башню. Хозяин - албанец, нас принял не радушно; отказался дать нам еды, говоря, что у него ничего нет. Известно, что в таких случаях делают все армии в мире; мы заставили его затопить огонь, сварить нам кукурузную похлебку и дать сыра и молока. Сытые, мы легли на солому и заснули. Как только начало светать, нас разбудили, и мы продолжили путь. Из Вермоши надо было в течение одного дня прибыть в Печ.

Пятьдесят пять лет прошло с того хождения по мукам; беру карту, смотрю и измеряю: од Тузи до Вермоши, по прямой пятьдесят километров; значит, в тот день, 15 декабря 1944 года, мы прошли одним броском более шестидесяти километров; это был не просто поход – это был настоящий солдатский подвиг.

Утром в Вермоши не было осадков, но небо было облачное; вершины гор не просматривались; все указывало на то, что в этот день пойдет снег. Хотя нам предстоял долгий путь, настроение было хорошее. Мы напились молока,

наелись хлеба со сметаной и выдвинулись в сторону Гусинья. Горными тропами, местами сокращая путь, мы преодолевали подъемы, которые нас отделяли от Гусинья, перешли границу и вдоль какой-то речки, наконец, спустились к назначенному месту. Отсюда, не задерживаясь, продолжаем путь в сторону Плава. Перед нами простирается дорога; слева от нас Виситор, самая высокая гора с пологими заснеженными склонами; вершин не видно, их закрывает выпавший снег. Шагаем по дороге вдоль русла реки, у озера сворачиваем, чтобы обойти Плав, и продвигаемся в сторону Чагора. Насколько я помню, через высокогорный перевал на высоте две тысячи метров над уровнем моря мы шли не по утоптанной дороге, проводники нас вели, сокращая путь. Это было тяжело для нас, но это помогло нам преодолеть горный перевал до того, как пошел снег. Как только мы начали спускаться в Руговское ущелье, повалил снег и не переставал всю дорогу до Печа.

Промерзшие и промокшие мы добрались до Печа; уже была ночь. О нашем прибытии было известно заранее, представители народной власти нас встретили и расквартировали по домам. Меня поместили в один сербский дом; хозяйка меня радушно встретила и попотчевала богатым угощением. Больше всего я радовался изобилию белого домашнего хлеба. За все военные годы это был первый случай, когда я мог вдоволь наесться белого хлеба. Хозяйку я предупредил, что мы с дороги грязные. Но она, несмотря на это, постелила нам чистую постель. Не всем так повезло с приемом и постоем, как мне, некоторые бойцы жаловались. Печ остался

в памяти еще и тем, что на местном рынке я увидел настоящее изобилие продуктов, фруктов и овощей, особенно было много яблок; казалось, что здесь и не было никакой войны. Метохия – богатая земля, и продуктов здесь предостаточно.

Из Печа дорога нас вела через Косово поле, мимо Приштины к Косовской Митровице. Проходим Газиместан, место сербского эпоса. Когда мы были детьми, мама часто читала нам стихи о Косовской битве; особенно мне запомнилась песня «Смерть матери Юговича». Наша мама знала все те предания и сказания наизусть, и рассказывала нам с большим чувством, передавая косовский дух. Мой отец в 1939 году участвовал в торжествах по случаю 450-летия Косовской битвы, а сейчас я иду по этим местам и вспоминаю рассказы отца и матери.

Косовская Митровица мне запомнилась тем, что я увидел страшные разрушения от бомбардировок союзнической авиации.

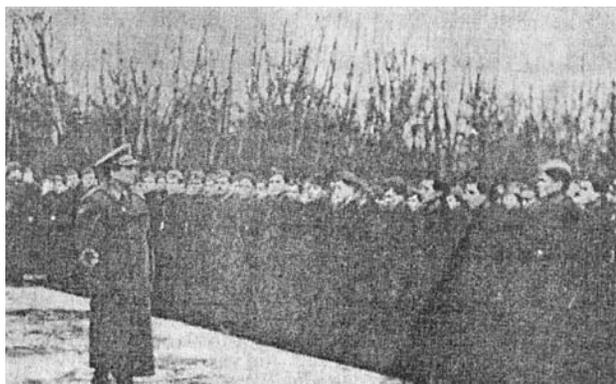
Продолжаем путь в сторону Куршумлии. Идет снег, мы проходим через Куршумлийскую баню, следы войны видны на каждом шагу. Здесь против немцев воевали части болгарской армии вместе с Народно-освободительной армией. В Куршумлии мы заночевали. Я впервые попробовал горячую сливовицу, здесь ее пьют почти как чай. Мне она очень понравилась, я согрелся после долгого и тяжелого пути, настроение улучшилось. Дальше в сторону Ниша мы шли через Прокупле.

Проходя по этой части Сербии, я обратил внимание, что здесь на амбарах, фасадах деревенских домов, изгородях

висят связки красного перца. Точно не помню, в Прокупле или в Куршумлии, мы сдали оружие. Я сдал винтовку, она мне больше была не нужна, без нее шагать было легче.

Воспоминания о пребывании в Нише связаны с ночевкой в помещении городской кофейни, в центре города. Усталые и немые, сдвинув столы в кофейне, мы легли на них. Места было мало, и мы улеглись рядом друг с другом, как сардины в консервной банке. Свет не погасили. Рядом со мной лежит Милан; я смотрю, как по его спине ползают вошки; когда же мы от них избавимся?

В Нише пришлось пережить несколько дней, так как мост через Мораву был разрушен. На лодках мы перебрались через реку, сели в поезд и поехали в Белград. После пятнадцати дней пути мы прибыли в Белград накануне Нового 1945 года.

Маршал Тито принимает присягу курсантов 23. 02. 1945 года на Топчидере.

Генерал-полковник Саво Орович – первый комендант Военной академии

Комиссар Академии полковник Мирко Калезич зачитывает текст присяги

В Военной Академии, Январь-апрель 1945 года

В Военной академии на Топчидере я провел три с половиной месяца.

Расскажу немного о том времени. Первое, что нас порадовало, это избавление от грязи и паразитов, которые нас замучили во время пути.

Мы сняли с себя всю одежду и обувь, помылись, подстриглись, надели новую, чистую форму; у нас было такое чувство, будто мы заново родились. А когда вошли в столовую и увидели на столах хлеба вдоволь, почувствовали себя вполне довольными.

Меня чуть было не завернули на медкомиссии. Пожилой врач осмотрел меня, послушав сердце, сказал, чтобы я сделал десять приседаний. «Ты, парень, не годишься для Академии, у тебя шумы в сердце», - говорит он мне. Я был крайне удивлен и обескуражен: неужели сейчас, когда мы дошли до Белграда, меня не примут. Я чувствовал себя хорошо и старался доказать это доктору, убеждая его не отказывать мне. Видя мое упорство и желание остаться в Академии, доктор написал, что я здоров. Такое его решение повлияло на мой дальнейший жизненный путь, и я очень благодарен тому доктору.

Принятие присяги стало событием, которое вызвало большое волнение в Академии. Это было 23-го февраля 1945 года,

в День Советской армии. Все мы, воспитанники Академии, в торжественном строю ожидали прибытия маршала Тито. В сопровождении начальника Академии генерала Савы Оровича, комиссара, полковника Мирко Калезича и других военных руководителей, среди которых был также один русский генерал, Тито прошел вдоль строя и, поднявшись на трибуну, обратился к нам с приветственной речью. Впервые в жизни я увидел легенду нашей революционной борьбы.

В Будве во время войны скрывалась группа белградской интеллигенции; среди них был Джордже Костич, сюрреалист. На меня как на мальчика он производил особое впечатление: высокий, стройный, ходил большими быстрыми шагами, с высоко поднятой головой; у него были густые волосы, зачесанные назад, а его лицо и взгляд выражали устремленность вдаль. Он жил по соседству с нами, у Райковичей. Со своей стороны, он обратил внимание на любознательного четырнадцатилетнего подростка и часто разговаривал со мной. Однажды он меня спросил: «Что тебе хотелось бы посмотреть в Белграде?» «Кинотеатр», - не задумываясь, ответил я. До войны в Будве не было кинотеатра; время от времени приезжали передвижные кинотеатры вместе с какой-нибудь цирковой труппой, которая давала представление под открытым небом. Тогда я имел возможность посмотреть немое кино, популярные комедии о Пате и Паташонке, и другие произведения немого кино, из которых мне особо запомнился фильм «Посыльный царя» о судьбе царского гонца, который в фильме преодолевал бескрайние просторы Сибири, пробираясь по нехоженным дорогам.

А сейчас я в Белграде, здесь мое желание исполнится. Мы идем на премьеру фильма «Чапаев». В кинотеатре «Белград» показывают этот фильм специально для нас – курсантов. Строем, с песней, мы прошли от Топчидера до Теразие. Кинотеатр выглядел великолепно, зал был переполнен. Во время просмотра мы аплодировали отдельным сценам, а в конце разразились шквалом аплодисментов, выражая свое воодушевление и восхищение этим исключительным фильмом. На премьере присутствовали авторы фильма, братья Васильевы, которых мы приветствовали длительными и радужными аплодисментами. Для меня это было незабываемое событие. Позже я нередко вспоминал одну сцену из этого фильма: Чапаев созвал совет командиров своей дивизии, чтобы разработать план наступления; по очереди спрашивал их всех, что они думают и что предлагают; последним был начальник штаба. Внимательно выслушав всех присутствовавших, он говорит чеканным голосом: «Чапаев думает так», – и дает указание каждому, иллюстрируя расположение частей с помощью обыкновенной картошки, лежавшей на столе. Сначала выслушать всех, а потом принять решение - этот урок пригодился мне не раз, и в армии, и в гражданской жизни.

В Академии по всем батальонам распространилась чесотка. Мы все чесались, зуд был по всему телу, особенно между пальцами и на животе, там эта зараза въедалась по кожу. Организованно, по батальонам, строем и с песней, нас повели в Гигиеническое управление, где-то на Саве. В просторном помещении на полках стояли тазы, наполненные каким-то мутным раствором с сильным неприятным

запахом. В тазах лежали деревянные палки, по краям обмотанные тканью. Мы сняли с себя всю одежду и мазали друг друга желтым раствором с ужасным запахом. Так продолжалось три дня, и чесотка в Академии была изничтожена.

Как-то в январе у меня начался сильный насморк: глаза не открывались, мучила страшная головная боль; меня поместили в госпиталь. Кварцевой лампой делали прогревание, давали какие-то лекарства, и мне стало лучше. В госпитале я встретил брата Душана Марковича, который был директором школы в Будве. Он лечился после ранения, полученного на Сремском фронте. От него я узнал, что мой брат Стево жив, они вместе воюют, Саво как командир, а мой брат Стево как комиссар в подразделении Первого батальона Первой пролетарской бригады. Эту радостную весть я тут же постарался передать в Будву моим родным.

В Академии преподавали офицеры бывшей югославской армии. Были также преподаватели общих предметов. Русский язык нам преподавал пожилой профессор с седой бородкой, имени его не помню. Для меня это были первые уроки языка, который станет любимым и очень важным в моей жизни. Будет время, когда русский для меня станет важнее родного языка. Я запомнил самый первый текст, который нам дали учить наизусть: «В пустом дупле дикой яблони поселился рой пчёл. Рой наполнил дупло душистым мёдом».

В марте учащиеся Академии стали постепенно уезжать на обучение в СССР, в соответствии с договором между югославской и советской властями. Я с большим нетерпением ожидал решения о моем отъезде в Россию; пошел к

комиссару батальона просить, чтобы меня быстрее отправили на обучение; мой друг Милан уже уехал. В начале апреля поступило решение о моей отправке. В нашей группе было тридцать четыре человека, учащиеся из всех краев Югославии: из Черногории пятеро, больше всего из Сербии, мы представляли Югославию в миниатюре, был один курсант из Эгейской Македонии, один словенец из Триеста.

ПОЕЗДОМ ИЗ БЕЛГРАДА В РОССИЮ, АПРЕЛЬ 1945

В середине апреля 1945 года наша группа отправилась на поезде из Белграда в СССР. Нас сопровождал один русский капитан. Я не знал, в какой город мы направляемся, тогда это было не так уж важно, мне было известно, что меня направляют в артиллерийское училище. В дорогу нам выдали сухой паек: коробки с сухарями и солонину. Мы получили новое обмундирование, форму темно-синего цвета, какую носили представители болгарской авиации, на серебристых пуговицах был отчеканен лев. Наш маршрут пролегал через Болгарию и Румынию. На вокзале меня никто не провожал. Но родным я успел сообщить, что уезжаю. В Софии мы остановились на один день; познакомились с городом и продолжили свой путь. По мосту через Дунай мы переехали в Румынию и прибыли в Бухарест. Три дня мы провели в этом городе; спали недалеко от вокзала в расположении советской военной части, тут нас кормили в столовой. Я в первый раз попробовал солдатский черный хлеб - «буханку». Этот хлеб мне не очень понравился, но было важно, что это *русский хлеб*, Бухарест как город произвел на меня хорошее впечатление: европейский стиль в центре и множество великолепных зданий. Это был разноликий город. Сейчас здесь главными были красноармейцы - победители. Нам встречались румынские офицеры, которых я запомнил

Святая София в Киеве

по зеленым фуражкам с непривычно большим кантом. Мы, партизаны Тито, тоже были победителями, поэтому вели себя довольно высокомерно, почти как оккупанты. Так проезжая по Румынии, мы заняли вагон первого класса, потеснив пассажиров, которые расположились в нем до нас.

Расскажу об одном, на мой взгляд, весьма показательном случае, произошедшем во время нашего пребывания в румынской

столице. Рядом с вокзалом было несколько публичных домов. Их можно было узнать по красным фонарям и стоявшим у входа проституткам, которые зазывали клиентов. К тому времени война еще не закончилась, новая власть не была установлена. Бордели были «легальными» учреждениями в этом городе. Для кого-то из нашей группы это стало искушением испытать удовольствие в публичном доме. Я был самым молодым в группе, мне шел восемнадцатый год. Как член Союза коммунистической молодежи Югославии я придерживался коммунистических моральных принципов. Коммунисты осуждали проституцию. Коммунистические позиции в этом вопросе, состояли в том, что наше общество должно отказаться от старого ремесла, эксплуатации и унижения женщин. Мне казалось, что так думают

и мои старшие товарищи, состоявшие в партии. Однако некоторые из них отправились в публичный дом и хотели уговорить меня пойти с ними. Я не мог этого понять и принять. Тогда я впервые столкнулся с непоследовательностью коммунистов в жизненных ситуациях. Подобная ситуация повторялась в еще одном румынском городе, Яссы. Яссы и Плоешти - центры нефтяной промышленности, подверглись сильному разрушению в результате нападения авиации союзников. Десятки «летающих крепостей» с базы в Италии, пролетая через территорию Черногории, бомбили румынские города, разрушая все постройки и здания.

Наконец, пришел тот день и час, когда осуществится моя мечта, и я увижу Советский Союз. Мои представления об этой великой стране коммунизма носили идеалистический характер. Они были основаны на традиционном чувстве близости и преданности по отношению к России - самой большой славянской стране, многовековой защитнице Черногории, а также на осознании того, что Советский Союз и Красная армия сыграли решающую роль в победе над фашизмом. Во мне жила уверенность в том, что в этой стране установлена социальная справедливость, что здесь построено новое коммунистическое общество, в котором нет места эксплуатации человека, что это богатая страна, в которой живут свободные люди, и еще много всего, из чего складывалось мое утопическое представление об СССР.

Однако в реальности многое оказалось не таким, как представлялось, и можно было это увидеть уже с первых шагов.

Но, было ли то, что я видел достаточно убедительно, чтобы я в то время решил поменять свое мнение об этой стране?

Нет.

Недалеко от Яссы течет Прут, пограничная река между Румынией и Советским Союзом; мы пересекли границу, и вот мы оказались в первой в мире социалистической стране, прибыли в пограничный город Унгени в Молдавской ССР. Железнодорожная колея в Советском Союзе шире, чем в Европе, на этой станции проходит пересадка: пассажиры и грузы перемещаются из одного поезда в другой; существует и другой способ: вагоны переставляют на соответствующие колеса с помощью подъемного крана и производят замену колес с подходящей осью; такая замена длится два-три часа. Нас пересадили в другой поезд.

Поездка по железной дороге от границы до конечного пункта назначения – Костромы – длилась несколько дней. Я забыл многие детали того путешествия, но некоторые события и ситуации до сих пор помнятся. Например, то, что по Болгарии и Румынии мы ехали в удобных пассажирских вагонах, а здесь мы едем в переполненном старом вагоне с деревянными сидениями. В вагон тесно, как в улье. Нам не хватало сидячих мест, не говоря уже о спальнях; я лег

на верхнюю багажную полку и там попытался заснуть; места хватило только, чтобы лечь на бок; а для того, чтобы не упасть во сне, я привязал себя ремнем к отопительной трубе, проходившей вдоль полки. Железные дороги были загружены перевозками: в сторону фронта, на запад, шли эшелоны с оружием, техникой, военными; часто мы стояли на станциях, ожидая, когда пройдут санитарные поезда с ранеными, которых везли с фронта на восток; много гражданских лиц возвращалось в освобожденные родные края, и, в результате, на железной дороге творилось столпотворение.

По дороге в Киев мы задержались в Жмеринке, где находился крупный железнодорожный узел. Здесь я увидел, каковы были масштабы тех разрушений, которые в этой стране оставили немцы и их союзники: руины на каждом шагу, вокзал разбит до основания, вместо вокзала несколько старых вагонов и какие-то импровизированные постройки, в которых работают железнодорожники, принимающие и отправляющие поезда; на станции и около нее много солдат, инвалидов войны на костылях, плохо одетые и голодные женщины и дети, которые с благодарностью принимали от нас сухари и солонину. С несколькими товарищами мы прошли по окрестностям. Там такая же картина: мы увидели множество уничтоженных броневиков, танков, грузовиков, которые не успели убрать и которые

Преступления
нацистов на
территории СССР

свидетельствовали о недавно проходивших здесь боях. Мы приблизились к разбитому броневнику и с недоумением увидели на нем выгравированную эмблему хорватских усташей. Значит, сюда дошел хорватский отряд, отличившейся особой жестокостью по отношению к советским людям! Мы были ужасно расстроены, нам было неприятно, мы чувствовали себя как

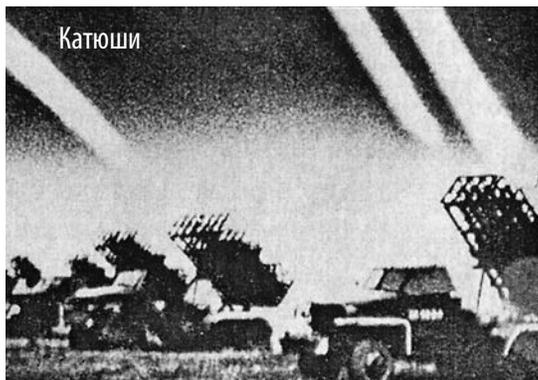
соучастники их преступлений, ведь, это были люди из нашей страны.

В пути по дороге в Киев произошел один инцидент: между Одессой и Киевом в наш вагон сел русский морской офицер. Мы его встретили радушно, между нами завязался разговор. Вдруг он вскочил, глядя на одного из наших курсантов, и стал утверждать, что узнал в нем члена черноморского отряда усташей, который входил в состав немецких морских подразделений, воевавших в Черном море. Дело дошло до попытки физической расправы, но наш сопровождающий, русский капитан, предотвратил эту попытку.

К тому времени я достаточно хорошо знал историю и географию России, точнее, Советского Союза. Еще перед войной мой отец купил книгу «История России», капитальный труд русских историков, и я ее читал накануне войны. Когда были установлены отношения между СССР и Югославией, стало выходить много популярно написанных книг,

кажется, под редакцией Федора Махина. Я помню публикацию под названием «Урал куёт победу». Вообще, у меня дома любили читать и много читали. Так, например, роман «Идиот» Ф.М.Достоевского мы прочитали на одном дыхании. Когда началась война, и немцы сильно продвинулись по территории СССР, мы достали большую карту России и обозначали на ней продвижение войск и линию фронта. Огромная радость была у нас, когда Красная армия начала контрнаступление и отбросила фашистов от Москвы; мы следили по карте за успехами Красной армии. Я знал о крупных боях за освобождение Киева: Красная армия его освобождала несколько раз, но он опять возвращался в руки неприятеля. При окончательном отступлении немцы безжалостно громили город.

Не могу забыть, как выглядел Киев в апреле 1945 года. Страшные разрушения на каждом шагу; Крещатик, центральная улица города, представлял собой ужасное зрелище; на улице длиной шесть километров не осталось ни одного целого здания; все засыпано разбитым кирпичом. Тысячи немецких пленнх расчищали разрушенную улицу, и в этом можно было видеть, хотя бы, частичное восстановление справедливости. Я не раз потом бывал в этом прекрасном городе на берегу Днепра, осматривая достопримечательности и гуляя вдоль обновленного

Крещатику. И всегда вспоминал ту ужасную картину, которую увидел тут в апреле 1945 года.

По дороге в Москву мы проезжали множество сел и городов, которые были во время войны захваче-

ны фашистами. Везде одна и та же картина: сожженные и разрушенные дома; необработанные поля; лес у дороги вырублен. Мы спросили нашего капитана, зачем немцы вырубали лес. «Немцы боялись партизан, которые подрывали железнодорожные составы в их тылу», - ответил он. Мне запомнилось, как страшно выглядел город Брянск, находящийся к югу от Москвы. Этот город сильно пострадал в войне. Здесь шли ожесточенные бои. В окрестных лесах действовали крупные подразделения партизан.

На оккупированной территории во время войны действовало партизанское движение. Немцам не было покоя, партизаны повсюду на них нападали, совершали диверсии и мешали поставкам на фронт. Это был, действительно, второй фронт в борьбе против фашистов, фронт в тылу врага. Немцы и их подручные жестоко и безжалостно сводили счеты с народом; они убивали гражданское население тысячами, разрушали церкви и памятники, сжигали села, увозили сотни тысяч Советских людей в рабство в Германию. Неслыханные преступления творили фашисты на временно оккупированной территории СССР. До войны на данной территории

проживало около восьмидесяти миллионов человек. Это была наиболее экономически развитая часть страны.

На нашем пути от границы мы воочию стали свидетелями опустошительных следов войны. Утром 28 апреля 1945 года мы прибыли в Москву. В 1941 году немцы предприняли крупное наступление с целью взятия Москвы; они продвинулись на расстояние двадцати километров от города, но в результате контрнаступления Красная армия отбросила немцев на запад, это была первая значительная победа в Отечественной войне. Немцы почти вплотную приблизились к городу, но немецкой авиации не удавалось бомбить Москву; советская противовоздушная оборона была хорошо организована, и лишь единичным вражеским самолетам удавалось проникнуть в воздушное пространство над Москвой; тысячи противовоздушных орудий, сотни самолетов перехватчиков и воздушных шаров с сетями защищали небо над Москвой. Наверное, поэтому в столице мы не увидели значительных разрушений.

Мы высадились на Киевском вокзале: кроме солдатских рюкзаков, у нас не было никаких вещей; оставшиеся продукты, сухари и солонину, мы выгрузили из поезда и временно разместили около ограды. Мы думали, что сможем задержаться в Москве несколько дней, и у нас будет возможность посмотреть город, увидеть первомайский парад на Красной площади. Но нам было сказано, что

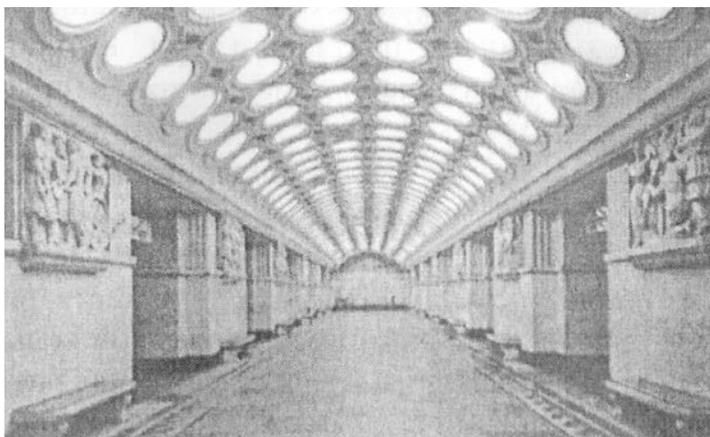
Оборона Москвы

в тот же день нужно продолжить путь до Костромы. Мы пошли посмотреть на Москву. Город в те дни был увешан многочисленными лозунгами, портретами руководителей, больше всего портретами Ленина и Сталина, красными флагами; на улицах чувствовалось возбуждение, люди с нетерпением ожидали взятия Берлина и победного завершения Великой Отечественной войны; все готовились к праздникам и торжествам на Красной площади. С самого начала, когда мы оказались на советской территории, нас не переставало удивлять, как много женщин работало повсюду, они вынуждены были освоить все мужские профессии; в Москве это особенно было заметно: водители троллейбусов, автобусов, поездов в метро, шоферы такси, постовые на улицах, продавцы, куда ни помотришь, всюду видишь работающих женщин.

Метро мне показалось каким-то нереальным миром, который нельзя было представить себе даже во сне; мы несколько часов ездили под землей, пересаживаясь с одной станции на другую; мы не платили за проезд, достаточно было сказать, что мы партизаны Тито, и нас пропускали, открывая перед нами двери. Я уверен, что в то время в СССР никто из иностранцев не вызывал такого уважения, как мы, югославские борцы антифашисты; мы чувствовали это на каждом шагу. Трудно описать мои ощущения, жителя маленькой Будвы, когда я оказался на Красной площади, месте грандиозных исторических событий, оказавших влияние на все человечество. В тот момент меня переполняли восхищение и гордость. Гуляя по площади, глядя на кремлевские стены и башни, слушая бой курантов, я думал о том, что здесь, за этими стенами, живет

Сталин. В моем представлении Сталин был гениальным человеком, вождем советского пролетариата, творцом победы в отечественной войне, олицетворением добра и прогресса, человеком, чье имя вдохновляло нас, участников народно-освободительного движения, на борьбу, с чьим именем мы шли в бой и отдавали жизнь на поле битвы.

Вечером, перед отъездом, мы наблюдали, как Москва осветилась сотнями фейерверков, которыми знаменовали победу Красной армии. Был установлен обычай - в честь освобождения городов и победы на фронтах в Москве устраивали большой салют. Немного разочарованные тем, что не можем дольше остаться в Москве, мы продолжили свой путь на северо-восток, в Кострому, старинный город на берегу Волги. И нам не было жаль, что часть нашего сухого пайка украли на вокзале в Москве; ведь, очень много в то время было голодных людей. Уставшие после дневных хождений по Москве, не обращая внимания на тесноту в вагоне, разместившись, кто как попало, мы уснули и проспали до рассвета.

Метро

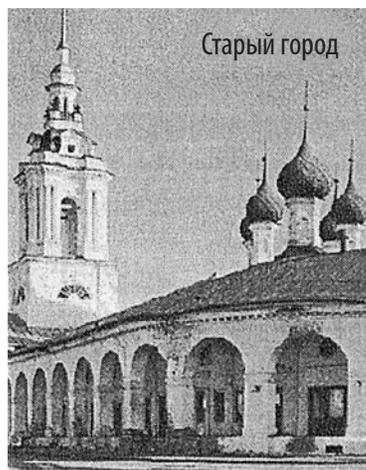

Красная площадь

КОСТРОМА 1945 – 1947

29 апреля 1945 года наша поездка, длившаяся две недели закончилась, и мы, наконец, прибыли в Кострому, в Третье Ленинградское артиллерийское училище. Это элитное учебное заведение было эвакуировано из Ленинграда в Кострому и здесь продолжало работать во время войны и после, вплоть до 1947 года, когда было расформировано. В училище принимали курсантов после окончания средней школы, учеба здесь продолжалась три года.

После окончания училища курсантам присваивалось офицерское звание лейтенанта. Артиллерия была уважаемым родом войск в Советском Союзе, считалось, что она сыграла одну из ключевых ролей в победе над фашистами во время Великой Отечественной войны. День артиллерии был установлен 19 ноября. Это был день, когда Красная армия пошла в контрнаступление под Сталинградом и разбила неприятеля, обезвредив более трехсот тысяч солдат противника. В тот день тысячи пушек всех калибров вели обстрел врага и уничтожили его оборону, обеспечив танкам и пехоте возможность наступления, в результате которого вражеские

части были окружены. Сталин дал четкое определение артиллерии: «Артиллерия – Бог войны». Эти слова были написаны на плакатах в училище и в армейских частях, где я служил после окончания училища.

В училище из нашей группы была сформирована отдельная батарея: командиром был капитан Оркин, а командиром взвода, в котором я состоял, был старший лейтенант Милашенко. Среди командиров были некоторые, кто не принимал непосредственного участия в боях на фронте, у них не было наград и отличий, поэтому они старались отличиться иным способом. Они держали железную дисциплину, всеми силами старались, чтобы именно их подразделение было самым лучшим, и чтобы именно они могли получить признание и повышение по службе, и, главное, чтобы их не отправили на фронт. Нам приходилось расплачиваться за их рвение. Требования беспрекословно и безоговорочно выполнять все предписания и приказы подчас превращались в издевательство. Наши бойцы, бывшие партизанами во время войны, ожидали такого к себе отношения. Было трудно привыкнуть, но другого выхода не было. Это относилось не только к нам, югославам; русским курсантам приходилось еще хуже. Нам говорили, что до нас в училище обучались польские офицеры, но с ними так не обращались:

их не загружали работой, и они вели себя как господа; еще им разрешали соблюдать религиозные обряды. Я уже

упоминал девиз «Артиллерия – Бог войны». Кроме этого лозунга были еще два: слова Суворова «Тяжело в учении – легко в бою» и слова Сталина «Учить войска тому, что нужно на войне». Можно сказать, что обучение в училище и практические занятия, включающие боевые стрельбы, все три года проходили под этими лозунгами.

На следующий день после нашего приезда в Кострому было Первое мая. Состоялся наш первый смотр. Построение проходило на большом учебном плацу. Распределившись по дивизионам и батареям, мы встали в строй и ожидали начало торжества; на трибуне находилось руководство училища во главе с начальником, генерал-майором, его имени я не запомнил. После его приветственной речи и доклада его заместителя по политической части все подразделения прошли строевым шагом перед трибуной под звуки военного марша; по второму кругу все батареи проходили перед трибуной с песнями. Мы шли в составе первого дивизиона. Как отдельная батарея мы были одеты в синюю форму. Понятно, что мы еще не были натренированы в строевой подготовке, но наше участие в параде приветствовали, мы успешно выступили; особенно тепло и сердечно нас приветствовали, когда мы во втором круге запели песню *«Партизан сам тим се дичим то не може бити свак, умријети за слободу може само див – јунак»*... Мелодия была известная, это советская песня времен гражданской войны, очень популярная в то время. Позже у нас не раз были похожие выступления, на День Победы и по другим торжественным поводам, мы постоянно получали хорошие, иногда и самые

высокие, оценки за строевую подготовку и за исполнение песен. Со временем синюю форму нам заменили, и мы больше не отличались от русских курсантов.

Пятьдесят пять лет прошло с того времени, когда я был на учебу в Кострому. Несмотря на то, что я жил в этом городе с мая 1945 по февраль 1947 года, представление о том, как выглядел город, стерлось из памяти. У меня было желание побывать там позже, но не получилось. Я нашел иллюстрированную публикацию «Костромской край», изданную в 1988 году. Рассматривая фотографии, я старался оживить в памяти те места, где жил когда-то. Много изменилось с тех пор.

Кострома - старинный русский город. В средние века здесь жил торговый люд. Город находится на высоком берегу Волги - матушки, недалеко от знаменитого Ярославля, ниже по течению, на удалении около трехсот пятидесяти километров к северо-востоку от Москвы, Это областной центр. Здесь в Волгу впадает река Кострома. В области развиты сельское хозяйство и животноводство. Совхоз Каравеево был известен во всем Союзе по рекордным надоям молока. Здесь находится много учреждений культуры и образования: библиотеки, театры, школы, техникумы и институты. Историческая часть города выдержана в стиле древней русской архитектуры: красивые церкви создают архитектурный ансамбль площадей.

Упомянув церковь, приведу один пример того, каким было отношение к этому институту в СССР. Как-то вместе с товарищами я вышел в первый раз в город, в старой части

города мы увидели большую, красивую, старинную церковь, которая была снаружи полуразрушена и находилась в запустении, а внутри церкви располагались бытовые службы, склад, магазины и даже парикмахерская. Нам, представителям коммунистической молодежи и членам партии, это казалось нормальным; воспитанные в духе марксизма, мы следовали атеистическим установкам Коммунистической партии Югославии, которая не щадила религию, и, именно, православие было под особым ударом. Но здесь в России ВКП (б) еще более безжалостно обращалась с церковью; тысячи священнослужителей были расстреляны, церковное имущество было разграблено, множество значительных церквей и монастырей было уничтожено или осквернено. Все это делалось под известным ленинским девизом «Религия – опиум для народа». Конечно, это уже в прошлом: сейчас на современных фотографиях я вижу ту старинную церковь во всей ее величественной красоте и искренно рад этому возрождению. Надеюсь, что ни в России, ни у нас, никогда не повторится осквернение церквей, гонение верующих и попрание свободы вероисповедания.

Учебная программа в училище была объемной и трудной, особенно для нас: мы не знали русского языка, среди нас было несколько человек, имевших законченное среднее образование, остальные не имели полного среднего образования. Я перед войной окончил четыре класса начальной школы и четыре класса средней школы, которая была открыта в Будве в 1937 году. Но этого было недостаточно для того, чтобы понимать уроки тригонометрии, теории

вероятности, баллистики и другие специальные предметы, основанные на математике, физике, химии и других естественных и технических науках. Поэтому для нас специально был создан подготовительный курс. Мы изучали русский язык, математику, физику и некоторые другие предметы по ускоренной методике в течение шести месяцев. Преподавателями у нас были старшие офицеры, высокообразованные специалисты с профессиональным опытом, для нас было удовольствием слушать их лекции и участвовать в практических занятиях, проходивших под их руководством. Я прилагал максимум усилий, чтобы усвоить материал и получить необходимые знания для дальнейшего обучения, которое начиналось в октябре 1945 года. Однако не все из нас смогли освоить подготовку, и четверо наших товарищей возвратились домой. Вот как выглядел наш обычный день. В шесть часов утра трубач трубил побудку, а дежурные подразделений громко выкрикивали команду «подъём». За двадцать секунд мы должны были встать, одеться и построиться, а если кто-то не успел, то поступала команда «ложись», и все должны были раздеться, аккуратно сложить одежду, поставить обувь, и лечь в кровать; затем вновь команда «подъём», мы должны встать и построиться; а если кто-то из нас хоть слово скажет, то опять команда «ложись» и опять надо раздеться и лечь. В конце концов, все же, выходили из казармы и шли в общую уборную, находившуюся во дворе. Вся эта процедура не могла длиться более пяти минут. Затем начиналась утренняя физзарядка (гимнастика и бег) и длилась двадцать минут. Здесь следует заметить, что

физзарядка проводилась в любую погоду; дежурный после подъема сообщал нам, как следует одеться: обычно мы выходили с голым торсом, если не было осадков, и температура воздуха была выше нуля; в других случаях мы занимались в майках. Когда курсанты выходили из казармы, дверь закрывали, и никто не мог войти внутрь, пока не пройдут положенные двадцать минут. Симулировать было невозможно, хочешь - не хочешь, должен бегать и делать упражнения, чтобы не замерзнуть, (обычно это были упражнения на счет шестнадцать, я их помню до сих пор и делаю иногда как разминку). Зимой, мы обычно до пояса обтирались снегом, таким способом закаливали свой организм и приспособлялись к суровым климатическим условиям, которые здесь преобладали.

После физзарядки следовало умывание и, затем, утреннее построение. Все должно было происходить по четко утвержденному порядку и в определенном временном интервале. К построению надо было быть хорошо подготовленными. Аккуратно одеты, все пуговицы застегнуты и начищены, побриты и, что очень важно, подстрижены; нельзя было отпускать волосы, мы все были пострижены наголо. Только на третьем курсе нам можно было иметь короткую прическу. На голове – фуражка, зимой – шапка. Особое внимание уделялось подворотничку: на гимнастёрке или

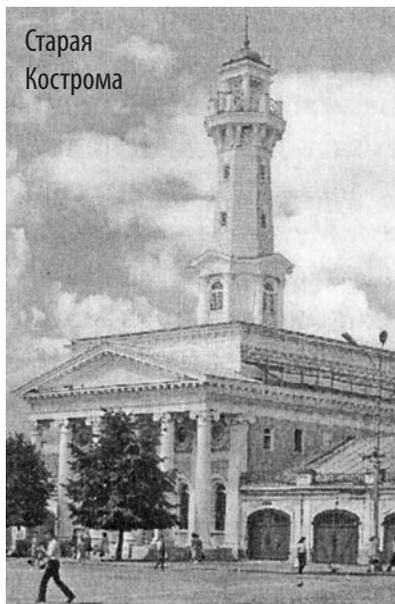

Черногорцы в Костроме

кителе с внутренней стороны должен был быть правильно подшит подвернутый кусок белой ткани, который на три миллиметра виднелся над воротником. Этот белый воротничок должен был быть всегда чистым, мы сами его стирали, пришивали и старались не получать замечания из-за него.

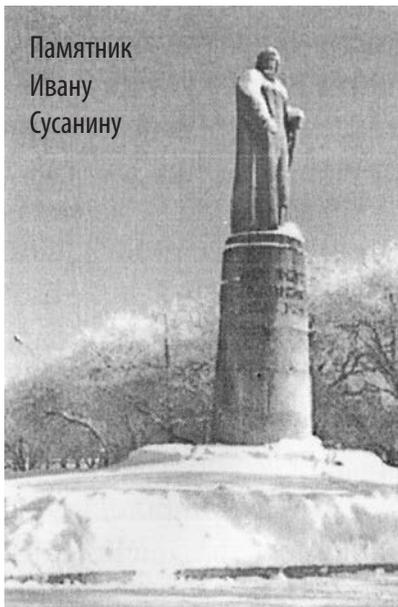
После строгого повседневного осмотра следовал завтрак. Столовая находилась на расстоянии ста метров от казармы. Летом без головного убора, а зимой в шапках, мы шли строем и с песней в столовую на завтрак. Все подразделения должны были обязательно петь строевые песни, хотели или нет, а петь было надо, иначе будет хуже. Например, когда старшина командует «запевай», если тотчас же не начать петь, то следует команда «шаг на месте», пока не запоешь. Случалось, что мы шагали на месте минут десять, и ничего не оставалось, надо было запевать. Мы с этим смирились, у нас в батарее было несколько курсантов, которые хорошо знали и пели русские военные песни. Я был одним из лучших запевал, но мне трудно было начать песню, когда я понимал, что остальным петь не хотелось, потому что они были уставшими или голодными или недовольны учебой или нам просто не пелось. Но ничего другого не оставалось, когда уже сил не было шагать на месте, а ты голодный, и старшина безжалостно стоит на своем. Мы уговаривали друг

друга, чаще всего товарищи просили меня начать песню, и я запевал, например: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех». После этого мы шли дальше, в столовую. Здесь нас ожидала еще одна обязанность: перед входом в столовую стояли спортивные снаряды, и каждый из нас должен был прыгнуть через гимнастического коня, прежде чем войти в столовую; это было непросто, для многих это было тяжело, особенно когда конь стоял высоко. Старшина заставлял некоторых курсантов по несколько раз повторять упражнение, пока не перепрыгнут через коня, а все остальные стояли, ждали и старались помочь выполнить упражнение. Если бы я потрудился заняться статистикой, то оказалось бы, что за три с половиной года я тысячу пятьсот раз перепрыгнул через коня перед завтраком, обедом и ужином. В это количество прыжков не входят те, которые делались во время занятий по физической подготовке. Столовая находилась в просторном помещении, где стояли деревянные столы и скамейки; у каждого подразделения и у каждого курсанта было свое определенное место. За каждым столом сидело десять человек, по пять с двух сторон. В столовую заходили колонной по одному; вставали у своих мест и ожидали команду: «садись». На столах были расставлены тарелки, лежали столовые приборы; черный хлеб и сливочное масло на десять

Старая
Кострома

Памятник
Ивану
Сусанину

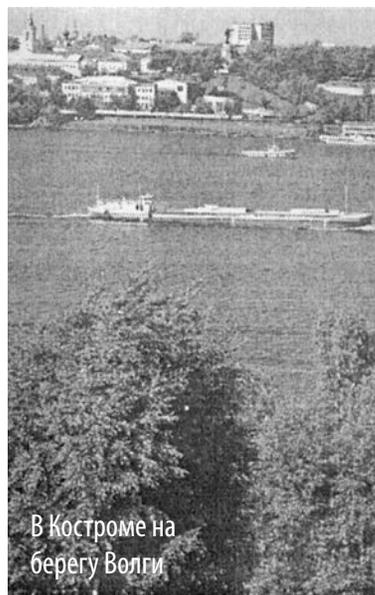

человек; чая было вдоволь без ограничения. На обед был суп, борщ или щи, на второе – картофельное пюре с порцией мяса или рыбы, на ужин обязательно давали кашу, овсяную или еще какую-нибудь и порцию рыбы, в качестве салата, чаще всего, давали свеклу или морковь. Еда была невкусная и некалорийная, порции небольшие, и на тарелках ничего не оставалось.

Все обязанности в столовой и на кухне выполняли курсанты, каждая батарея по очереди. Для нас наступал настоящий праздник, когда подходила очередь дежурства на кухне; задача была не трудная. Мы кололи дрова, разжигали огонь, чистили картошку и готовили еду, накрывали на столы, убрали со столов, мыли посуду и выполняли еще массу разных дел. Дежурство длилось двадцать четыре часа, и все наши курсанты были сыты и довольны. Своим оставляли добавку, и в день дежурства мы были сыты. Была еще одна сторона нашей заинтересованности в дежурстве на кухне: поварами и их помощницами были молодые, симпатичные, ладные русские девушки; а мы как иностранцы были привилегированными в их глазах. Мы вели себя внимательнее, и нам было проще покорить их сердца; а это значит, что можно получать добавку. Помню, что у нас всегда были хорошие отношения с поварами.

Для завтрака, обеда и ужина отводилось определенное время, которого надо было строго придерживаться. Нельзя было медлить и вести разговоры за столом: старшина по истечении положенного времени дает команду «встать», и успел ты или не успел доесть, должен встать и в колонне по одному выйти из столовой; а дальше, строем и с песней возвращаешься в казарму. Сейчас мне дома часто напоминают, чтобы я не торопился за едой, но у меня осталась привычка быстро есть, и я не могу никак отвыкнуть от нее.

Хочу вспомнить один случай, связанный с едой. Люди по-разному переносят голод; не могу сказать, что мы голодали, но нам не хватало еды: мы были молодыми, усердно учились и работали, климатические условия для нас были весьма суровыми, и многие начали болеть; простуды, бронхиты, ангины, воспаления легких. Один товарищ серьезно заболел. Это повлияло на то, что руководство школы решило улучшить наше питание. Помимо всего прочего нам стали давать двойную порцию сливочного масла. Для нас это было хорошо, но мы чувствовали себя неловко из-за того, что у наших русских товарищей не было такой привилегии. На столах, накрытых для югославов, было в два раза больше сливочного масла, чем на столах для русских курсантов. Я был назначен старостой в нашей группе; руководство ценило мои успехи в

В Костроме на
берегу Волги

учебе и хорошую дисциплину, поэтому доверило мне такое непростое задание.

Однажды мой товарищ герцеговинец доверительно мне сообщил, что товарищ Ю. ворует сливочное масло; он это видел, но никому не сказал; когда масло делят на десять порций (обычно это делал он), тайком прячет один кусок в карман. Я не мог поверить, что можно до такой степени опуститься, но сам решил проверить. На следующий день, как обычно, я отвел нашу группу на завтрак. Смотрю незаметно, что делает товарищ Ю. Действительно, он спрятал кусок масла и положил его в карман. Я подхожу к столу и приказываю ему встать и достать масло из кармана. Он это сделал, а я приказал ему сесть и продолжить завтрак.

Эпилог этого происшествия разыгрался вечером того же дня в ленинской комнате. У нашей батареи была в распоряжении отдельная, просторная, хорошо оформленная и обставленная комната, служившая нам как место для отдыха, чтения и собраний. На стене, как иконостас, согласно порядку, установленному по всему Советскому Союзу, висели портреты членов Политбюро ВКП (б). Центральное место занимал самый большой портрет - портрет Сталина; фотографии остальных членов и кандидатов в члены Политбюро были распределены в соответствии с их рангом в руководстве партии, никого нельзя было пропустить. После ужина я назначил сбор в комнате, никто из русских офицеров об этом не знал, мы договорились, что это дело останется между нами, югославскими курсантами. Я вызвал товарища Ю., чтобы он вышел и объяснил нам свой поступок. Он

признался в краже и стал оправдывать свой поступок тем, что чувствовал голод, и поэтому крал масло. Я должен был решить, какое назначить наказание. Вызвал его земляков, словенцев, чтобы они предложили наказание. Они встали, подошли к нему, расстегнули ремни и по очереди ударили его по спине; после них и другие наши курсанты повторили это наказание. На этом происшествие было исчерпано. Этот случай я привел как иллюстрацию условий, в которых мы жили. Мы не хотели запятнать имя и честь нашего подразделения перед нашими русскими товарищами.

Могу признаться, что в другом случае я не был так последователен. В училище случались небольшие кражи: например, у кого-нибудь пропадет шапка, или кто-то потеряет какую-то вещь, за которую должен отвечать, и по правилам должен возместить; чтобы не возмещать, он берет шапку у другого курсанта, чаще из другого подразделения, так может идти по кругу, пока не поймают виновного. Обычно эти украденные вещи тайком продавали за оградой. Территория училища занимала большую площадь, больше гектара; вокруг была ограда, в которой курсанты местами делали дыры и искусно их маскировали. К этим местам подходили торговки, немолодые, бедно одетые женщины. Они предлагали хлеб, сахар, яблоки, овощи и другую еду; иногда можно было купить водку; для нас это все в рублях было очень дорого; кажется, мы получали в месяц сорок рублей, а это было очень мало; продукты в то время стоили ужасно дорого.

Хорошо запомнился один случай. Как-то я сильно изголодался; получил денежное довольствие и, воспользовавшись

возможностью, пошел к ограде за хлебом; за кусок черного хлеба я заплатил десять рублей и съел этот кусок мгновенно. А торговки там подходили и за украденные вещи пред-

лагали еду и выпивку. Это и было одной из причин, почему пропадали вещи. Как-то вечером перед сном один курсант обнаружил, что у него пропало полотенце; я велел всем построиться и лично стал проверять все кровати; полотенца должны были быть сложены и лежать посередине; я осмотрел каждую кровать, чтобы проверить, нет ли у кого пропавшего полотенца. Когда я развернул кровать одного своего товарища, то увидел у него под матрасом спрятанное полотенце. Он побледнел и посмотрел на меня глазами, в которых я прочитал мольбу о том, чтобы я не опозорил его. Я прошел дальше. Мы никогда не говорили с ним об этом потом. Однако, когда мы встречались, я чувствовал, что в глубине души у него прятался стыд за содеянное и невысказанная благодарность мне за мой поступок.

Наш обычный день после завтрака выглядел так: перед началом занятий у нас была получасовая политинформация (знакомство с актуальными политическими событиями), затем следовали восьмичасовые занятия по предметам, потом обед и сон. Этот дневной сон в течение одного

часа мы не любили, но выбора у нас не было; все должны были соблюдать предусмотренную процедуру: раздеться, сложить одежду и обувь, а после сна встать, как и утром по команде. После сна следовала самоподготовка (самостоятельная подготовка к занятиям); потом мы шли на ужин; после ужина у нас было свободное время, которое мы обычно проводили в ленинской комнате, читая книги, газеты, играя в шахматы и др. Больше всего я любил читать, меня увлекла русская литература. Перед отбоем обязательно было построение и перекличка. Спать укладывались за двадцать секунд: сапоги и портянки складывались около кровати; одежда и головной убор складывались, как полагается, на табурет перед кроватью. Кровати были двухуровневые. В десять часов вечера в казарме воцарялась тишина; только дежурный должен был не спать.

В первые месяцы учебы во время самоподготовки к нам часто заходил командир взвода Мелашенко; он старался нам помочь в овладении русским языком и придумал для этого, чтобы мы учили наизусть слова советского гимна; на стене над входной дверью висел плакат с печатным текстом гимна : «Союз нерушимый республик свободных сплотила на веки великая Русь...» Мы вставали по одному и читали текст гимна, а Мелашенко исправлял нам произношение и ударение; нервничал из-за того, что мы не могли правильно выговорить отдельные слова, как например, « сплотила»; тем не менее, его заслугой было, что мы все, так или иначе, выучили текст, а затем и мелодию гимна. Тогда я еще не мог предполагать, что этот гимн в течение следующих десяти лет будет и моим

гимном. После распада Советского Союза, Ельцин изменил гимн, а новый президент России - Путин, в конце двухтысячного года вернул прежний гимн Российской Федерации с обновленным текстом. Меня очень обрадовало это решение; ведь, это был гимн победы над фашизмом; гимн советского могущества. В его возвращении я вижу символику, которая вселяет уверенность в том, что новая Россия встанет на ноги, и как Гоголевская тройка, будет мчаться вперед, оставляя все и всех позади, и другие народы и государства, склонят голову, уступая ей дорогу. Дай Бог, да будет так!

Однажды во время самоподготовки Милашенко застал нас за необычным и недозволенным занятием; и по праву устыдил нас. Случается, что маленькие дети, вследствие недостатка кальция, неосознанно соскабливают со стен и едят штукатурку. Мы из-за недостатка витамина С искали его и нашли на ближнем совхозном поле, где росла капуста. Мы тайно, без разрешения, в течение нескольких дней ходили за ограду и, попросту говоря, воровали капусту. Это было наше коллективное решение, мы все принимали участие в этом деле и по очереди ходили, когда стемнеет, с авоськой в поле, набирали капусты и возвращались обратно, на самоподготовку. Мы резали капусту ножом на равные части, раскладывали по партам вместе с книгами и ели во время чтения. Когда мы ходили за капустой, надо было быть очень осторожными: один раз совхозный сторож начал стрелять из ружья в нарушителей, но и это нас не остановило. Мелашенко прервал эту череду. Мы потеряли бдительность, он появился неожиданно однажды вечером в комнате, где мы только что разделили капусту

на порции. Набили рты капустой, и тут он появляется в дверях. Мы встали по команде. Я отрапортовал: «Товарищ лейтенант, взвод на самоподготовке, все в порядке!» Он посмотрел на нас и спросил чеканным голосом: «Лукетич, что это такое?» «Капуста, товарищ лейтенант», - отвечаю. «Достаньте капусту из парты!» Наша аудитория стала вся белой от капусты. «Откуда капуста?» «Из совхоза» «Вы украли капусту?» Молчание. «Стыдно, курсанты!» Сказал и вышел. Так мы прекратили пользоваться колхозным витамином С.

О том, что происходило у нас на родине, мы узнавали только из советских газет «Правда» и «Известия»; наши газеты до нас не доходили; связи с посольством Югославии в Москве у нас не было, и никто из сотрудников посольства за время нашей учебы в Костроме ни разу нас не посетил; редкие письма из дома были единственной возможностью иметь связь с родиной; мы не имели никакого представления о разногласиях, возникших между КПЮ и ВКП (б); мы жили тогда с уверенностью, что наша страна станет одной из советских республик. Мы отмечали наши государственные праздники, руководство школы нас во всем полностью поддерживало. Наши отношения с советскими курсантами были самыми что ни есть сердечными; практически, мы не чувствовали себя иностранцами; мы знакомились друг с другом, вместе занимались разными упражнениями, участвовали в соревнованиях и других совместных мероприятиях, между нами не было ссор, драк, непонимания; мы относились друг к другу с любовью и уважением. Время от времени кое-кто из наших курсантов выражал разочарование и недовольство из-за условий жизни в

училище и общего положения вещей в Советском Союзе. Но большинство из нас понимали всю тяжесть ситуации в этой стране и вдали от родины стоиче-

ски переносили тяготы, стараясь максимально хорошо учиться, чтобы подготовиться к своему призванию. Среди нас были члены КПЮ и СКМЮ, но ячейки этих организаций не были сформированы, это не разрешалось.

Во время войны и первые годы после ее окончания в Советском Союзе распределение продуктов велось по карточкам, действовала, так называемая, карточная система. Продуктов было недостаточно, и вследствие этого военные части за линией фронта сами обрабатывали землю и производили отдельные продукты для собственного потребления. В распоряжении нашего училища находилось двадцать гектаров земли, на которой выращивали картофель, морковь, свеклу и другие овощи. Наступала осень, а здесь в Костроме она начинается раньше, чем у нас, в сентябре заморозки обычное дело, а в октябре уже мороз может быть; надо было выкапывать картофель, морковь, репу до наступления холодов. Все училище было вовлечено в уборку урожая, от генерала до курсанта; это дело становилось самым главным. У каждого подразделения был определенный участок, где оно должно было убирать урожай картофеля, складывать его и отвозить в хранилище. Мы работали на картошке, как и русские курсанты, тут не было никакой пощады: нам выделили участок,

не помню, какой он был по площади, но мы работали не покладая рук больше десяти дней. Погода была холодная, земля влажная и липкая; картошку мы выкапывали лопатами, вручную все складывали. Хотя работа была нелегкая и длительная, мы успешно с ней справились и уложились в короткий срок, благодаря чему получили благодарность от руководства. Нашему успеху способствовала хорошая организация дела и что еще важнее, мы были досыта накормлены в те дни. Мы проявили смекалку: с противопожарных стендов сняли топоры и ведра и взяли их, на время, в поле, сформировали несколько групп для выкапывания, а отдельная группа была определена для того, чтобы печь картофель. Задачей этой группы было собрать дрова, развести костер и печь в золе картошку. Весь день, пока шла работа, пекли картошку: когда очередная партия испеченной картошки была готова, звучал сигнал самодельного гонга, это был знак, ребята бросали лопаты и устремлялись на пир радостно и шумно; картошку быстро съедали (особенно вкусной была корочка), и опять за работу, и так пока не стемнеет; кроме картошки, мы ели морковь, которую собирали другие группы, и капусту, которую без разрешения брали на совхозном поле поблизости. Я очень люблю картошку, приготовленную по-разному. Но никогда не было такой вкусной картошки, как та, испеченная в золе, в те октябрьские дни на костромском поле.

Климат в Костроме суровый, температура в зимние месяцы опускается иногда ниже тридцати градусов; когда ветер дует с Волги, холод ощущается еще сильнее; снега много и он лежит почти шесть месяцев. Волга замерзает, толщина льда

достигает одного метра. Транспорт, в том числе и грузовой, передвигается по льду. Река представляет собой особую ценность для многочисленных рыбаков; в выходные дни на реку устремляется множество рыбаков, обычно с помощью топора они прорубают лунку во льду (прорубь) диаметром примерно тридцать сантиметров; садятся около нее и часами забрасывают в воду удочки; улов бывает вполне приличным. Но самое большое удовольствие зимой можно почувствовать в лесу, катаясь на лыжах в окружении столетних елей, чьи ветви запорошены пушистым белым снегом. Пожалуй, нигде больше человек не ощущает такого ясного спокойствия. Глубокую лесную тишину лишь изредка нарушают поскрипывающие на морозе деревья. Именно в этих костромских лесах совершил свой подвиг знаменитый Иван Сусанин, русский крестьянин, который завел в непроходимый лес польских захватчиков, чтобы они оттуда не вышли никогда.

Зиму в России нельзя встречать неподготовленным, это относится и к деревне, и к городу. Наша подготовка к зиме шла по двум направлениям: мы готовили военную технику к использованию в зимних условиях, летние смазывающие материалы меняли на зимние масла, которые не замерзают при низких температурах; в казарме заклеивали оконные рамы бумагой, использовали самодельный клей из муки, разведенной водой. Окна не открывают до весны. На некоторых окнах оставляют форточки, маленькие оконца, которые можно открывать для вентиляции. В дни, когда был сильный мороз, это оконце открывали, и через него проходила волна свежего холодного воздуха, который моментально освежал помещение.

Для отопления спален, аудиторий и других помещений существовали печи, которые топились дровами и углем. Мы сами делали заготовки, необходимые для отопления. Медленно, но верно, мы, южане, приспособивались к жизни в стране, где условия были другими, мы закалялись и после болезней и недомоганий вставали на ноги и успешно преодолевали все трудности, которые нас ждали во время учебы.

В первую зиму больше всего проблем у нас было с лыжами; мало кто из наших курсантов умел кататься на лыжах, а что касается меня, могу сказать, что я раньше ни разу не видел лыжи, не то, что катался на них. Как только выпал первый снег, начались лыжные занятия. Нам давали широкие лыжи, которые ремнями крепились на солдатские сапоги; на холоде эти ремни становились жесткими, и если отстегивались, то застегивать их опять было настоящим мучением. В процессе освоения техники ходьбы на лыжах я много раз падал, вставал, опять падал, но отступить было нельзя – будущий офицер должен уметь ходить на лыжах; так я научился и полюбил кататься на лыжах.

Еще в то время, пока мы учились, был организован лыжный кросс на пять километров. Все группы стартовали по отдельности; считали среднее время финиша первого и последнего участника. Мы стартовали, толкаясь и спотыкаясь, но надо было идти вперед; на середине пути стоял контроль, которому надо было назвать свой номер и дальше двигаться к финишу. Кое-как мы дотянули до контроля, сообщили свои номера и повернули к финишу; это была настоящее мучение двигаться на лыжах, и большинство из нас сняли лыжи,

В совхозе

водрузили их на плечи и шли, шагая по лыжне в направлении финиша. Заключительная картина этого кросса выглядела немного смешно: югославы финишируют с лыжами на плечах, но

задание было выполнено. Это случилось только однажды; в следующих лыжных соревнованиях, которых потом было много, мы стали равноправными участниками, и некоторые из нас завоевывали первые места в этих соревнованиях; особенно отличался мой друг Богдан.

Гимнастика тоже была большой проблемой для всех нас в самом начале. Когда мы пришли в спортивный зал, увидели все эти гимнастические снаряды, и наставник показал нам упражнения, которые надо делать, я подумал, что никогда не смогу ничего подобного повторить сам. Это не удивительно, что я так думал; в Академии в Белграде мы немного упражнялись, но там были требования, которые не шли ни в какое сравнение с теми, что действовали здесь. На турнике я не мог подтянуться ни разу, ничего не получалось и на других снарядах; совсем не мог подниматься по канату. Физическая подготовка была важным предметом в программе обучения, для того, чтобы добиться успеха, я должен был в первую очередь укрепить свои мышцы: мне рекомендовали помимо обычных занятий каждый день заниматься дополнительно, я каждый день делал десятки наклонов,

отжиманий и другие упражнения для укрепления пресса; все это постепенно стало сказываться на моих спортивных результатах, которые становились удовлетворительными, но это не касалось других предметов.

Стоит упомянуть, как в тех климатических условиях, в которых мы жили, мы одевались во время артиллерийских стрельб и тактических учений в поле. В России нельзя себе представить зиму без валенок (у нас на родине я их никогда не видел и не знаю, как их можно назвать на сербском); по сути, это высокие сапоги, сделанные из прессованной шерсти; когда бывают сильные морозы, валенки носят абсолютно все от мала до велика; ноги обматывают портянками, и валенки легко надеваются и снимаются; при ходьбе они не гнутся; прекрасно держат тепло и греют; но единственное условие – нельзя, чтобы они промокли. На учениях или на посту валенки были главной защитой от замерзания; они нас спасали; мы их носили с собой в вещмешках, перекинутых через плечо, и по команде обували. Зимой на нас было надето белье из плотного хлопка, майка, рубашка с длинными рукавами, трусы и кальсоны, сверху надевали зимнюю форму: суконные штаны, гимнастерку и шинель, на голове носили теплую шапку с отворотом, который при необходимости мог защитить от холода затылок и уши; еще нам выдавали рукавицы. В сильные морозы надевали ватные брюки и телогрейку, а сверху шинель. Без такого основательного гардеробного репертуара было бы невозможно выдержать занятия в условиях русской зимы, когда температура опускалась ниже пятнадцати градусов. Случалось, что мы по десять дней и больше

находились на полигоне, там спали в белых палатках, которые сверху были засыпаны снегом, а снизу земля, промерзшая в глубину больше, чем на полметра; часто не было даже соломы, чтобы подстелить под себя. В тех учениях и зимних муках больше всего нас радовал котел с горячим чаем.

Все курсанты получали в рублях ежемесячную стипендию, кажется, сорок рублей; старшины получали немного больше. Это тогда были небольшие деньги; я их тратил, в основном, для выхода в город, отправлял письма по почте, покупал станок для бритья, одеколон, зубную пасту и другие предметы первой необходимости. Мы получали регулярно паек табака. В то время это были махорка и папиросы. Махорка – это крупно молотые стебли табака; крепкая, с большим количеством никотина и со специфичным ароматом. Из-за нехватки папиросной бумаги, курильщики использовали газеты. Делали они это так, скручивали кусок газеты, набивали внутрь махорку, затем один конец сгибали, а другим концом прикуривали; дыма и огня от махорки хватало. Сигареты в России были другими, их называли папиросы; отличались они тем, что половина папиросы была из плотной, а половина из тонкой бумаги; самыми дешевыми были папиросы марки «Беломор канал», их выдавали нашим курильщикам. Некурящие получали вместо папирос дополнительную порцию сахара, кажется, не меньше килограмма; я был некурящим, и мне полагался сахар. Я видел тогда, как мучились курильщики, сахара им не хватало, пили сладкий чай, он калорийный, они с удовольствием взяли бы сахар, но, опять же, и без табака не могут, а и то, и другое, получить нельзя.

Пока они на одном конце делили табак, глядя с завистью в нашу сторону, мы, некурящие, с десятков человек, на другом конце стола делили сахар на равные порции и нисколько не завидовали обладателям табака.

Я никогда не курил, хотя мой отец всю свою жизнь был заядлым курильщиком; мои сыновья тоже заядлые курильщики, они не последовали моему примеру. В России я, бывало, покупал пачку сигарет и держал ее в кармане, чтобы если потребуется, можно было бы предложить девушке, хотя в то время очень редко встречались девушки и женщины, которые курили. Когда я вернулся на родину, был сильно удивлен большим количеством курящих женщин. Пожалуй, не лишним будет сказать, почему я не курю: в этом большая заслуга Душана Марковича, прекрасного педагога и великого трезвенника. Он проводил уроки, на которых умел ясно показать вред курения: закуривал сигарету, втягивал в себя дым, потом выдыхал через вату во рту; на вате оставались черные следы от дыма, он нам показывал эту вату и говорил: «Дети мои, если будете курить, ваши легкие станут такими черными». Я это запомнил на всю жизнь.

Где-то в середине следующего года в Кострому прибыла новая группа наших курсантов; они составили отдельный взвод в нашей батарее; у них было у всех законченное среднее образование, они готовились стать специалистами по топографии, связи и другим вспомогательным дисциплинам, необходимым в артиллерии. Мы обрадовались их приезду; в нашем полку прибыло, мы стали более заметными и влиятельными в училище. Первые дни было много разговоров о событиях и

Парад Победы

жизни на родине; вновь прибывшим были рады тому, что мы могли им помочь быстрее приспособиться к новым условиям и выдержать дрессуру, которую проводили с нами без милости. Среди них были

очень способные юноши. Они не только успешно учились, но также хорошо умели петь, играли на гитаре и аккордеоне, занимались футболом и др. Наше подразделение стало более заметным в общественной жизни: мы отмечали наши праздники, участвовали в конкурсах, организовали свой футбольный клуб и занимали первые места в соревнованиях с мячом.

Все эти мероприятия помогли нам завоевать популярность и благосклонность руководства училища, но только не у наших командиров капитана Оркина и лейтенанта Милашенко; чем больше у нас было успехов, тем сильнее они нас притесняли, чтобы получить похвалу от начальства и продвижение по службе. На нашу беду старшиной батареи назначили сержанта С., родом из Славонии. Прошло столько лет, а я не могу забыть лицо этого человека: психопата, злобного, мерзкого, садиста, человека, лишенного совести, какой-либо веры и милосердия. Все это читалось по выражению глаз и гримасе на его лице, когда он давал команды: лечь, встать, на месте, ползти, бегом, прыгай, молчать, смирно... Все югославы в Костроме запомнили его недобро. Мы терпели, так было положено; он

использовал армейские правила: приказ – это закон, должен быть исполнен точно, в определенный срок и без обсуждения. Любое невыполнение его приказа влекло за собой дисциплинарное наказание: наряд или дежурство, рапорт на имя командира из-за которого можно получить двадцать дней простого или пятнадцать дней строгого ареста. Этот мерзавец мог командовать по десять раз: лечь, встать и каждый раз должны были раздеться, лечь и вновь по команде встать и одеться; это повторялось и утром, и вечером; по сильнейшему морозу, без рукавиц и шапки выводил нас на улицу и приказывал по десять минут шагать на месте. Его любимым издевательством было приводить в беспорядок кровати, которые мы старательно заправляли в установленном порядке.

Каждое утро мы с дрожью ожидали появления капитана Оркина. Дежурный по батарее встречал его и докладывал обстановку в подразделении; затем Оркин в сопровождении С. шел осматривать помещение. Если С. видел малейший знак недовольствия на лице капитана, он приводил в беспорядок заправленные кровати, которые надо было снова заправлять, или приказывал снова мыть тамбур и драить уборную. Капитан Оркин был не женат; ему нравилась одна девушка, которая по нашим наблюдениям, не очень его жаловала, и поэтому он лютовал; если вечером он с ней поссорится, то на следующий день нам, его подчиненным, не поздоровится; придет в казарму злой и весь свой гнев и недовольство обрушит на нас. Когда он звонил ей с работы и подолгу разговаривал, мы знали по его настроению, в каком состоянии находятся их отношения, и что нас ожидает.

Его случай, по правде сказать, не исключение, такие ситуации часто встречались. Я помнил поведение Оркина по отношению к подчиненным и всегда старался во время своей службы не допускать ничего подобного.

Заместитель Оркина Милашенко был другим: невысокого роста, он старался казаться выше за счет походки, одежды, манеры себя вести и говорить; его комплекс компенсировался честолюбием и продвижением по службе. Как офицер он был профессионалом. Мы не любили их обоих, но, несмотря на это, их роль в нашем воспитании и успешной учебе была весьма значительной, и я с благодарностью это хочу отметить.

Отдыхом для нас был выход в город. Увольнительные мы получали в субботу до одиннадцати, а воскресенье до десяти вечера. Существовал строгий порядок. Когда и кто идет в увольнение решали командир отделения и старшина. Без их согласия нельзя было получить увольнительную. Те курсанты, которые были дисциплинированными и хорошо учились, получали внеочередные увольнительные, а из-за незначительных проступков можно было лишиться одного или двух очередных увольнений. Это было одно из самых жестких наказаний: например, у тебя назначено свидание с девушкой в воскресенье, получаешь наказание и не можешь выйти в город в этот день; нужно ждать следующего воскресенья. Любовь в этих случаях страдала с двух сторон.

Подготовка к выходу велась тщательно: дежурный был должен построить курсантов и произвести тщательный осмотр. Курсант должен был быть побрит, пострижен, правильно

одет, обувь начищена, чистый воротничок, все пуговицы на месте, одним словом – все по уставу. Проверяли также умение вести себя в городе: знать, куда можно идти, а куда нельзя; было запрещено заходить в некоторые кафе.

Наше училище находилось на окраине Костромы, чтобы попасть в город, надо было пройти пешком в быстром темпе минут двадцать. Не дай Бог, опоздать с возвращением. Это стоило наказания, и потом еще долго пришлось бы ждать нового разрешения на выход в город. За стенами казармы время проходило быстро; мы старались как можно больше всего успеть, а когда приходило время возвращаться, начиналась настоящая гонка. У входа нас обычно встречал дежурный офицер; мы были обязаны доложить офицеру: «Товарищ капитан, курсант (имя, фамилия) вернулся из города, замечаний нет». Проблема была, как сделать так, чтобы дежурный не заметил, что ты пил водку. Обычно курсант рапортовал на небольшом расстоянии, дальше, чем предусмотренные три шага, чтобы не ощущался запах. Когда у офицера возникали сомнения, он просил курсанта подойти поближе и дыхнуть. Замечание в случае, если он почувствует запах алкоголя, было самым безобидным наказанием. Так как мы выходили в город в послеобеденное время и возвращались к вечеру, на ужин не успевали; свою порцию оставляли товарищам, а они брали хлеб и сахар и оставляли нам на тумбочке возле кровати, а мы перед сном могли немного полакомиться.

Мы были молоды, и естественно, искали знакомств с русскими девушками. Случались романы, но были и короткие связи с неприятностями.

Несмотря на строгий контроль, бывали случаи, когда курсанты без разрешения выходили в город; по-русски это называлось «самовольная отлучка». Обычно это происходило вечером после проверки перед сном. Однажды, когда я дежурил, один мой товарищ М. рассказал мне, что у него есть женщина, и он собирается к ней; он разберет кровать, а если придет дежурный, то ему надо сказать, что у товарища болит живот, и он пошел в уборную; я обещал. Где-то после полуночи приходит дежурный офицер, совершающий обход; я сопровождал его во время проверки кроватей, он остановился у разобранной кровати; спрашивает меня, где курсант; я объяснил, что тот вышел в уборную. Он мне не поверил и приказал, чтобы я передал товарищу, чтобы тот явился на пост дежурного. М. вернулся только перед рассветом; он получил десять дней ареста. Но, для него это наказание уже не имело значения, когда через три дня выяснилось, что у него триппер, а через десять – оказалось, что он заработал сифилис. Два года он лечился разными старыми методами, сдавал анализы и, действительно, дорого заплатил за краткое удовольствие.

Знакомства с девушками чаще всего происходили на танцплощадках, где летом проходили танцы, а зимой - в залах домов культуры; часто мероприятия с танцами организовывали в школах и в институтах. Там собиралась молодежь; и девушек всегда было больше, чем молодых людей.

Музыка звучала разная, играли духовые оркестры. В то время были популярны мелодии советских композиторов Соловьева-Седого, Дунаевского и др. в ритме танго,

фокстрота, вальса, но играли и классическую музыку, под которую можно было танцевать.

Позже, после постановлений ЦК КПСС о положении в культуре и искусстве ситуация изменилась; началась кампания по борьбе с иностранным влиянием и модные западные танцы подверглись анафеме; играли и танцевали только вальс, а вместо модных танцев ввели старинные: мазурку, краковяк, венгерский танец, польку, народный танец казачок и другие. Если ты хотел танцевать, должен был научиться танцам, иначе пришлось бы стоять и смотреть. Благодаря слуху, умению танцевать и особенно желанию, я быстро научился хорошо танцевать разные танцы. Мне очень нравилось танцевать; говорят, что я и сейчас, в преклонных годах, хорошо танцую, но я это принимаю скорее как комплимент. В Будве, во времена моего детства, часто организовывали вечеринки с танцами; хоть я был еще мальчишка, мама отправляла меня с сестрами на танцы. Сопровождая своих сестер, когда они ходили на танцы, я видел, как танцуют, иногда сам танцевал и так научился. Однажды со мной произошел казус: я танцевал с сестрами и их подругами *лабетвок*; я был в центре танцующих, у всех руки были переплетены за спиной, вдруг я почувствовал, что пуговицы у меня на брюках расстегнулись, и штаны начали спадать; я вскочил, схватил свои штаны и убежал. Тот случай не забыли у нас в семье, вспоминаем со смехом, когда собираемся вместе.

Обычно мы приходили на танцы группой; занимали удобное положение и, говоря военным языком, осматривали территорию; обсуждали девушек и договаривались, кто кого

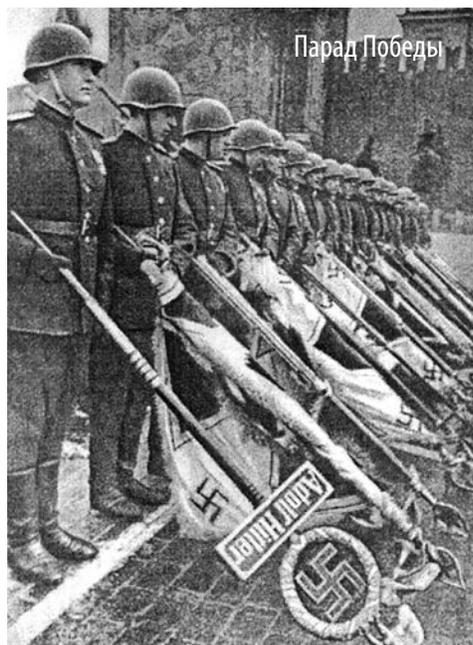
будет приглашать. Обычно девушки и мы стояли в зале по разные стороны. Симпатичные, привлекательные девушки, естественно, были в центре нашего внимания. Чтобы познакомиться с ними, конкуренция была значительная. Прежде чем пригласить девушку на танец, важно было встретиться с ней взглядом и оценить ее реакцию. Наверное, сейчас молодые люди знакомятся по-другому, но во времена моей молодости важно было прочитать в глазах желание познакомиться и встречаться. Как только заиграет музыка, надо было успеть пригласить девушку; был риск и сильное волнение - что если она не согласится танцевать, а все видят, как тебе дают отказ, и ты, проигравший, возвращаешься назад через весь зал. Существовало правило: если девушка отказывается танцевать, то она не должна идти танцевать с другим; а если она пойдет, то это рассматривалось как оскорбление по отношению к тому, кому отказала; можно было отказаться, сославшись на усталость или на то, что обещала танец другому, это было приемлемо. Из-за отказа танцевать часто случались драки.

Мое знакомство с Леной произошло таким образом: она пришла на танцы, и я пришел на танцы, она любила танце-

вать, и я любил танцевать, я ей понравился с первого взгляда, и она мне понравилась, так началась наша дружба. Мы радовались нашим встречам по субботам и воскресеньям, времени

нам всегда не хватало, мы ходили гулять, в кино, осматривали достопримечательности города. Лена отлично умела кататься на коньках и лыжах; в этом не было ничего необычного для русской девушки; в России дети как только научатся ходить, начинают кататься на коньках и санках, а в школе всерьез учатся кататься на лыжах. Мне нелегко было с ней ходить на лыжах; когда мы катались у Волги и по склонам

спускались на замерзшую реку, она как вихрь, красиво, спустилась с горки и махала мне снизу, призывая последовать за ней. Признаюсь, мне было нелегко принять, что я не могу так хорошо кататься на лыжах, как она.

Мы ходили и на каток. Коньки в России популярны не менее, чем лыжи: дети и взрослые, молодые и старые спешат в воскресенье на каток. В Костроме, позже видел то же и в других городах, когда наступает зима, в парках заливают дорожки и спортивные площадки; готовят место для катания на коньках и на реке. На некоторых катках играет музыка, продаются разные сладости, мороженое, пирожки, чай, квас, водка и т.п. (Сейчас, когда пишу эти строки, прочитал в газете, что Путин, президент России, распорядился, чтобы этой зимой в двухтысячном году на Красной площади открыли большой каток для всех, кто любит кататься

на коньках). Однажды в воскресенье Лена меня пригласила кататься на коньках; я ей сказал, что никогда не катался на коньках, что у меня на родине не бывает такой зимы, очень редко температура опускается ниже нуля. Мы пошли. Она взяла свои коньки, я взял коньки напрокат. Это были коньки, которые крепятся на ботинки или сапоги, специальных ботинок не было. Лена помогла мне, сказала, как можно прикрепить коньки, я попробовал встать на лед и тут же упал; пробовал и второй, и третий раз, и хотя Лена меня поддерживала, я каждый раз падал. А ведь, упасть на лед не так уж приятно, но все прошло без повреждений. В тот день я попытался еще раз и пришел к выводу, что на льду мне делать нечего. Я снял коньки, встал в стороне и любовался тем, как легко и непринужденно чувствует себя на льду Лена.

Благодаря дружбе с Леной я имел возможность впервые войти в русский дом. Русские не особо приглашали иностранцев к себе домой, но мы, югославы, в Костроме в то время не чувствовали себя иностранцами, и люди нас тоже так воспринимали, нас любили как братьев славян, как борцов, воевавших против Гитлера, как настоящих и искренних друзей России.

Как-то вечером вместе с Леной мы пришли к ней домой, хозяйева знали, что мы придем, они сердечно меня приняли и угостили по русскому обычаю. Мужчин не было: за столом сидели две бабушки и Ленина мама; все было готово для чаепития. На красиво накрытом столе дымился тульский самовар; рядом маленький чайничек в том же

стиле; вокруг стояли фарфоровые чашечки на блюдцах, а еще вазочки с колотым сахаром и щипчиками для сахара. Чай пьют подолгу и помногу: чашку ставят к самовару, открывают краник, наливают кипящую воду из самовара; в маленьком чайнике заваривают крепкий чай и разбавляют горячей водой в чашке; щипчиками колется сахар, чай чудесный и пьют его вприкуску с сахаром. Для меня это все было невиданным прежде: я наблюдал, как подают и пьют чай и старался следовать обычаю. Чтобы остудить горячий чай, бабушки выливали его из чашки в блюдечко и так пили, медленно потягивая.

Вторая зима в Костроме подходила уже к концу, когда нас обрадовала новость: мы переезжаем в Одессу.

ОДЕССА 1947 – 1948

В России говорилось: Одесса - мама, Ростов - папа, а Кострома – твою мать... В Одессу - маму мы приехали в конце февраля – начале марта, точно не помню. Запомнилось, что в Костроме была зима, и снег был везде по дороге; а когда приехали в причерноморские долины, которые простираются в районе Одессы, снега не было; и в городе тоже. Что сказать: за несколько дней езды на поезде от Костромы до Одессы мы проехали около 2000 километров; распрощались с суровыми для нас пределами северного Поволжья, и вот мы на юге, на Черном море. Я был непомерно рад; море мне снилось в Костроме; и сейчас я вновь на море; правда, не на Адриатике в Будве, но даже просто жить у моря, где бы то ни было, на мой взгляд, большая привилегия и счастье.

Итак, из Третьего Ленинградского мы прибыли в Одесское артиллерийское ордена Ленина училище имени М. В.Фрунзе, великого советского полководца времен революции и гражданской войны. Условия для жизни и учебы в этом училище были намного лучше, чем в Костроме; мы были уже опытными курсантами; остались позади два года учебы; мы быстро освоились в новых условиях. Тогда мы еще не знали, что в Одессе нам придется принять, это касалось нас всех, одно из самых трудных и важных решений в жизни.

Хорошо ли я помню Одессу, смогу ли я по прошествии более пятидесяти лет вспомнить и описать, как выглядел город, какие люди и как жили в этом городе? Конечно, я помню не так хорошо, как хотелось

бы. И для того, чтобы лучше освежить все в памяти, я взял Большую советскую энциклопедию; в ней нашел те данные, которые помогут мне не сделать ошибок при описании города, где я провел прекрасные дни моей молодости, и с которым у меня связаны дорогие сердцу воспоминания.

Записей того времени у меня не осталось; сохранились кое-какие фотографии, остались некоторые письма из дома от мамы и некоторые документы, связанные с учебой, вот и все. Некоторые фотографии я скопировал в Интернете. Хорошо помню мелодию и слова песни, которую исполнял знаменитый одессит Утесов со своим джазовым оркестром: «Я вам не скажу за всю Одессу, вся Одесса очень велика»....

Население самого большого черноморского порта и города Одессы по переписи 1939 года насчитывало свыше шестисот тысяч человек, а сейчас там живет более миллиона человек; во время Великой Отечественной войны город был оккупирован немецко-румынскими фашистами; шестьдесят девять дней шла героическая оборона; оккупанты дошли до Крыма, а окруженная Одесса оборонялась и своей

стойкостью помогала консолидации сил Советской армии. За военные подвиги город получил звание героя, а его защитники – медаль За оборону Одессы; в годы оккупации в Одессе действовало партизанское движение, которым руководила подпольная партийная организация.

Как выглядел город 10 апреля 1944 года, когда части Советской армии освободили его, можно было увидеть в Музее обороны Одессы. За время оккупации тысячи жителей пострадали от репрессий оккупантов; особой жестокостью отличались румынские фашисты; во время своего отступления из города оккупанты разрушили все промышленные предприятия, транспортные сооружения, порт, коммунальные объекты; уничтожили или вывезли материальные и культурные ценности. Но невероятно, с каким энтузиазмом, организованно и слажено, советские люди приступили к восстановлению города, как они быстро и успешно это сделали. Всего за четыре года были восстановлены все промышленные предприятия, коммунальная инфраструктура, порт, началось строительство новых фабрик и заводов. Когда мы приехали в Одессу, восстановление и строительство шли полным ходом; еще оставались разрушенные дома, но жизнь города была полностью нормализована. Одесса – крупный культурный и научный центр: здесь было девяносто общеобразовательных школ, двадцать одна школа рабочей молодежи, двадцать четыре техникума, семнадцать высших учебных заведений и научных институтов, среди которых Государственный университет имени И. И. Мечникова; знаменитый Институт глазных болезней имени

всемирно известного ученого В. П. Филатова. В городе работало более пятисот библиотек, семь театров, пять музеев, сорок пять дворцов культуры и клубов, три парка культуры и отдыха. Благоприятные климатические условия, мягкие зимы и обилие солнечных дней способствовали тому, что в непосредственной близости от Одессы были построены санатории и дома отдыха, куда ежегодно приезжали на лечение и отдых более ста пятидесяти тысяч человек.

Мы уже больше двух лет были в Советском Союзе, соскучились по дому, и очень обрадовались, когда было принято решение, что в августе 1947 года мы поедем в отпуск в Югославию. В этот раз путешествие было более приятным и удобным, и длилось короче: из Одессы мы отправились на поезде до пограничного пункта Унгени, затем знакомой дорогой через Яши прибыли в Бухарест; в этот раз мы недолго задержались в городе, но достаточно для того, чтобы увидеть и оценить те изменения, которые произошли в этой стране; около вокзала больше не было борделей; Румыния встала на путь строительства социалистического общества.

Продолжая путь из Бухареста, мы прибыли в нашу столицу – Белград. Уже в пути, проезжая Воеводину, мы увидели много нового: социалистические лозунги, призывы Коммунистической партии, руководящей силы общества, плакаты, посвященные Советскому Союзу и Красной армии, портреты Тито, Сталина, Ленин и других руководителей красовались на всех станциях, через которые мы проезжали. На полях после жатвы пшеницы вспахивали землю; зеленели бескрайние поля кукурузы, обещающая богатый урожай.

В Белграде мы увидели много партийных лозунгов и портреты руководителей нашей страны и Советского Союза; на каждом шагу было заметно, как огромная энергия освобожденного народа устремилась к строительству нового общества; многие разрушенные дома были восстановлены, строились новые; строительство шло полным ходом.

Я смотрел на это все с воодушевлением и верой в то, что наша страна вместе с СССР построит социализм и коммунизм. В Белграде мы задержались на несколько дней; необходимо было получить документы и средства для поездки на родину; я воспользовался случаем, чтобы навестить друзей и сообщить своим домашним о приезде. Много радости было, когда я узнал о назначении мне Ордена за заслуги перед народом; в штабе мне вручили орден.

В Будву я приехал в двадцатых числах августа и провел на отдыхе пятнадцать счастливых дней. Дома все были здоровы. Жили скромно; отец и мама не получали пенсию, небольшие средства от сдачи в аренду помещения в доме – все, что они имели; дом, который пострадал во время бомбардировки в начале войны, не был восстановлен; сестра Зора работала и помогала родителям; сестра Брана вышла замуж за доктора Бечко Лакича, их дочка Зоя, которой исполнился годик, с удовольствием играла со мной, называя меня дя, дя ; брат Стево, как офицер ЮНА, находился в составе наших войсковых подразделений в Истре, он вскоре приехал в Будву, чтобы увидеться со мной; отец дал в нашем доме временный приют Илии Сойхеру, который вернулся из немецкого лагеря. О моем приезде в Будву сразу же всем стало известно; я был

единственным человеком в городе, кто поехал на обучение в Советский Союз; тогда это было большой привилегией и честью. В форме русского курсанта с погонами на плечах и с орденом на груди я ходил, прогуливаясь по городу, встречаясь с друзьями и знакомыми. Многие просили, чтобы я рассказал о жизни в Советском Союзе; хотели, чтобы я подтвердил их идеалистические представления о той стране; спрашивали обо всем в деталях. Я отвечал на их вопросы откровенно; старался не рассказывать сказок, рассказывал правду, ту правду, в которую я сам верил, так, как я сам это видел, понимал и истолковывал; в общем, говорил воодушевленно, и собеседники были довольны моим рассказом о России.

Но для моего отца Луки рассказы о России были неубедительны.

Драгица, моя мама, была восхищена и, затаив дыхание, слушала, как ее сын красиво говорит, и выговаривала отцу за то, что он слушал с недоверием и иронией. Но у всего есть свое объяснение: отец поездил по миру, жил в Швейцарии, в Лозанне, где встречался с русскими революционерами, жив-

шими в эмиграции; они произвели на него плохое впечатление; по природе свой он был демократом и противником всех диктаторских режимов. Отец много курил: у него было несколько трубок, он любил сигары, сигареты, и крутил самокрутки

из табака; зная это, я привез ему из России папиросы одной из лучших марок, «Казбек», и несколько пачек кубинских сигар. Он попробовал. Русские ему не понравились, а кубинские он курил с удовольствием. Из России я еще привез много значков в виде пятиконечной звезды с серпом и молотом, которые были на шапках у советских солдат; для моих друзей и соратников по борьбе это был настоящий подарок.

До войны по соседству с нашим домом и магазином отца было ателье «Прогресс», в котором работал Иво Микович, коммунист из Челобрда. Здесь в 1936 году была основана первая местная ячейка КПЮ; я тут слушал рассказы о новом коммунистическом обществе, об Октябрьской революции, Советском Союзе, Ленине и Сталине; меня вдохновляли идеи всеобщего равенства, свободы и справедливости, освобождения человека от эксплуатации и угнетения; по сути, здесь, в этом ателье формировалось мое мировоззрение, которое в дальнейшем привело меня, юношу и пламенного комсомольца, в борьбу за осуществление тех идеалов. Лука часто беседовал с Иво и его коллегами, которые все были членами КПЮ или СКМЮ; они его все уважали как честного человека и не обижались на его критику коммунизма и шутки, которые он отпускал на этот счет. О том, что мой отец был великодушным и толерантным человеком, свидетельствует то, что он никогда ни мне, ни брату, ни сестрам не навязывал своего мнения; никаких запретов, препятствий или, не дай Бог, применения силы не было с его стороны по отношению к нам; он старался на примере своего образа жизни, понимания и отношений в семье и в обществе повлиять на наше воспитание в духе почитания

традиций и уважения к дому. Я ему очень благодарен за это; я уверен, что мы, его дети, не разочаровали нашего отца.

Однажды к нам в гости пришел дядя Дано Радженович, друг дома, исключительно приятный и скромный человек, имевший широкие взгляды. Я ему, конечно, стал рассказывать о России; в том числе, о том, как люди путешествуют по Советскому Союзу, стране, занимающей одну шестую часть всей суши на земном шаре. Я с удовольствием рассказывал обо всех деталях езды на поезде; говорил, что колея в России шире, чем европейская; о том, что на Дальний Восток поезд идет шесть-семь дней; рассказывал о поездке на поезде в зимнее время, когда температура воздуха опускается ниже нуля. Я подробно рассказывал о моей зимней поездке на поезде из Костромы в Одессу. В поезде было холодно, на улице минус двадцать. Мы получили сухой паек, но чая не было. На станциях, где наш поезд останавливался на короткое время, стояли будки с кранами, из которых можно было налить себе горячей, кипяченой воды для питья. Мы выскакивали из поезда на мороз, наполняли фляжки и бегом назад в поезд. Мы были рады, что можно утолить жажду и согреться. Отец спрашивает меня: «Воды можно было взять, сколько хочешь?» Я отвечаю: «Конечно». Отец поворачивается к Дану и говорит: «Представляешь себе, Дано, какая благодать, в России горячей воды, сколько хочешь, и бесплатно».

Пока я находился в Советском Союзе, а мой брат Стево служил офицером в Первой пролетарской бригаде в Порторожье, моего отца в Будве обвинили за то, что он вредил народной власти и осуществил физическое нападение на одного

служащего, секретаря комитета КПЮ. Против него возбудили дело, и суд в Которе присудил ему пять месяцев тюрьмы. Когда его под конвоем отправляли в Котор, Лука обратился к согражданам : «Смотрите сограждане! Этого со мной даже фашисты не делали».

Отец не хотел обжаловать приговор; он сказал маме, чтобы она приготовила ему матрас, и с ним он поехал прямо в тюрьму в Котор. «Я человек в летах и пришел отбыть наказание, пока лето» - объяснил свое появление начальнику тюрьмы мой отец. Его не хотели пускать, так как приговор еще не был принят к исполнению, поэтому он с матрасом вернулся домой в Будву.

О том, что все было вымышлено, и приговор был несправедливым, свидетельствует тот факт, что судья на основании встречного иска принял решение об освобождении отца.

Я обо всем узнал, когда приехал в отпуск в Будву; мама мне все подробно рассказала. Мне дали прочитать приговор. Я был расстроен и очень злился на тех людей, которые участвовали в этом позорном спектакле по осуждению моего отца. Это произошло в 1947 году. В то время было опасно критиковать власть, а физическое оскорбление секретаря районного комитета партии могло стоить головы. С кем бы я ни говорил об этом в Будве, все с симпатией отзывались об отце; хвалили его за смелость, с которой он отнесся к наветам на его счет. Наветы в то время были частыми по отношению к честным людям. Их незаслуженно обвиняли, чтобы заставить стать послушными. Луку не могли сломить ни фашисты во время оккупации, ни диктатура, которую применяли коммунисты

после войны. В Будве и по сей день вспоминают его поступок, когда он не позволил четникам вместе с немцами войти в дом для обыска: «Они оккупанты, пусть обыскивают, а вы, их подручные, только через мой труп можете войти». Он стоял на своем, тут и сестры были, а мама его умоляла испуганным голосом: «Пусть их, Лука, убьют, ведь, они тебя ночью». Немцы перевернули все вверх дном, разыскивая спрятанных партизан, увели отца и сестру Зору в тюрьму, но четники той ночью так и не переступили порог нашего дома.

В те августовские дни я побывал у родственников на Преворцу, рядом с Петровцем, как раз во время сбора урожая в Лучицах,. Там растет виноград высокого качества: белый виноград, который от сладости прилипает к рукам; сорт *вранац*, из которого делали знаменитое петровачко вино; сорт розового винограда *лисице*, исключительно приятный на вкус. Наши родственники до войны славились тем, что производили хорошее вино и ракию; они были трудолюбивыми, честными, общительными людьми и политикой не занимались. В этот раз, как всегда, они встретили меня радушно. Во время войны я провел у них много трудных дней, и всегда был окружен вниманием и любовью. Этого я никогда не забывал. Не могу забыть и их добрых соседей Елу и Стево Милутинович, у которых была большая семья, а их дом всегда был открыт для меня; а в Груде и Калудерце, партизанских селах, я всегда чувствовал себя как дома: тетя Катица Шольга всегда относилось ко мне как к сыну; баба Миловица тоже; здесь Мишо и Джуро Шольга вместе с Марком Андровичем, первого мая 1944 года приняли меня в члены Союза коммунистической

молодежи Югославии. Со всеми этими дорогими мне и близкими людьми я хотел повидаться, чтобы вспомнить былое, поговорить о будущем, и о строительстве нового общества.

СССР в то время был темой, которую никак нельзя было оставить без внимания: направление развития Союза, его мощь и выдающаяся роль для всего мира; пример развития целой страны во всех областях общественной жизни, включая государственное устройство, промышленность и сельское хозяйство, образование, науку, культуру, спорт; все могло и должно было служить примером для Югославии.

После сбора урожая, мы собрались, и стар, и млад, в тени дубовых деревьев за обедом, и я начал свой рассказ о России. По обычаю, перед обедом мы выпили за встречу по рюмочке домашней ракии. Я рассказывал о колхозах и совхозах, о механизации в сельском хозяйстве и о многих других вещах; отвечал на вопросы. Во время обеда, за бокалом красного сухого вина, мой рассказ продолжался, и вопросов стало еще больше. Мне показалось, что наши участники солунского боя, добрые, старые дяди Нико и Радо, с недоверием слушают мои рассказы. Однако они сказали: «Мы хорошо знаем Мирослава и верим тому, что он рассказывает».

Сезон подходил к концу, иностранных туристов не было, еще немногие отдыхающие, наши, из других городов, жили

в гостиницах и в частном секторе. Вечера жители Будвы и гости проводили на террасе гостиницы Авала, самой лучшей в то время на Адриатике: городской оркестр играл танцевальную музыку. По вечерам Бечко, Стево, я и мои сестры встречались перед Авалой. Пусть не обижаются на меня будванские девушки того времени, если я скажу, что самой красивой была Вера: она не была красавицей в классическом смысле, но в ней и физически, и духовно, все было выразительно и привлекательно. Под звуки вальса мы танцевали с ней вдвоем, не уставая; по вечерам гуляли по берегу моря и по набережной, мы стояли и разговаривали, облокотившись на перила, на деревянном мосту около Савичича, я напевал популярную в то время русскую песню «Темная ночь»...

Отпуск быстро закончился, пора было возвращаться в Одессу.

На обратном пути я десять дней оставался в Белграде по неизвестной мне тогда причине. Позже мы узнали, что уже в то время возникли разногласия между СССР и Югославией, и это стало причиной того, что мы задержались в Белграде – обсуждалось, поедем мы в Одессу или нет.

Обучение на третьем курсе проходило по программе; требовалось много труда и времени, чтобы овладеть учебным материалом; у меня была хорошая успеваемость, я был одним из лучших в нашей группе. Я старался помогать моим товарищам, которые не могли самостоятельно подготовиться к сдаче некоторых предметов. К тому же я был старшиной, и эта должность требовала дополнительного времени и ответственности, однако давала и некоторые привилегии,

по крайней мере, тогда, когда речь шла об увольнительных в город. Могу сказать, что ситуация с применением дисциплинарных мер в Одессе значительно изменилась по сравнению с Костромой; не было больше С., который раньше портил нам жизнь; а мы были, в каком-то смысле, ветераны.

Мы были закаленные, приспособленные к строгим требованиям службы и учебы и к суровым условиям жизни. Правды ради, надо сказать, что не все из нас могли соответствовать строгим требованиям дисциплины и осваивать учебную программу. Были такие, кто пытался избегать требований и не выполнять обязанности, для таких людей в русском языке существует слово «сачок». Но им втройне приходилось расплачиваться за такое отношение к делу.

Я воспринял суть воинского призвания, в основе которого лежит строгая иерархия, подчинение и безусловное исполнение приказа, личная ответственность, точность в исполнении приказа и, конечно, знания, умения и навыки командира. Как будущий офицер я знал, что должен строго придерживаться этих правил, и не жалел сил, трудился, не покладая рук, чтобы быть успешным. Уже в училище, особенно когда стал старшиной, я старался зарабатывать свой авторитет личным примером, под девизом: «Делай, как я». От этого принципа я не отступаю до сих пор, и считаю, что на нем строится все воспитание, в том числе, в семье. Не будет преувеличением сказать, что наши курсанты меня уважали и доверяли мне, я относился к ним разумно и с вниманием, но был последователен в своих требованиях по исполнению приказов: дружба дружбой, а служба службой. Я был

со всеми в хороших отношениях, меня называли Луйо; мы с радостью общались, спорили, вместе работали, учились, тренировались, отдыхали, выходили в город; среди наших курсантов были и близкие мне друзья: Ранко, Богдан, Чика, Веско, Жива и др., с ними мы остались в дружеских отношениях и после окончания учебы.

После возвращения из отпуска мы с Ранко первый раз вышли в город. У меня на руке были часы, которые мне в Будве подарил Стево. В то время мало кто носил наручные часы; это, в некоторой степени, был знак престижа. Помнится, в Поборах во время войны мой комиссар Перо где-то раздобыл несколько наручных часов. Мне часы не достались, хотя я втайне надеялся на этот подарок. Но вот сейчас я в первый раз в жизни получил часы в подарок от брата, и часто на них смотрел, показывая окружающим, что у меня они есть.

В Одессе в те первые послевоенные годы было много воров-карманников, и часто случались ограбления. Был случай, когда в трамвай, который шел вдоль набережной в сторону Большого фонтана, остановили вооруженные люди и отобрали у людей деньги и ценные вещи. Это было неудивительно: Одесса – это портовый город, кто только не приезжает сюда; многие вернулись с фронта, было много беспризорников, промышлявших воровством. Мы все это знали. Каждый раз, когда мы выходили в город, дежурный нас предупреждал. Опасно было возвращаться ночью, поэтому мы ходили в город не в одиночку, как минимум вдвоем. Надо было идти посередине улицы и держать руку в кармане шинели, так чтобы встречному было понятно, что у тебя в руке пистолет.

Если навстречу идут двое или больше людей, их надо обойти стороной. Нельзя оказаться между ними, иначе мгновенно могут схватить, раздеть, разуть и пустить в чем мать родила домой. И хорошо еще, если не побьют.

В тот день мы с Ранко шли по Дерибасовской, знаменитой одесской улице; было воскресенье, прекрасный солнечный день; мы стояли на остановке и ждали троллейбус; народа было много; я с трудом вошел в троллейбус, держась за поручень левой рукой, вдруг я почувствовал, что часы у меня пропали; я закричал, что у меня украли часы и попросил, чтобы троллейбус не трогался с места, пока не обыщут пассажиров; Ранко меня поддержал, многие граждане тоже. Но это уже было бесполезно; вора уже не было внутри, он сделал свое дело во время посадки в троллейбус; специальным ножом срезал кожаный ремешок и взял часы. Раздосадованный и огорченный я вернулся без своих первых швейцарских часов.

Первые полгода жизни в Одессе я часто получал увольнительные, и у меня была возможность хорошо узнать город; по субботам и воскресеньям мы ходили на танцы в какой-нибудь институт. Одесса - это университетский город, кроме университета, включающего несколько факультетов, здесь много других высших учебных заведений - институтов, в которых студенты обучаются четыре года или пять лет с тем, чтобы получить отдельную специальность высокой квалификации, это например, медицина, технология, машиностроение, сельское хозяйство и т.д.

В СССР все граждане могли свободно выбрать профессию и поступить в вуз. Государственное планирование

регулировало потребность в кадрах и стимулировало обучение кадров в отраслях, где наблюдался дефицит специалистов, при этом учитывалась необходимость обеспечения кадрами по всей территории огромной страны. Все студенты в Советском Союзе получали стипендию, но при этом были обязаны регулярно посещать занятия и успешно сдавать экзамены; в случае, если студент проваливал экзамены, он лишался стипендии до тех пор, пока не исправит оценки; если не сдаст сессию за год, то перестанет получать стипендию. Стипендия в денежном отношении была небольшой, но скромно жить на нее можно было, если студент имел жилье в общежитии. Существовала конкуренция за получение места в общежитии, преимущество имели отличники и студенты из малообеспеченных семей. Такая система обеспечения стипендиями и жильем в общежитии была стимулом; очень редко кто из студентов оставался на второй год, и обычно все в положенный срок заканчивали обучение в вузе. Это было важно для государства в смысле экономии средств; большее количество выпускников средних школ могли поступить в вуз; молодые высокообразованные специалисты в возрасте двадцати двух-двадцати трех лет начинали работать. Госу-

дарство гарантировало выпускникам после окончания вуза устройство на работу. Существовала централизованная система, по которой вузы получали от профильных министерств списки вакансий

на предприятиях и в учреждениях по всей стране; преимущество выбора места работы имели отличники; остальные должны были в обязательном порядке получить распределение на работу в любой из регионов большой страны. Это обязательство по отношению к государству возникало вследствие выплаты стипендии и действовало в течение нескольких лет, равных времени получения стипендии; после этого срока можно было менять место работы и жительства.

Гидрометеорологический институт в Одессе находился ближе всего к нашему училищу, и там учились, в основном, девочки, поэтому мы чаще всего ходили именно туда на танцы и разные вечера. Там я познакомился с Аллой, студенткой второго курса этого института, будущим метеорологом. Благодаря этому знакомству я лучше узнал условия обучения в высших учебных заведениях СССР. Мои друзья тоже знакомились с девушками, студентками Гидрометеорологического института, и там часто встречались. Ни у кого из нас не было достаточно денег, чтобы ходить в рестораны или кафе, обычно мы гуляли по городу, ходили на вечера, где вход был бесплатным, или смотрели новые фильмы в кинотеатре.

С Аллой мы обычно договаривались заранее, где встретимся и куда пойдем в выходные дни; рассчитывали, сколько у нас денег и как их лучше потратить. Прогулка всегда была обязательной частью наших свиданий, ведь этот город Богом дан для прогулок: это был один из самых красивых и благоустроенных городов в Советском Союзе; еще в конце восемнадцатого века здесь был разработан урбанистический план, по которому строились кварталы с прямыми улицами, и велось

озеленение этих улиц, в план вошли многочисленные бульвары, парки, стадионы и пляжные зоны. В стиле классицизма построено здание Старой биржы, дворец Воронцова, Морской дворец и др. Мы ходили на бульвар в центр города, где больше всего собиралась молодежь, осматривали достопримечательности; прогуливались по зеленым аллеям; спускались к пристани посмотреть на корабли, наблюдали, как паруса медленно появляются из-за горизонта, и нам вспоминались стихи Лермонтова: «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом...» Алла показала мне знаменитую Одесскую обсерваторию, основанную в 1871 году. Наши прогулки обязательно должны были проходить через городскую площадь, которую обрамляют полукругом два великолепных здания, и на которой стоит памятник первому градоначальнику Одессы Ришелье (1803). Дальше, вдоль Приморского бульвара мы шли к морю и спускались по знаменитой Потемкинской лестнице, сооруженной более ста пятидесяти лет назад. Здесь нельзя было не вспомнить шедевр режиссера Эйзенштейна, кинофильм «Броненосец Потемкин». Знаменитые кадры снимались на этой лестнице: детская коляска, которая сорвалась вниз, заставляя зрителей затаить дыхание.

Алла как-то предложила пойти в воскресенье в театр на балет Петра Ильича Чайковского «Лебединое озеро», и я с радостью согласился. Она кратко мне рассказала сюжет. Помню, в Костроме я всего один раз был в драматическом театре на спектакле по пьесе современного советского писателя К. Симонова «Нашествие». В Белграде, во время учебы в академии у меня не было возможности ходить в театр. Я смотрел

несколько любительских спектаклей, будучи мальчиком, в довоенной Будве. На этом мои представления о театральном искусстве были исчерпаны.

С нетерпением я ожидал того дня, когда мы пойдем в Театр оперы и балета в Одессе. Алла заранее купила билеты, естественно, льготные для студентов, на галерку. Мы были, совершенно, довольны. Она любила ходить в театр, была в оперном театре много раз, и рассказывала мне об истории строительства этого великолепного здания, которое похоже на здание Венского оперного театра, так как эти два здания проектировал один и тот же архитектор. Я проходил рядом с этим зданием раньше. Но сейчас, когда мы вошли внутрь, был очарован красотой интерьера и масштабом. Для меня это было открытие, я входил в новый, не знакомый и не доступный мне ранее, мир; люди мне здесь казались какими-то другими, одухотворенными, они вели себя спокойно и достойно, будто пришли в храм на молитву. Все происходило торжественно, в стороне от повседневности, от материальных и других забот, которые, несомненно, существовали у большинства посетителей; все это было далеко и от моей обычной жизни с ее суровыми армейскими буднями.

Мы заняли свои места на галерке; свет постепенно погас, за пульт вышел дирижер, переполненный зал затих; звуки увертюры оповестили о начале представления; я, затаив

дыхание, слушал чудесную музыку Чайковского; смотрел, как виртуозно и сыгранно танцуют солисты и балетный ансамбль, стараясь в танце и мимике артистов уловить то, что они доносят публике. Захваченный музыкой я внимательно следил за представлением. Почти неосознанно я спросил Аллу: «Когда они начнут говорить?» Она посмотрела на меня с понимающей улыбкой и тихо ответила: «В балете не говорят словами».

Я понял смысл ее ответа и запомнил навсегда. Возвращаясь в казарму, я находился под большим впечатлением от увиденного в театре; вспоминал и старался повторить мелодию танца маленьких лебедей. К действительности меня вернул запах, распространявшийся с консервной фабрики, мимо которой я проходил, возвращаясь из города. Мне захотелось есть, я почувствовал, что проголодался, и скорее поспешил вернуться к себе в казарму, где в тумбочке возле кровати меня ждала горбушка черного хлеба и кусок сахара, которые с ужина мне принесли товарищи.

Смело могу сказать, что с самой первой встречи с театром тогда в Одессе я полюбил балет, оперу, классическую музыку; везде, где бы ни жил позже, я всегда ходил в театр; смотрел спектакли, слушал музыку в Большом театре в Москве, в театрах Ленинграда, Куйбышева, Саратова и др. Я выучил некоторые арии из русских и итальянских опер, и часто в дружеской компании пел их.

День Октябрьской революции был самым главным государственным и народным праздником в Советском Союзе. По новому стилю он отмечался седьмого-восьмого ноября. Подготовка к празднованию начиналась уже за месяц,

огромный пропагандистский потенциал страны действовал для прославления идей социализма, коммунизма, роли партии, заслуг великого, мудрого, непоколебимого учителя и вождя Иосифа Виссарионовича Сталина.

По радио и в печати рассказывалось об успехах в деле обновления и строительства по всей стране, публиковались письма, в которых трудовые коллективы обязуются выполнить и перевыполнить пятилетний план развития. Украшались города и села, фабрики, заводы, школы, учебные и научные институты, учреждения культуры, одним словом – повсеместно, в знак прославления победы социализма висели плакаты, флаги, портреты советских руководителей. Люди на свои скромные средства к этому дню покупали продукты, готовили угощение к праздничному столу, обязательно с водкой, если русский не выпил в этот день, то значит и не праздновал. В 1947 году подготовка велась особая, так как праздновался юбилей -Тридцатилетие революции.

Советская армия и все ее подразделения готовились к этому празднику особо; на Красной площади в Москве готовилось главное празднование и большой военный парад советских войск, который демонстрировал мощь армии и могущество государства; во всех республиканских столицах и крупных городах по всей стране проходили демонстрации, в которых участвовали миллионы граждан, и военные парады. Одесса тоже готовилась к празднованиям, здесь находился штаб Военного округа. Следует отметить, что в то время командующим этого округа был прославленный маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Популярность Жукова в СССР и в мире была огромной: его вклад в победу Красной армии был неизмерим; он был стратегом самых важных побед в Отечественной войне - Москва, Сталинград, Курск; дошел до Берлина; своей подписью засвидетельствовал акт капитуляции нацистской Германии. После войны он был комендантом советских войск в оккупационной зоне в Германии. Сталину мешал ореол славы, окружавший маршала Жукова; он перевел Жукова со службы в Германии и назначил на должность командующего Одесским военным округом; были попытки оговорить Жукова и умалить его ратные заслуги.

Мы знали, что состоится парад военных частей округа с участием всех родов войск и что принимать парад будет лично Жуков. Наше училище готовилось к празднику: мы убрались в здании, красили стены, готовили двор и тренировочную площадку, приводили в порядок военную технику; парадную форму готовили к смотру и параду; каждый день мы занимались строевой подготовкой, отработывали строевой шаг и стройный ответ на приветствие маршала.

Я хорошо запомнил 7 ноября 1947 года: на широком Куликовом поле построены подразделения Одесского военного округа; на трибунах руководство и гости. Перед трибуной командир парада на коне; все взволнованно ожидают прибытия маршала. Жуков появился верхом на коне, шедшем рысью. Принял рапорт начальника парада и двинулся в обход войска; останавливаясь перед всеми подразделениями, во главе которых реяли флаги; следовало его приветствие: «Здравствуйте, товарищи!», в ответ слышалось громогласное:

«Здравие желаем товарищ маршал Советского Союза!». Подошел наш черед. Я увидел маршала вблизи: его статная фигура на коне напоминала живой памятник. На голове маршальская фуражка; лицо будто высечено из мрамора; атлетический торс в маршальском мундире с эполетами, вся

Жуков.
1925 год

грудь увешана высочайшими отечественными и иностранными наградами, сверкает бриллиантами Орден победы. «Здравствуйте, товарищи курсанты и офицеры!» - чеканным голосом маршал приветствует нас; мы ответили слаженно и громко: «Здравия желаем, товарищ маршал Советского Союза!». После завершения смотра он сошел с коня и поднялся на трибуну; прозвучал гимн Советского Союза, и Жуков обратился к нам: «Товарищи солдаты, моряки и офицеры! Поздравляю вас с великим праздником – тридцатилетием Великой октябрьской социалистической революции!». Прогремел тысячеголосый ответ: «Ура, ура, ура...» После приветственной речи, подразделения прошли одно за другим, по установленному порядку, под звуки марша Глинки «Слава», торжественным шагом, отдавая честь своему главнокомандующему - маршалу Советского Союза Жукову.

Жуков как командующий военным округом принял делегацию югославских офицеров, которые проходили курсы

повышения квалификации в Пехотном училище в Одессе; в беседе с ним наши офицеры высказали замечания по поводу их положения и условий жизни в училище. Жуков их принял, внимательно выслушал и обещал принять меры по изменению ситуации к лучшему; это было исполнено.

Наступил 1948 год, заключительный год нашего обучения в училище в Одессе, жизнь шла своим чередом, мы радовались тому, что время идет, и приближается момент нашего возвращения домой. На третьем курсе у нас были некоторые послабления: можно было носить короткую прическу, чаще ходить в увольнительные, иногда купаться в море.

Экономическая ситуация в стране постепенно улучшалась, успешно выполнялась пятилетка, кругом шло строительство и восстановление того, что пострадало во время войны, жизнь советских людей становилась все лучше и лучше; отменили карточную систему распределения продуктов и товаров народного потребления; эта мера имела важное жизненное значение для всех граждан страны. Можно было пойти в магазин и свободно купить хлеба и других продуктов. Мы с Богданом это отметили таким образом: пошли на рынок, купили помидоры; в магазине купили белого хлеба; сели на скамейку в парке и с аппетитом все съели, нам казалось, что ничего на свете нет вкуснее; надоела нам каша и один и тот же малокалорийный рацион. Наевшись, пошли гулять по площади и разговаривали на родном языке; нас услышал чистильщик обуви, худой, немолодой человек, на вид несчастный; он окликнул нас и стал спрашивать по-сербски и по-русски: «Јесте ли ви Срби?» Мы ответили утвердительно.

«Жив ли еще король Петар?» - спросил старик. Потом рассказал нам, что он серб, приехал в Россию еще в царское время. Мы ответили, что король Петар давно умер; сейчас у нас новая власть, у власти Тито. Он почистил нам сапоги, мы заплатили нашему земляку, оставив хорошие чаевые.

Тогда я еще не знал, что многие из Паштровичей во второй половине девятнадцатого и в начале двадцатого века жили в Одессе, занимались торговлей и мореплаванием, и среди них было достаточно влиятельные и богатые люди, особенно из семейств Перазичей и Зеновичей. Среди первых в Одессу уехали три сына Крсто Станкова Перазича: Видо, Симо и Митар. Видо развил торговлю и стал одним из первых среди купцов в городе; он помогал бедным у себя на родине, давал крупные суммы денег на благотворительные цели, и вече общины присвоило ему звание паштровского благотворителя. Его брат Симо также был успешным купцом в Одессе. Многие из Паштровичей жили в Юзовке, шахтерском центре на Украине. Все они, так или иначе, пострадали во время революции в России: имущество было отнято, многие вынуждены были покинуть страну, некоторые погибли во время Первой мировой войны и в гражданскую, которая в России шла несколько лет. Насколько мне известно, живых потомков Паштровичей в Одессе не осталось.

В мае 1948 года мы отправились в Молдавию, небольшую советскую республику, граничащую с Румынией, в местечко Лихтеншталь, которое находится в центре республики на расстоянии около двухсот километров от Одессы. Это не было обычной поездкой, в пути мы проходили воинские учения, отражая атаки предполагаемого противника, переплавляясь через реки, совершая длительные тяжелые марш броски.

Каждый год все части Советской армии и курсанты военных училищ, обычно с мая по сентябрь, проводили четырех- или пятимесячные выездные учения в лагерях; в этот период теоретические знания, полученные в аудитории, следовало отработать на практике в боевых условиях, военные учения проходили под командованием руководства и были согласованы на уровнях батареи, дивизиона и полка, завершающие маневры проходили на уровне корпуса или военного округа, обычно в октябре месяце.

Территории, обустроенные под проведение выездных учений, обширны, снабжены всеми необходимыми средствами для полевого обучения, здесь есть полигоны для стрельб всех родов войск. Таким был Лихтеншталь, расположенный в долине, где в изобилии рос виноград. Вся долина окрасилась в белый цвет наших палаток, которые равномерно были установлены в несколько рядов. Мы расположились по подразделениям. Прилегающая территория была приведена в порядок, проложены тропинки и дорожки, выглядевшие, как кружево. Лагерь был хорошо спланирован и представлял собой образец чистоты. Здесь было все необходимое для нормальной жизни и учебы. Наш курс должен был здесь сдавать

выпускные экзамены по основным военным предметам, нам надо было продемонстрировать, насколько мы за три года обучения в училище успели подготовиться к самостоятельной офицерской службе; насколько успешно овладели артиллерийской стрельбой и военной тактикой.

Действительно, требования по отношению к нам были высокими; известно, что советская артиллерийская школа считалась самой лучшей в мире и наиболее эффективной, и нам нельзя было на экзаменах не соответствовать такой репутации. В разгар подготовки и начала сдачи выпускных экзаменов в Лихтенштале нас ожидал удар. В тот день я был дежурным по дивизиону; было время послеобеденного перерыва на отдых; мои товарищи спали в это время в палатках. В палатке, где я находился, работало радио, шли передачи из Москвы; я услышал специальное сообщение Информационного бюро коммунистических партий, это была, так называемая, Резолюция Информбюро о положении в Югославии.

Я стал слушать текст резолюции, которую по радио зачитывал знаменитый диктор Левитан, и был поражен. Это заявление, как гром среди ясного неба, как что-то невозможное, невероятное; неужели наша страна, Югославия, строящая социализм, и являющаяся самым верным и преданным другом Советского Союза, пошла по какому-то иному пути? Неужели это возможно, что КПЮ выступила против всех

других коммунистических партий, что Тито выступил против Сталина? Я сразу разбудил товарищей; мы вместе стали слушать текст Резолюции, в заключительной части которой была выражена надежда, что КПЮ вернется на путь согласия, что здравый смысл возобладает. Между нами воцарилась тишина, мы все остались без слов. После того, как мы оправились от шока, все задалось вопросом: «Что будет дальше, что будет с нами? Разве возможно, что наши правы, а все остальные - нет?»

Может показаться невероятным, если скажу, что мы в Одессе и Лихтенштале никакого понятия не имели каком-то разногласии между СССР и Югославией, то есть о противоречиях между КПЮ и ВКП (б). Я уже писал, что у нас не было связи с Югославским посольством в Москве, не было ее, пока мы находились в Костроме, не было и в Одессе. Наши газеты не доходили до нас; единственная связь с домом для нас - это редкие письма родственников, но в письмах никто не писал, лучше сказать, не смел ничего писать об этих разногласиях. И вдруг все стало явным; огромная пропагандистская машина Советского Союза, газеты Правда, известия, которые мы регулярно читали, Радио Москвы, единственное, которое мы могли слушать, все было ангажировано для осуждения руководства КПЮ из-за отступления от социалистического пути развития. Резолюцию напечатали все газеты, и каждый день писали о выводах и точках зрения. Политическое руководство в училище организовало для нас лекцию о положениях Резолюции, для этого были специально ангажированы политработники Военного округа, которых доставляли

специальным самолетом из Одессы. Мы уже знали, что когда над лагерем пролетал самолет ПО -2, значит прибывает эмиссар из Одессы, будет беседовать с нами и читать документы о разногласиях между ВКП (б) и КПЮ. Так мы были ознакомлены с письмами, которые Центральный комитет ВКП (б) направлял КПЮ, и в которых были приведены замечания в адрес югославских властей в связи с их недостойным поведением в отношении советских специалистов, работавших в Югославии, что привело к их отзыву. Речь шла и об идеологических разногласиях, и о недооценки советской практики в деле построения социализма. Приводились примеры сектантской работы КПЮ и ее руководящих органов, и ряд других обвинительных заявлений. Во всех тех беседах не доходило до того, чтобы мы могли услышать, как реагировал Центральный комитет КПЮ в ответ на обвинения.

Как мы реагировали на все это? Верили ли мы тем обвинениям, или были не согласны с ними, как мы относились ко всему – со слепой верой или с недоверием? Отойдя от шока, который у нас был, когда впервые услышали Резолюцию, мы стали сомневаться, и нам, по правде говоря, не верилось, что нечто такое может происходить в Югославии, но постепенно мы начали верить в то, что нам преподносилось как истина, и в конце концов, полностью уверовали. Для этого существовало несколько причин, о которых я уже упоминал выше. Но мне кажется, что главная причина того, что я поверил в те обвинения, была в том, что мое сознание и идеологические установки формировались на протяжении трех лет учебы под влиянием изучения произведений

классиков марксизма, Ленина и Сталина, исторического и диалектического материализма, истории ВКП (б).

Какое-либо отступление в теории и практике от утвержденных марксистских догм относительно строительства социализма в Советском Союзе, считалось ересью, и должно было быть осуждено. Так меня учили тогда, и я так тогда и думал. Не имея возможности узнать о настоящем положении дел на родине, чтобы можно было судить о правомерности обвинений, я и мои товарищи считали, что Сталин прав, и что руководство КПЮ во главе с Тито должны исправить ошибки и вернуться на верный путь социалистического строительства. В СССР мы находились уже три года. Мы были молодыми и неопытными людьми, и принимали марксизм и советскую практику как некую данность, этого требовала от нас наша Партия. Во время войны и после освобождения главным мерилom социалистической ориентированности человека считалось его отношение к Сталину, к СССР и пролетарскому интернационализму; сейчас это было под вопросом; можно ли вообще ставить вопрос таким образом: кто прав, Сталин или Тито? Передо мной стояли мучительная дилемма, и я должен признать, что, в конце концов, я поверил Сталину и считал, что он прав.

Но кроме всего прочего, мы надеялись и даже твердо были уверены, что все недоразумения и разногласия будут преодолены, так как это совершенно невозможно, чтобы Югославия и Советский Союз могли разойтись. С этой уверенностью мы продолжали сдавать экзамены, ждали окончания учебы и возвращения на родину. Я прилагал

максимум усилий к тому, чтобы сдать выпускные экзамены на отлично. Мое свидетельство об окончании Одесского артиллерийского ордена Ленина училища имени Н. В. Фрунзе показывает, что я был отличником; картину портфола только одна оценка «удовлетворительно» по физической подготовке.

С самого начала учебы в России этот предмет был для меня проблемным. Я был физически совершенно неподготовленным, и хотя прилагал максимальные усилия, не смог добиться отличного результата. Но и большинство моих товарищей также не могли добиться отличных результатов. Главные предметы я сдал на «отлично»: я бы хотел особо отметить свой успех в артиллерийской стрельбе, по этому предмету у меня были самые лучшие результаты среди соратников; на «отлично» я освоил материалы по марксизму-ленинизму и истории ВКП (б), диалектическому и историческому материализму. Не все мои товарищи смогли успешно овладеть этими предметами, особенно трудно им давался диалектический материализм. Я старался помочь Богдану понять диалектику, но ему никак не давалось это понимание, пришло время экзамена, а он не готов. И так я ему посоветовал не отвечать на заданные вопросы, а начать сразу же с осуждения американского империализма, открыть по нему пальбу, говоря артиллерийским языком, и выразить уверенность в том, что победа будет за нами.

Этот предмет у нас вел преподаватель, полковник Краснопевец, который обычно говорил так увлеченно, что иногда, казалось, забывал о нас.

Высоко подняв голову, глядя сквозь очки на портреты Карла Маркса и Фридриха Энгельса, висевшие на стене в аудитории, он будто искал их поддержки и одобрения в том, что излагал. Те, кто сидел на первых партах, оказывались не в лучшей ситуации, от преподавателя во все стороны разлетались искры.

Экзамены принимала комиссия из трех человек. В тот день Богдан, как мы договорились, когда пришла его очередь, подошел к столу, взял билет с вопросами и тут же начал тираду против империализма. Краснопевец хотел прервать Богдана, заставить отвечать на вопросы, но Богдан, как оголтелый, продолжал свои нападки и осуждение капитализма, эксплуатации и угнетение, в конце резюмировав – социализм победит. Когда он закончил, комиссия вместе с Краснопевцем были в недоумении, не зная, как оценивать ответ? На вопросы из диалектического материализма он не ответил, но правильно осудил американский империализм и капитализм, а это, в конечном итоге, и есть цель изучения диалектического материализма и марксизма в целом; Богдан с точки зрения идеологии

все говорил правильно, и поэтому было бы неверно ставить ему плохую оценку; так он получил по диалектике оценку «удовлетворительно».

Не помню точно, какой это был день, но хорошо запомнил события того дня. Поступил срочный приказ, чтобы югославские курсанты немедленно

Дворец
в Одессе

явились к начальнику училища, генералу Тимофеичу. Мы очень любили и уважали этого удивительного человека и внимательного руководителя; он тоже не скрывал свое доброе отношение к нам, которое мы заслужили благода-

ря своим успехам в учебе. Собрание состоялось в небольшой роще недалеко от лагеря; генерал был в преклонных годах, мы застали его, сидящим на стуле, рядом с ним был его заместитель по политработе. Вслед за обычным армейским приветствием он предложил нам сесть прямо на траве. Начал вводную беседу о ситуации в Югославии. Он говорил, выражая сочувствие по отношению к нам, не употреблял резких слов и фраз в осуждение нашей страны, он выразил надежду на то, что все уладится. Затем он объявил нам, что пришло распоряжение из Югославии, от маршала Тито, чтобы мы все срочно вернулись на родину. Замполит зачитал депешу, подписанную начальником Генштаба, маршалом Василевским, в которой сообщалось, что те югославские курсанты, которые не захотят возвращаться в Югославию, могут остаться и будут приняты на службу в Советскую армию; для принятия решения нам дается срок – один день.

После этого мы остались одни и начали думать, как быть дальше, что делать. Тот день и последующий за ним были

напряженными и драматичными, нас одолевали дилеммы и искушения. Каждый из нас должен был принять самостоятельное решение, оставаться в Советском Союзе или возвращаться в Югославию; сомнения были у всех, нелегко было принять решение. Информацию о событиях у нас в стране мы черпали из советских источников: читали газеты «Правда» и «Известия», слушали Радио-Москвы, толкование фактов до нас доносили политработники училища; с нашим посольством в Москве у нас связи не было, и установить ее не было нельзя. В наших рассуждениях никто из нас не подвергал сомнению точку зрения ВКП (б) и других коммунистических партий; одним словом, мы тогда поддерживали Резолюцию Информбюро; мы ощущали себя интернационалистами, людьми, которые общие интересы рабочего класса ставят выше национальных интересов отдельных стран и народов.

Не стоит этому сегодня удивляться, ведь, мы были так воспитаны еще в Югославии нашей КПЮ, а здесь, в России мы изучали труды классиков марксизма-ленинизма, политику Третьего интернационала, а также советскую политику

диктатуры пролетариата и практику борьбы против всех видов ревизионизма.

Среди нас высказывались разные мнения, звучали предложения вернуться на родину, чтобы присоединиться

к силам, которые стремились исправить положение, вернув нашу партию на ленинский путь. Однако в советской печати уже стали появляться сообщения о том, что в нашей стране начались репрессии против тех, кто был не

согласен с курсом КПЮ. Чтобы защитить нас от преследований и арестов, советская власть приняла решение предоставить нам убежище, и если мы хотим, то можем здесь остаться. Такое толкование решения советского правительства повлияло на нас определенным образом, и большинство из нас решили остаться.

В нашей группе было двадцать восемь человек; шестеро товарищей решили вернуться в Югославию; пятеро из них приняли такое решение по семейным обстоятельствам (престарелые родители, трудное материальное положение и т.п.). Один товарищ сказал, что он возвращается, чтобы присоединиться к силам, не согласным с Тито, а нам, тем, кто остается он сказал, что мы оппортунисты.

Надо признать, что со стороны русских не было никакого давления, чтобы мы остались, решение мы приняли самостоятельно. Но бесспорно и то, что атмосфера, созданная пропагандой и односторонней информацией, которую мы получали с русской стороны, оказывали воздействие на

нас. Лично я решил остаться, без всякого влияния, руководствуясь исключительно идеологическими несогласиями с руководством страны и политикой КПЮ в отношении Советского Союза и социалистического лагеря. В то время я так думал, и на основании своих рассуждений принимал осознанное решение. Могу признать, что мое решение оказало влияние на то, что некоторые мои ближайшие товарищи тоже решили не возвращаться. Мы проводили своих товарищей на вокзал; пожелали им счастливого пути. Они возвращались на родину, с полной неопределенностью своего будущего. Мы остались здесь на чужбине также в полной неизвестности того, какая нас ждет судьба.

Когда через девять лет, прошедших с того дня, я вернулся на родину, то узнал, что большинство вернувшихся тогда были сосланы на Голи оток. У меня нет никакого сомнения, что если бы я тогда вернулся, то был бы сослан вместе с ними, мне бы пришлось пройти через все ужасы этого

чудовищного испытания, организованного руководством КПЮ и УДБА. Вопрос только в том, смог ли бы я выжить или моя могила осталась бы неизвестной.

Итак, я принял решение остаться в Советском Союзе; чтобы временно пойти на службу в Советскую армию; в надежде на скорое

возвращение на родину. Обстоятельства, между тем, складывались иначе, моя надежда на быстрое возвращение в Югославию не оправдалась, постепенно она таяла и, в конце концов, я ее совсем потерял.

О том, как протекала моя жизнь в России после решения 1948 года, я постараюсь рассказать в следующих главах моих воспоминаний.

Я написал письмо маме в Будву, в котором сообщил ей, что остаюсь в СССР для того, чтобы продолжить обучение, в письме послал фотографию. Мама получила письмо и все хорошо поняла, спустя годы она мне рассказывала о том письме вот что: «Однажды к нам домой пришел офицер УДБЕ Бранко, знакомый отца. Мы с Лукой его приняли, он стал спрашивать о тебе, попросил показать ему твое письмо и фотографию, которую ты прислал. Отец согласился, но потребовал вернуть ему и письмо, и фотографию. Бранко обещал это сделать и предложил Луке, чтобы он написал тебе письмо и попросил вернуться домой. На это Лука ему ответил:

Знаешь, Бранко, было бы лучше, если бы вы мне оплатили дорогу, чтобы я поехал в Россию и попробовал его вернуть обратно: я не уверен, что он приедет, но могу вам гарантировать, что сам я там не останусь. Бранко знал моего отца, поняв, что отец иронизирует, он попрощался и ушел. Письмо и фотографию не вернул. Все другие мои письма из России мама бережно хранила; более чем через пятьдесят лет я их снова читаю; эти письма помогли мне вспомнить некоторые события и соотнести их во времени, когда они

происходили. От моего последнего письма из Одессы сохранился только конверт с датой.

В конце лета после завершающих учебных мероприятий мы вернулись в Одессу и здесь мы ожидали решения о распределении в военные части Советской армии. В свободное время я читал русскую литературу; в этом я находил огромное удовольствие, здесь я искал и находил ответы на многие жизненные вопросы; особенно мне понравились в то время прочитанные исторические романы Шишкова «Угрюм-река» и Степанова «Порт-Артур»; читая, я неосознанно искал подтверждение тому, что принял правильное решение не возвращаться домой. Но в русской литературе эпохи романтизма и реализма, в произведениях Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гоголя, Чехова, Толстого и других писателей, которых я читал и любил, изображен другой мир. Этот мир, мне был поистине дорог, но он был далек от той действительности, в которой я жил. Зато советские писатели: Горки, Островский, Шолохов, Симонов, Маяковский и другие, которые оказали на меня значительное влияние, соответствовали моим идеологическим установкам, марксистскому мировоззрению и философии, которую я изучал; по сути, они были инженерами человеческих душ, по образному определению Сталина. Читая их произведения, я находил подтверждение верности принятого мной решения, это для меня много значило.

Где-то в конце 1948 года я получил армейское назначение в артиллерийский корпусный полк, который располагался в городе Павлоград в центральной части Украины. Вместе

со мной туда же получили назначение пятеро моих товарищей. Перед отъездом мы подготовили и провели прощальный вечер, на который мы пригласили своих друзей и девушек-подруг. У нас уже были средства на это, так как после окончания училища мы начали получать офицерское жалованье. У нас были хорошие напитки и закуска, на вечеринке мы пели, танцевали, веселились, но были также грусть и слезы расставания; мы обещали, что будем писать друг другу и что обязательно встретимся еще.

Я с сожалением покидал Одессу. И уже больше туда не возвращался никогда; армейская служба такова, что приходится менять города и места жительства; для молодых офицеров такие расставания и прощания – обычное дело; старые знакомства забываются, новые на новых местах возникают. Тот, кто выбрал эту нелегкую военную профессию, должен об этом знать.

ПАВЛОГРАД, 1949-1950

Первое место службы в моей офицерской карьере в России – город Павлоград, один из районных центров Днепропетровской области. В то время в городе насчитывалось около ста тысяч жителей. Уже прошло четыре года после окончания войны, но следы разрушений были все еще видны.

Город находится на плодородной земле украинской равнины, на правом берегу реки Волчья, входящей в бассейн Днепра, большой реки, протекающей по Украине и впадающей в Черное море. От Днепропетровска, города с миллионным населением и крупного промышленного центра, Павлоград удален всего на шестьдесят километров. Город имеет транспортную связь по железной дороге с Запорожьем, значимым промышленным центром. В Павлограде работало несколько фабрик металлургической и перерабатывающей промышленности; добывался уголь. Здесь было семь общеобразовательных школ, четыре школы рабочей молодежи, тридцать пять библиотек, три кинотеатра. В районе было развито сельское хозяйство и скотоводство; на просторных полях колхозы и совхозы возделывали зерновые культуры, пшеницу, рожь, овес, выращивали подсолнечник, лен, коноплю, здесь также занимались садоводством.

Чтобы вспомнить, как выглядел город, и показать в книге его виды, я написал письмо директору городской библиотеки

Павлограда с просьбой прислать мне несколько фотографий; мне с радостью ответили, и я весьма благодарен за это.

Артиллерийский корпусный полк, в который я был распределен на службу, был увенчан ратной славой: свой боевой путь он прошел, неся потери в отступлении до Волги, а затем в обратном направлении, отвоевывая родную землю и побеждая противника, дошел до Будапешта и Вены и участвовал в освобождении этих городов. Полковое знамя было увешано наградами, среди которых находился и Орден Красного знамени. За заслуги в освобождении нескольких городов полк носил их имена. Командный состав полка состоял в основном из офицеров участников войны. Еще не была завершена полная демобилизация военных. Это были люди, вся грудь которых была в орденах и медалях. Полк состоял из трех дивизионов и обладал пушками калибра 122 мм и пушками-гаубицами 152 мм, которые формально принадлежали корпусу.

В это прославленную военную часть мы, шестеро югославов, прибыли служить после окончания училища. Статус наш был специфичным: мы были иностранными гражданами, носили югославскую военную форму, которую получили в Одессе во время учебы, но были назначены руководить взводом, это была первая ступень офицерской должности. Вспоминаю свою первую встречу с армейцами: командир батареи, майор Терентьев, представил меня

батарею и назначил меня командовать взводом; сержанты и солдаты в моем подразделении были старше меня, они служили в артиллерии и участвовали в боях на фронте. Перед личным знакомством с рядовыми и сержантами я решил познакомить их детальнее со своей биографией; рассказал им о Югославии, о нашей борьбе против фашистов, о моем скромном участии в партизанской борьбе, о положении, в котором я нахожусь в данное время. Они меня слушали очень внимательно: задавали вопросы, интересовались положением в Югославии, они уже многое знали о нашей совместной борьбе с нацизмом, я старался исчерпывающе отвечать на их вопросы; речь шла и об учебной и моем намерении работать вместе так, чтобы наше подразделение было успешным во всем. Наш первый разговор получился, я почувствовал, что меня приняли как командира и не смотрят на меня как на чужака, что мой авторитет теперь полностью будет зависеть от того, как я буду на личном примере демонстрировать необходимость знаний и умений в процессе обучения и руководства. Большим делом было то, что я отлично говорил по-русски; может быть, только по небольшому акценту было заметно, что я иностранец, некоторые звуки я произносил мягче, чем следовало.

Разумеется, мой тогдашний статус носил временный характер. Для того, чтобы меня могли произвести в офицеры Советской армии и присвоить звание лейтенанта, которое присваивалось после окончания училища, я должен был стать советским гражданином. С этой целью я отправил в

адрес Верховного совета СССР письмо с просьбой о предоставлении мне советского гражданства. Несколько месяцев прошло, и 7 мая 1949 года я получил письмо от Президиума Верховного совета СССР, в котором сообщалось, что мое прошение принято и удовлетворено, мне предоставляется советское гражданство. Одновременно Министерство обороны меня приняло на службу в Советскую армию и присвоило мне звание лейтенанта. С того момента я стал полноправным гражданином СССР и офицером Советской армии; на основании решения Центрального комитета Комсомола, мне был засчитан мой стаж членства в Союзе коммунистической молодежи Югославии, и я был принят в члены ВЛКСМ.

Все это происходило в то время, когда отношения между КПЮ и ВКП (б), а также другими коммунистическими партиями, обострились, в СССР велась невиданная кампания против югославского партийного и государственного руководства. В конце концов, дошло до кульминации, была принята вторая резолюция Информбюро, в которой руководство Югославии провозглашалось убийцами, шпионами, предателями, а народ призывался к свержению кровавого режима. Советские средства информации пестрили обвинениями в адрес Тито, Карделя и других руководителей; мировые коммунистические партии и их лидеры также осуждали предательство и объединялись в единый фронт осуждения и неприятия Югославии. И хотя я верил, что осуждения справедливы, мне было больно и неприятно быть свидетелем всей этой кампании. Особенно тяжело

было выслушивать обвинения и острые формулировки, которые высказывались на собраниях, лекциях, сборах, где я должен был присутствовать.

Мне казалось, что взгляд присутствующих прикован ко мне, что они смотрят на меня и хотят понять, как я реагирую, действительно ли я на их стороне.

Для югославов, которые стали советскими офицерами, это было смягчающим обстоятельством, так как в армии не позволялась деятельность политической эмиграции. В то время начала формироваться политическая анти-титовская югославская эмиграция в СССР и в других социалистических странах; в ее состав входили люди, которые покинули страну, работали в наших посольствах и выражали согласие с Резолюцией. Руководителями этой политической эмиграции были Перо Попивода и Радонья Голубович; насколько мне известно, никто из наших в Павлограде не имел никаких контактов с политэмиграцией.

После получения советского гражданства, официального приема на службу в армию и присвоения звания лейтенанта наше положение в полку было совершенно приравнено к положению остальных офицеров; не было никакой дискриминации по отношению к нам, совершенно равноправно мы принимали участие во всех мероприятиях, у нас не было никаких послаблений или особого статуса, и мы не могли об этом просить. Ответственность по службе и за свои поступки мы несли такую же, как и все остальные. Похвала за успех и наказание за проступки применялись и к нам. Наш статус и продвижение по службе зависели исключительно

от нашей службы, знаний, стараний, успеха в руководстве своим подразделением.

Мы поддерживали такой подход; кто-то был успешнее, больше трудился, имел больше знаний и способностей, и на этом основании быстрее продвигался по службе. Офицерская должность в то время хорошо оплачивалась, значительно лучше, чем гражданские профессии, такие как, преподаватели, врачи и чиновники. Согласно предписаниям офицерам, помимо регулярного жалованья, полагались бесплатное летнее и зимнее обмундирование, сапоги и ботинки, белье, разные средства, а также ряд других привилегий и пособий. Квартирный вопрос для офицеров, особенно семейных, решался лучше и быстрее, чем для представителей других сфер труда.

После демобилизации ветеранов войны, которая последовала вскоре после нашего прибытия, на службу пришли новые, молодые военные, и с ними требовалось больше работать, чтобы они стали хорошими артиллеристами. Каждый день мы трудились не покладая рук, стараясь в повседневной службе в полку как можно более успешно применить полученные знания для практического обучения своих подразделений. В то время срок службы в сухопутных войсках длился три года, а на флоте – четыре. Призыву в армию подлежали молодые люди, которым исполнялось восемнадцать лет. В артиллерию принимали, в основном, юношей после школы, с законченным средним образованием, поэтому уровень образованности у нас был достаточно высоким. По существовавшим тогда правилам, выпускники средних школ, которые сдали экзамены для учебы в институте, в армию не призывались.

Во время обучения в институте у них преподавалось военное дело и каждый год, летом, обязательна была практика в одной из военных частей. Род войск выбирался в зависимости от профиля вуза, например, в артиллерию направлялись студенты естественно-математического факультета; после окончания учебы в вузе им присваивали звание офицера запаса и освобождали от службы в армии. Для них это было значительным послаблением, но это было нужно и для индустрии и других сфер общественной жизни, так как специалисты выходили на работу сразу после окончания вуза.

Система образования в Советском Союзе была очень хорошо выстроена; у все имели право и возможность учиться, всем было гарантировано устройство на работу после окончания учебы; это, несомненно, было достижением социалистического строя в СССР. Служба в армии была одной из обязанностей гражданина страны; считалось, что это долг и обязанность каждого честного гражданина перед отечеством.

Армию народ считал защитницей своей независимости и гарантом сохранения достижений Октябрьской революции и дальнейшего строительства социалистического общества, главному стражем безопасности социалистических стран после победы над фашизмом, решающим фактором военного и политического равновесия и сохранения мира и стабильности во всем мире. Большое уважение и почитание, которое народ испытывал по отношению к своей армии, зиждилось на славных традициях русской армии, на ее победе во Второй мировой войне; на ее решающей роли в разгроме гитлеровской Германии. Поистине, Советская армии была

самой многочисленной, самой подготовленной и вооруженной армией мира; огромный опыт войны был преобразован в военную доктрину, командный состав по образованию, знаниям и умению вести военные операции не имел себе равных. Ее сила кроме, всего прочего, проявлялась и в идеологической, политической, патриотической и интернационалистической направленности, которую инициировали ВКП (б) и лично Сталин, будучи генералиссимусом и верховным главнокомандующим.

В соответствии с конституцией и законами все мужчины, достигшие возраста восемнадцати лет, должны были отслужить в армии положенный срок. Следует отметить, что состав Советской армии был многонациональным, так как в стране, самой большой в мире, жили вместе представители более, чем девяноста национальностей и народностей. Пополнение военных частей проходило не по территориальному, административному или национальному принципу: армия была едина от Владивостока и Курильских островов на дальнем востоке до западных границ с разделенной Германией, и от Северного до Черного моря и Кавказа на юге страны. Армия в то время надежно охраняла тысячекилометровые границы, на суше, на море и в воздухе было невозможно нарушить безопасность территории СССР. Как и все остальные части Советской армии, наш полк был многонациональным. Офицеры по национальности, в основном, были русские и украинцы, а солдаты и сержанты были разных национальностей. В моем подразделении, например, служили представители более десятка разных национальностей. Новобранцы

прибывали из азиатских республик – Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизстана, из республик Кавказа – Грузии, Армении, Азербайджана, из республик Прибалтики – Эстонии, Латвии, Литвы, а также из автономных республик и областей необъятной русской федерации.

Я специально знакомился с культурой различных этносов, с их образом жизни, обычаями, психологическими и физиологическими особенностями, это мне помогало установить хорошие отношения и взаимопонимание с разными людьми, они относились ко мне с доверием, и я помогал им адаптироваться в новой для них среде, к условиям военной службы.

Я понимал, насколько это важно, чтобы представители всех народов и народностей чувствовали себя равноправными, чтобы никто не был обделен. Это являлось особой заботой партийного руководства, замполита батареи, замполита дивизиона и замполита полка. Но это не исключало того, что все несли одинаковую ответственность по всем вопросам, касающимся выполнения армейских задач; здесь не могло быть жалости или поблажек в отношении кого-либо. Но, все же, главный костяк составляли русские, хотя, их было не более тридцати процентов от общего состава. При этом именно на них можно было положиться в наиболее трудных и ответственных вопросах: на учениях в зимний период, когда температура опускалась ниже двадцати градусов, в стрелковых и артиллерийских соревнованиях, во всех ситуациях, которые требовали физической силы и ответственного отношения к делу. Однако при этом они чаще других нарушали дисциплину, особенно, когда речь шла о выпивке.

В самом начале своей офицерской службы я старался быть примером для солдат и старшин в своем подразделении: я сам был строг и последователен в исполнении полученных приказов; того же я требовал и от своих подчиненных; в начале казалось, что это излишняя строгость, но конечные результаты показывали, что так добиваются успеха; армейцы не раз в этом могли убедиться. Приведу один типичный пример: во время армейских учений, как только батарея занимала боевое положение, по правилам надо было выкопать рвы для пушек и окопы для бойцов и амуниции. В зимнее время это было особенно тяжело сделать, так как земля промерзала и была очень твердой. Выкапывали вручную с помощью лома, кирки и лопаты. К утру все должно было быть сделано, рано утром батарея должна была быть в полной боевой готовности. Если послушать солдат, когда они жалуются на то, что устали и у них нет больше сил копать, и не закончить подготовку, как того требуют предписания, на завтра может нагряться на проверку командир дивизиона или кто-то еще из старших офицеров, и прикажет сделать все снова, с самого начала. Похожая ситуация случалась, когда меняли расположение или когда учения заканчивались. Нам надо было закопать все вырытые окопы. Это была неблагодарная работа, но мы должны были ее выполнить. В боевых условиях так не делалось, но во время учений в мирное время приходилось это делать. Учения проходили на полигоне, там непозволительно было оставлять открытые рвы и окопы. Если не выполнишь приказ должным образом, то тебя вернуть в расположение и

придется все делать снова. В этом твоя вина как командира, ты не был последовательным в исполнении приказа. А твои бойцы заплатят за это двойной работой и будут винить тебя, своего командира.

Медленно, но верно, благодаря своим стараниям, знаниям и умениям, я смог привести свое подразделение к признанию его одним из лучших. Это повысило мой авторитет в батарее, дивизионе и в полку. Мой непосредственный руководитель, майор Терентьев хорошо ко мне относился и как опытный командир, помогал мне советом в решении практических задач по обучению воинского состава. Я многому у него научился. Как вести себя с солдатами и сержантами, как не злоупотреблять наказаниями, применять их только в крайних случаях, когда другие средства исчерпаны. Я не помню, чтобы он сам кого-нибудь наказывал. Мы все его любили, уважали и старались выполнять его поручения и указания безоговорочно не из страха быть наказанными, а из-за уверенности в том, что он знает, что делает, и это пойдет на пользу нам и нашему подразделению. Он спокойно, по отцовски относился ко всем нам и офицерам, и солдатам. Иногда он выглядел уставшим, и это не удивительно после всего того, что он испытал, воевав в течение пяти лет на фронте.

Не будучи исключением, он как русский человек, и как военный, любил выпить. Но я не знаю, был ли тогда кто-то среди нас, кто не любил бы выпить. Все знали, что когда

молодые офицеры входили в кафе или ресторан, официантка, не спрашивая, сразу ставила на стол двухсотграммовые стаканы (почему-то их называли моряцкими) и приносила пол-литровую бутылку водки (поллитровку). Если за столом собирались трое, содержимое бутылки тут же разливали на троих, это примерно по сто пятьдесят граммов водки каждому. Если выпивающих было двое, стаканы наполняли до краев; стакан выпивался за один раз, но сначала надо было чокнуться и произнести тост, первый тост был за Сталина; следующий тост за партию и так далее.

Терентьев однажды пригласил меня в гости. У него была очень милостивая, симпатичная супруга лет сорока. Она, как полагается, накрыла стол. В тот раз хозяин, желая удивить меня, поставил на стол бутылку чистого 96% спирта. Могу сказать, откуда взялся этот спирт: после войны на военном заводе осталось много артиллерийской амуниции, которую надо было уничтожить; наши подразделения были задействованы в транспортировке этой амуниции на полигон, где она уничтожалась; офицеры и солдаты имели доступ на завод и несмотря на строгий контроль, умудрялись выносить с завода спирт, который по технологии использовался для взрывчатых веществ; тут этот спирт становился недорогим крепким напитком, обычно его наполовину разбавляли водой и пили, я тоже пил.

В этот раз мой командир Терентьев поступил по-другому: он взял бутылку и налил себе полный стакан чистого спирта; позвал жену и сказал ей, чтобы она принесла ему два стакана киселя. Затем, держа спирт в правой руке, а кисель

в левой, заздравно поднял стакан и выпил спирт, а следом, не вбирая воздух, кисель. Наконец слегка поморщился и выдохнул: *уф*.

Я смотрел на это все и понимал, что меня ожидает; мне уже не надо было ничего предлагать и спрашивать, выпью ли и я столько же; если мой командир у себя дома выпил, то нет уже той силы, которая мне мешает сделать то же самое. Напрасно хозяйка дома отговаривала меня пить спирт, я взял стакан, налил в него спирта до краев и одним махом выпил двести граммов спирта и запил киселем. « *Молодец, Мирослав, ты настоящий советский офицер* » - сказал мне Терентьев.

Лет через двадцать после того случая со спиртом у меня произошло нечто подобное в поезде по дороге из Беграда в Прагу. Мы с Марко вошли в четырехместное купе: слева на верхней полке лежала красивая молодая женщина, на нижней сидел мужчина в годах, он был старше и мог быть ее мужем, а мог быть и отцом, на первый взгляд нам было непонятно.

Мы познакомились: в купе оказались поляки, отец с дочерью, и мы, двое югославов. Мы достали еду и выпивку и за приятной беседой все съели и выпили. Марко, что для него было свойственно, принялся ухаживать за девушкой, а я пустился в разговоры о политике с поляком. Понятное дело, он нападал на русских, а я их защищал. Для продолжения беседы не хватало нам выпивки. Поляк, как оказалось, инженер по профессии, открыл свой чемодан и достал бутылку чистого спирта. « *Мирослав, как это у вас свободно продается алкоголь?* » - спросил меня. Я ему сказал, что у

нас много разных хороших напитков продается, и чистый спирт никто не пьет. Но здесь мы с ним открыли бутылку и пили до утра, разбавляя в этот раз наполовину с водой. Пили все: Марко был готов, девушка тоже, а мы с инженером перед Будапештом, где надо было делать пересадку, пришли к согласию относительно русских: все-таки, нам надо быть с ними ближе, они нам нужны, чтобы защититься от немцев. Я помог Марко сойти с поезда, он прилег на скамейку, мы помахали нашим спутникам, которые остались в поезде и продолжили свой путь.

В Советской армии много внимания уделяли спорту. Существовали разные секции, организовывали разнообразные соревнования между батареями, дивизионами, полками, вплоть до всесоюзных армейских соревнования. У армии были свои спортивные клубы, которые представляли разные спортивные дисциплины и участвовали в соревнованиях на первенство СССР. Некоторые становились чемпионами по футболу, хоккею, легкой атлетике, стрельбе и др. И в нашем полку много внимания уделяли спорту: проводили соревнования по многим спортивным дисциплинам; командный состав стремился к тому, чтобы их подразделение показало как можно более высокие результаты, и в этом плане в полку царил настоящий дух соревнования. Еще в училище я приобрел опыт участия в соревнованиях по некоторым видам спорта, и сейчас в моем подразделении мне этот опыт пригодился.

Будучи курсантом военного училища в Костроме и Одессе, я принимал участие в работе нескольких секций. По

шахматам я получил первый разряд. Особенно хорошо у меня обстояло дело со стрельбой; несколько раз я становился победителем в соревнованиях по стрельбе из револьвера по мишени на расстоянии пятидесяти метров, затем в стрельбе из винтовки по мишени на расстоянии триста метров из положения лежа, с колена и стоя; в этой дисциплине я также получил первый разряд, а затем, сдав экзамен, получил квалификацию судьи в соревнованиях по стрельбе.

В Одессе я участвовал в соревнованиях по плаванию в составе команды училища. Пробовал заниматься боксом, но это закончилось бесславно:

Несколько месяцев я упорно тренировался, когда пришло время скрестить перчатки во время тренировочного турнира, мой противник меня сильно ударил в лицо, у меня пошла кровь из носа, я не выдержал и навалился на него, и на ринге у нас произошла простая драка. Нас разняли, мы ушли, оба с окровавленными лицами и с синяками. На этом моя боксерская карьера закончилась. В Одессе у меня случилась неприятность во время упражнений на брусьях: при попытке сделать хват руками после я неудачно упал и после этого провел десять дней в госпитале.

В Советской армии было широко распространено движение по сдаче норм ГТО, для получения значка «Готов к труду и обороне». Существовали строгие правила, по которым выдавались эти значки. Сдачу норм ГТО можно сравнить с соревнованиями по многоборью. Необходимо было сдать предусмотренные нормы в соревнованиях по бегу, гимнастике, стрельбе, прыжкам и т.д. В результате сдачи норм

выдавалось свидетельство и вручался значок. После многочисленных, упорных тренировок мне удалось получить этот значок, и я им очень гордился. Мне было важно, чтобы в моем подразделении было как можно больше солдат и сержантов, получивших значок, это имело значение для физической подготовки армейцев.

В мирных условиях служба в армии, когда она длится три года, предполагает помимо военной подготовки и спортивных тренировок, еще и участие в культурно-развлекательных мероприятиях. Нет ничего хуже, когда солдату скучно, когда он недостаточно занят, тогда время идет медленно, человек становится нетерпеливым и склонен к разным неблагоприятным поступкам. В нашем полку, в отличие от тех, в которых я служил позже, много внимания уделяли самодеятельности. Мне это было по нраву, я с удовольствием участвовал в разных мероприятиях. К счастью, у нас в подразделении всегда были армейцы, которые умели играть на аккордеоне, пели, плясали, и читали стихи. Репетиции шли в батарее, в дивизионе и в полку; мы старались, чтобы программа получилась многонациональной, хотя, конечно, русские были в главенствовали, они от природы музыкальны, редко кто не умел играть на гитаре, балалайке и баяне, они умеют петь, а какие у них прекрасные песни, как красиво они поют. Участвуя в организации и поведении армейских культурных программ, я выучил много русских песен, научился танцевать народные танцы и декламировать стихи русских поэтов; особенно мне нравилась революционная поэзия Владимира Маяковского, я знал наизусть много его

стихов. На вечере, посвященном празднованию Октябрьской революции, который был организован в нашем полку, я читал его «Стихи о советском паспорте». Заключительные строчки: «Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза!» звучали под громкие аплодисменты присутствующих. По их просьбе я прочитал еще одно стихотворение Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Во всех батареях обязательно издавались стенные газеты. В них рассказывалось о жизни в батарее, о новостях в полку, объявляли о результатах учебной подготовки, вывешивались фотографии лучших солдат и старшин, одним словом, газета должна была отражать жизнь подразделения. Газета выходила обычно раз в две недели. Случалось, что некому было писать заметки, а газета должна быть готова, тогда я сам частенько писал все тексты. Участие во всех мероприятиях сближало меня с солдатами; вызывало уважение и укрепляло авторитет, помогало держать порядок и образцовую военную дисциплину. Ежедневное обучение состава батареи велось по утвержденной программе; командиры взводов должны были поставить цели, определить задачи, утвердить план учебных занятий и заверить у командира батареи. Он часто сам присутствовал на занятиях и контролировал методику и качество обучения. Политподготовку вел заместитель командира батареи по политчасти. Разнообразные виды занятости в подразделении требовали специальной профессиональной подготовки. Привилегированными были служащие, которые проходили подготовку по автовождению; после службы в

армии они могла сразу устроиться на работу шофером; права на вождение, которые они получали в армии, были действительны и в гражданской жизни. Так же дело обстояло с такими специальностями, как связист, радиотелеграфист, механик, топограф и др.

Хотел бы обратить внимание на то значение, которое имел сержантский состав в армии. В то время сержантский состав делился на младших сержантов, сержантов и старших сержантов. Сержанты осуществляли непосредственное руководство рядовыми, вели обучение, отвечали за дисциплину, порядок, следили за состоянием техники, одним словом, сержанты – это правая рука офицеров. Главный принцип управления в армии основан на субординации. Поэтому я настаивал, чтобы мои приказы шли через сержантов. Они были ответственны за исполнение приказа. В присутствии рядовых я никогда не отчитывал их. Если они заслуживали наказания, я вызывал их для отдельного разговора, чтобы сохранить их авторитет. Подразделение, где служат способные сержанты, всегда преуспевает и в дисциплине, и в готовности выполнять боевые задания. В таких подразделениях офицерам легче работать. В этом я мог убедиться на собственном опыте, и сейчас, спустя много лет, я с благодарностью вспоминаю своих тогдашних командиров орудий и сержантов, которые отлично разбирались в военной технике, умели руководить людьми и помогали мне успешно выполнять мои обязанности во вверенном мне подразделении.

В конце учебной подготовки все подразделения проходили проверку знаний во время экзамена по артиллерийской

стрельбе. По существу, это была генеральная проверка, во время которой становилось понятно, насколько обучен офицерский состав, насколько он профессионально руководит подразделением; проверялось насколько хорошо рядовые и сержанты владеют военной техникой, хорошо ли подготовлены орудия к учениям. Это была проверка идеологического воспитания и физической подготовки, подразделение должно было быть по всем параметрам готово к выполнению боевых задач.

Лейтенант Советской армии

Вся система функционирования армии подвергалась постоянным проверкам снизу доверху; беспрестанно кто-нибудь из высшего руководства приезжал проводить проверки; в зависимости от ранга проверявших лиц инспектирование шло на уровне батареи, дивизиона или полка. Выводы комиссии имели большое значение для продвижения по службе. Усовершенствование офицерского состава проходило в рамках регулярных учебных курсов по теории и практике военной науки: изучалось новое советское и иностранное оружие; проводились показательные тактические учения и стрельбы. Часто проводились проверки знаний в форме экзаменов по отдельным предметам, таким образом, профессиональное усовершенствование офицеров было непрерывным процессом, к которому мы все привыкли. На эту тему у нас появился анекдот:

- Слышали, приехала комиссия?

- А что будут проверять?

- Знание китайского.

- Когда?

- Завтра.

- Хорошо, время есть.

Наша батарея была передовой в учебе и дисциплине, поэтому нас оставили в Павлограде, и мы вместе с полком не отправились в учебные лагеря. Это было своеобразное поощрение за наши успехи, а также выражение доверия, нам доверили имущество и его содержание, нужно было содержать в чистоте помещения и сделать небольшой ремонт. Мы все были этому рады: женатые офицеры радовались, что смогут провести время с семьей, мы, молодые офицеры, были рады, что у нас будет больше свободного времени; солдаты тоже могли ходить в увольнение в город. Помимо нашего полка в городе располагались другие воинские части, насколько мне известно, инженерные войска и пехота.

Во всех армиях мира существует, так или иначе, нетерпимое отношение между разными родами войск: одни считают себя более важными в сравнении с другими и демонстрируют это разными способами; во время учений моторизованные части любят подшучивать над пехотой. Во время разных мероприятий, где присутствовали представительницы прекрасного пола, заметна была конкуренция, и часто дело доходило до стычек, случались крупные драки.

Нечто подобное случилось в то лето в городе; обстоятельства сложились так, что я принимал непосредственное

участие в этом. Был воскресный день, в тот день я находился на патрульном дежурстве в городе; обязанностью патрульных было следить за поведением военных, которые в большом количестве присутствовали в парке, где проходили танцы,. Среди военных были и наши, артиллеристы, а также из инженерных войск и пехотинцы. Играла музыка, эстрадные артисты представляли свою программу, было много танцев; мы стояли в стороне, слушали и смотрели концерт. Когда такое мероприятие проходит на улице, не просто поддерживать порядок и тишину, особенно если в публике много военных, да еще и подвыпивших. Неожиданно, откуда-то из слабоосвещенной части парка, послышался крик: «Братцы! Наших бьют!» Военные, все до одного, бросились на клич. Началась потасовка между артиллеристами, инженерами и пехотинцами. Было непонятно, кто кого бьет. Танцы прекратились, народ разбежался. Приехала милиция, и кое-как порядок был восстановлен. Я со своей патрульной группой не мог остаться в стороне, мы вмешались в драку, защищая наших. Милиция нас застала в драке и потребовала, чтобы я пошел с ними в отделение. Хотя милиция на это не имела права. Чтобы избежать дальнейших недоразумений с ними, я согласился. Меня отвели в милицию и задержали там, пытаюсь допрашивать, на что я не согласился. Это все возмутило моих подчиненных в батарее, они потребовали, чтобы их лейтенанта немедленно отпустили. Так как милиция этого немедленно не сделала, мой командир отделения, сержант Киселев, завел бронетранспортер, прицепил орудие, 76 мм пушку ЗИС, и с

солдатами во всем обмундировании прибыл к отделению милиции. Милиционерам он заявил, что будет стрелять, если они меня немедленно не отпустят. Ничего другого им не оставалось: я был отпущен, мне вернули пистолет, и я вместе с солдатами вернулся в казарму. Майор Терентьев узнал обо всем на следующий день. В свойственной ему манере он уладил вопрос с милицией, и руководство полка не вмешалось в эту историю. Поступок моих подчиненных меня по-настоящему растрогал: по своей инициативе они бросились меня освобождать, при этом грубо нарушая армейские правила, рискуя попасть под суд и нести ответственность. Для меня этот поступок стал свидетельством их искреннего уважения по отношению ко мне как к командиру и человеку.

В то лето в разгар жатвы я получил задание отправиться со своими солдатами в колхоз оказать помощь в сборе урожая. Это была обычная практика по всему Советскому Союзу, рабочих, студентов, солдат отправляли на сбор урожая; в газетах это представляли как добровольную акцию, а по существу, отправка на сельские работы была обязательной; за эту работу не платили почти ничего. В колхозах не хватало рабочей силы, в основном, здесь были старики и женщины, они не в состоянии были сами собрать весь урожай. Было известно, что много зерна пропадает из-за опоздания с жатвой, из-за плохих условий транспортировки и хранения пшеницы, ржи и других посевных культур. Существовали так называемые МТС, машинно-тракторные станции, где была сосредоточена сельскохозяйственная техника:

трактора, комбайны, грузовики и др. Эти станции обслуживали колхозы техникой, с помощью которой проводились вспахивание, посев и сбор урожая. Трактористы и комбайнеры очень ценились, но их было недостаточно, чтобы за две недели уложиться со сбором урожая. Меня обрадовала командировка на работу в колхозе, это была возможность ближе познакомиться с сельской жизнью. Когда мы жили в Костроме или ездили в учебные лагеря в Молдавии, часто приходилось проезжать мимо сел, иногда мы там останавливались, но все это было мимоходом. Колхоз, как таковой, с его настоящим образом жизни, я не видел, хотя много читал и слышал о колхозах. Обычно речь шла о достижениях самых лучших коллективов. Но когда ты видишь все своими глазами, это выглядит иначе. Моим бойцам было особенно приятно, что они едут, ведь, это вносило разнообразие, и засчитывалось в срок службы. В колхозе тоже были рады нашему прибытию. Особенно радовались девушки, у них появилось возможность за совместной работой познакомиться с молодыми людьми и внести разнообразие в повседневную колхозную жизнь.

Пятнадцать дней мы работали в колхозе: в основном, мы грузили и разгружали зерно, занимались молотьбой и разными другими делами. У меня в памяти остались незабываемые вечера, проведенные с жителями колхоза: поистине, стоит увидеть, услышать и насладиться народными украинскими мелодиями. Под звуки бандуры и аккордеона молодые украинки в белых платках на голове, в блузах с филигранными узорами и в кружевных разноцветных юбках

танцевали гопак в быстром темпе, а мы, насколько это получалось у нас, танцевали вместе с ними. Но кульминацией наших вечеринок была песня: девушки вставали в круг и высокими распевными голосами, которые разливались по всему широкому полю, пели старинные украинские, казацкие песни о былом, чарующие своей душевностью.

Осенью пришло время мне как офицеру использовать свой первый отпуск. Право на очередной отпуск раз в году было у всех офицеров: месяц чистого отдыха и дополнительно время, рассчитанное на дорогу в оба конца, с лимитом пятнадцать дней. Предполагалось, что дорога из европейской части страны на Дальний Восток длится, как раз, столько. Каждый мог свободно сам решить, куда поедет и где будет отдыхать; билеты оплачивались за казенный счет; обязанностью было по прибытии на место отдыха явиться к местному командованию и также при отбытии.

Мы с моим другом Ранко решили поехать на отдых в Крым, в военный санаторий Жемчужина, в Гурзуфе, недалеко от Ялты. К нам присоединился и наш коллега Эрбез. Такая возможность поехать в санаторий на отдых у нас возникла, потому что наш полк получил определенное количество путевок; мы подали заявления, оплатили взнос и получили направление.

Возможности для отдыха в Советском Союзе были очень хорошие для всех – рабочих, служащих и военных лиц. Можно сказать, что это было большим достижением социализма в этой стране. Фабрики и заводы имели свои дома отдыха по всей стране, были также профсоюзные оздоровительные

учреждения, и у армии были свои военные санатории. Пребывание на курортах, построенных в благоприятных природных зонах, на море, в горах, в лесу или у реки, было, практически, бесплатным. Профсоюзы занимались организацией отдыха для работающих, они следили за тем, чтобы все, по очереди получали путевки. Отдых организовывали круглый год.

Наш отдых в санатории в Крыму длился с начала до конца октября 1949 года. У нас санаторий – это специализированное лечебное учреждение, в котором лечат отдельные заболевания. В России санаторий – это курортное учреждение, в рамках которого существует медицинская служба и специальное оборудование. Однако в санаторий приезжают не больные люди, а те, кому нужен отдых, кто хочет проверить состояние своего здоровья, воспользоваться профилактическими процедурами для укрепления здоровья; во время отдыха они занимаются физкультурой и участвуют в рекреативных мероприятиях под наблюдением врачей, специалистов в разных областях. Главным мотивом нашей поездки в санаторий было желание оказаться на море и увидеть Крым: Ранко был родом из Риеки, я - из Будвы; уехав из Одессы, мы уже соскучились по морю. Наше Адриатическое море далеко, и поехать мы туда не можем, так поедem хотя бы на Черное море, тем более в Крым, который по описаниям, которые мы читали перед поездкой, похож на наше приморье. Не лишним будет и отдохнуть от армейской жизни; провести месяц в другом окружении, в новой обстановке, с другими людьми и мыслями.

Из Павлограда в Крым мы поехали на поезде до Симферополя, столицу Крыма. Далее мы ехали на автобусе через перевалы в Крымских горах, высота отдельных вершин которых достигает более тысячи метров, и которые протянулись вдоль морского побережья. Когда я с высоты увидел море, мне показалось, что нахожусь где-то рядом с крепостью Космач, и вот сейчас мы увидим полуостров Святой Стефан и Будву, но нет, это было только мое подсознательное желание. Фотографии, сделанные в Крыму и сохранившиеся с того времени, напоминают мне места, в которых побывал, людей, которых встретил; фотографии датированы мною, и являются неоспоримым свидетельством того, о чем я повествую.

Санаторий «Жемчужина» оправдывал свое название, по внешнему виду, по месту расположения, по внутреннему убранству и условиям для отдыха представлял собой самую настоящую жемчужину в том благодатном краю. С погодой нам повезло; тепло, солнечно, можно было загорать, смельчаки купались. Отдых был отлично организован: в окрестностях можно было совершать пешие прогулки, рядом прекрасный песчаный пляж, есть спортивный зал, где можно тренироваться, играть в настольный теннис, был зал для игры в шахматы, библиотека и др. Больше всего времени мы проводили за игрой в шахматы и настольный теннис. Я был здоров, и никакое лечение мне не требовалось. Несколько раз мы ездили в Ялту, познакомились с достопримечательностями и гуляли по красивой, широкой набережной. Мне запомнилось посещение дома-музея Чехова: после него

там все оставили нетронутым, казалось, что после его смерти время в этом доме остановилось; в тени деревьев сидела в кресле его супруга, актриса Книппер-Чехова, и что-то вышивала, как будто ожидая, что вот сейчас вернется Антон Павлович. Чехов – мой любимый писатель, я часто возвращаюсь к нему, каждый отпуск его книги со мной. Посещение музея подтолкнуло меня пойти в библиотеку санатория, взять книгу и перечитать «Даму с собачкой» и другие произведения этого блестящего писателя.

Мы посетили также знаменитый государственный Никитский ботанический сад, где растет бесконечное количество экзотических, редких растений. Мы побывали в других туристических местах и посмотрели: Алупку, Алушту. Видели замок Ласточкино гнездо, который находится на высокой каменной скале над морем, на самом краю обрыва, (этот замок построил один богач для своей жены, которую он страстно любил, но она оставила его). Недалеко отсюда находится знаменитый Ливадийский дворец, где проходила историческая крымская конференция, в которой участвовали Сталин. Здесь также находится дворец губернатора Воронцова, у которого одно время гостил Пушкин. В связи с этим обстоятельством появился анекдот о докладе Пушкина по поводу нашествия саранчи на Украину. Воронцов поручил Пушкину осмотреть сельскохозяйственные угодья, на которые напала саранча, и доложить. Пушкин поехал, посмотрел, вернулся и написал: «Саранча летела, летела и села; все поела и опять полетела». Помимо дворцов, здесь находились представительские дачи, где отдыхали советские

партийные и государственные руководители. Доступ туда в то время был закрыт. Но тридцать лет спустя я побывал вновь в Ялте как турист, вспомнил былое и в этот раз смог осмотреть достопримечательности, которые раньше были недоступны. В этот раз я узнал о том, что после нападения немцев на Советский Союз Сталин насильно переселил татарское население Крыма в Сибирь.

Как мы жили в Павлограде, как проводили свободное время? Ранко, Жива и я нашли жилье в частном доме у одной разведенной женщины, кажется, ее звали Елена Константиновна. Мы втроем снимали комнату в ее небольшом, одноэтажном доме, каких было много в городе. Хозяйка была стройная, симпатичная женщина, лет тридцати пяти. Она следила за собой, пользовалась косметикой, по-моему, она работала в парикмахерской. У нее был сын. Когда она поселила в своем доме троих молодых офицеров, для нее это стало непростым искушением. Она нам готовила завтрак, иногда мы и ужинали у нее. Обедали мы, где получалось, или в столовой, или в каком-нибудь ресторане. Она убиралась у нас в комнате, стирала и гладила белье и одежду.

Так что, наша холостяцкая жизнь была обеспечена. Зимой в доме было тепло. Посередине дома стояла большая, кирпичной кладки печь; растапливали печь углем и шелухой подсолнечника, которой было в избытке; когда печь нагрелась, она долго держала тепло и согревала весь дом; на печи можно было спать; такие печи существуют в сельских районах по всей стране, обычно старики отдыхают и спят на печи.

Когда мы приехали в Павлоград, стали выходить в город в югославской военной форме. Городские жители обращали на нас внимание, а девушки смотрели на нас с любопытством и особой симпатией. Так они узнали, что в артиллерийский полк прибыли на службу югославские офицеры, и мы стали знакомиться друг с другом. В этот раз наши знакомства были более серьезными и длительными, чем те, которые у нас были в нашу бытность курсантами и иностранными гражданами. После того, как нас произвели в офицеры, и мы получили советское гражданство, появились все условия для вступления в брак с советскими девушками. В военном удостоверении существовала графа, в которой ставилась печать, если человек женат; у неженатых эта графа была чистой; а так как военные часто переезжали с места на место, девушки при знакомстве интересовались, что у них написано в удостоверении. Мои товарищи были старше меня на несколько лет, для них уже пришло время жениться и создавать семьи, тем более, что тогда у нас не было надежды на скорое возвращение на нашу родину. Мне в то время исполнилось двадцать два года, и я

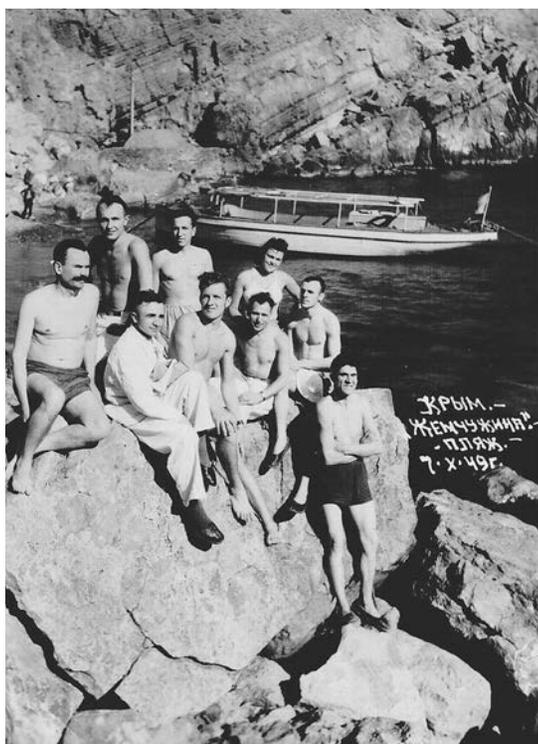
не задумывался о женитьбе; в мои амбиции входило желание совершенствоваться в профессии, стать хорошим артиллеристом и продвигаться по службе. Постепенно, один за другим, мои товарищи заводили серьезные знакомства с русскими девушками и в результате все женились, я остался один неженатый. Я переехал на другую квартиру и жил вместе с одним хорошим русским другом, лейтенантом Липатовым, родом из Ленинграда. Мы были хорошими друзьями и коллегами. Коля был интеллигентный, культурный и образованный человек, с доброй открытой душой. Такова особенность людей, живущих в этом прекрасном городе на Неве. У нас были общие взгляды и интересы, поэтому мы были, как братья, делились своими мыслями и чувствами ; обсуждали книги, которые читали, фильмы и спектакли, которые смотрели, вместе готовились к занятиям; у нас была общая касса, мы вместе питались и проводили свободное время. Одновременно познакомился с двумя подругами – Надей и Олей.

В Советской армии существовала практика, когда каждые три-четыре года офицеры переезжали из одного региона страны в другой. Это делалось для более равномерного распределения на службу в отдаленных районах с более трудными условиями жизни. Например, была значительная разница между службой на Курильских островах на Дальнем Востоке и службой в европейской, наиболее развитой, части СССР, а то и в Германии, Венгрии или Польше, где располагались части советской армии. Каждый год, в начале осени, производились замены; в полку царило волнение

от ожидания списков офицеров. Обычно первыми обо всем узнавали жены руководящего состава полка, и через них новости распространялись дальше, так что до официального объявления все обо всем уже знали. Мой друг Липатов оказался в списке и должен был готовиться к отправке на Курилы, на Дальний Восток. Не было смысла ехать туда неженатым и провести там три года, а может быть, и больше, ведь, молодость не вечна. И хотя он до этого не говорил с Олей о женитьбе, необходимость отъезда ускорила события, они поженились и уехали вместе. Я с ними переписывался и узнал, что там у них родился сын. Судьба в скором времени готовила и мне отъезд из Павлограда, но у меня для этого были другие причины.

Раз уж я рассказал о своем друге Коле, было бы неправильно не сказать несколько слов о Наде, моей доброй знакомой по Павлограду; по всему, что я о ней знаю, она заслуживает внимания. Она работала в городском комитете комсомола в отделе организации культурно-развлекательных мероприятий для молодежи. Надя была хорошо образована, ее уважали в коллективе, надо сказать, что она была очень привлекательной девушкой. Очень хорошо одевалась для того времени, умела себя вести. У нее были густые темные волосы и красивая прическа в стиле кинозвезд довоенного времени. Дружба с Надей наполнила и обогатила мою жизнь в Павлограде.

Мне вспоминается поездка в Днепропетровск и Запорожье, экскурсия на знаменитую электростанцию Днепрогэс, в то время одной из самых больших в мире. Мы гуляли

по широкой плотине, которая перекрыла Днепр, и по которой шло транспортное сообщение. Мы наблюдали, как через огромные отверстия с большой высоты, грохоча, в реку обрушиваются потоки воды. То, что я увидел, поразило меня, я был горд этим великим техническим достижением советских строителей. Я все больше убеждался в предстоящей победе социализма и коммунизма под де-

визом Ленина: «Советская власть – это коммунизм плюс электрификация всей страны».

Ситуация, связанная с взаимоотношениями СССР и других стран социалистического лагеря с СФРЮ все больше обострялась, росла напряженность, возникали приграничные столкновения, была угроза интервенции. Взаимные обвинения в печати и по радио приобретали чудовищные формы и размеры. Обесценивались заслуги в совместной борьбе против фашизма, а руководители стран назывались самыми страшными именами. В Югославии были созданы злополучные концентрационные лагеря, в которых томились тысячи ни в чем неповинных людей, старых борцов и истинных коммунистов и членов коммунистического

союза молодежи Югославии, к ним применяли до тех пор невиданные по жестокости репрессии. С другой стороны в странах социалистического лагеря росла и крепла политическая оппозиция, в результате открытой поддержки правительств этих стран деятельность оппозиции приобретала организованную форму. В Москве начала выходить эмигрантская газета «За социалистическую Югославию». Газету печатали на тонкой белой бумаге, редактором был Радонья Голубович, бывший посол Югославии в Румынии. Главной целью эмиграции было устранение режима Тито и возврат Югославии в лоно социалистического лагеря. Несмотря на то, что в армии мы были далеки от деятельности оппозиции в эмиграции и не имели с ней прямой связи, я не сомневаюсь, что планах по смене режима в Югославии у них был на нас расчет. Об этом можно судить по неожиданному для нас решению о сосредоточении всех офицеров советской армии югославского происхождения в районе Приволжского военного округа, центр которого находился в Куйбышеве. Наша группа из Павлограда получила направление в город Энгельс.

ЭНГЕЛЬС, 1950-1951

Саратов и Энгельс – два города, которые расположены на противоположных берегах реки Волги в ее среднем течении, самой большой в Европе. Саратов – на правом берегу, Энгельс – на левом. Ширина реки между городами – более ста метров. Моста между ними не было.

Город Саратов – это крупный промышленный, транспортный, образовательный, научный и культурный центр. Саратов – областной центр, в области насчитывалось около семисот тысяч жителей.

Город известен тем, что здесь были развиты станкостроение, электропромышленность, нефтепереработка, военное авиастроение, а также производство продуктов питания. Отсюда шло снабжение Москвы природным газом. В городе было более ста общеобразовательных школ, двадцать техникумов, девять различных вузов плюс университет. Примерно двадцать научных институтов, несколько драматических театров, театр оперы и балета, консерватория, сто восемьдесят библиотек, более семидесяти кинотеатров, клубов и музеев. Город был закрыт для иностранцев.

Город Энгельс значительно меньше; в городе было около ста тысяч жителей; раньше он назывался Покровск; в 1931 году был переименован в честь ученого и политика Фридриха Энгельса. В городе работали фабрики и заводы, была развита

переработка продуктов питания. В сфере образования существовало несколько средних школ и техникумов, филиалы саратовских вузов. В городе был драматический театр и краевед-

ческий музей, несколько кинотеатров и домов культуры.

Город был центром немецкой автономной республики с 1922 по 1941 год. На этой территории жили немцы, которые поселились здесь во времена царицы Екатерины. Это было хорошо организованное и обустроенное территориальное объединение. После нападения Германии на Советский Союз и последовавшего перелома при попытке взятия Москвы, нацистские силы были перенаправлены к Сталинграду с целью взятия этого стратегически важного города на Волге, после чего нацистская армия должна была повернуть на север вдоль Волги, затем окружить и взять Москву.

Согласно советским источникам, в то время в Энгельсе существовала организованная пятая колонна, связанная с гитлеровской Германией. По приказу Сталина все население, имевшее немецкое происхождение, из города Энгельса и его пригородов было насильно выселено в течение нескольких дней. Жителям было разрешено взять с собой лишь ручную кладь. На поездах и грузовиках советские граждане немецкого происхождения были переброшены на восток, за несколько тысяч километров, в Среднюю Азию. Их расселили на границе с Китаем.

Когда мы приехали в этот город в первой половине 1950-го года, кое-где еще оставались следы того, что тут раньше жили немцы. Основным населением были русские. На восток от города простилаются необозримые поля, которым нет конца и края. Позже именно среди этих равнин совершит посадку Юрий Гагарин, первый человек, полетевший в космос. В Энгельсе находились крупные военные аэродромы. Шум самолетов слышался непрерывно. Летали новые сверхзвуковые истребители и реактивные бомбардировщики. Летчиков было много, они со своими семьями жили в квартирах в новых домах. Авиация по праву была привилегированным родом войск, особенно летный состав. Они получали более высокие платы, чем наши, питались в специальных столовых, где им готовили специальную, калорийную еду. У них регулярно проводились строгие медицинские осмотры, на которых особенно тщательную проверку проходили пилоты реактивных самолетов; малейшее повышение кровяного давления значило для них отстранение от полетов. У меня были знакомые летчики, мы дружили, и я узнал о страстности и энтузиазме этих храбрых покорителей небесных высот. Для них жить значило летать. В Энгельсе мне представилась возможность первый раз в жизни полететь на самолете. По делам службы я летал на транспортном самолете из Энгелься в Куйбышев. Сначала было волнительно, особенно, во время тряски, но мое первое воздушное крещение прошло благополучно.

Наш артиллерийский полк находился в составе военного гарнизона, и в нем, кроме нас, из Павлограда было еще

несколько югославы. Многие детали жизни в Энгельсе я не помню, но то, что мне запомнилось, было для меня очень важно. За успехи, достигнутые в военной подготовке, и за участие в окружных соревнованиях по артиллерийской стрельбе командующий Приволжского военного округа, генерал-лейтенант Городецкий наградил меня грамотой. Моя успешная служба и комсомольский стаж стали причиной того, что я получил рекомендацию стать кандидатом для вступления в члены Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Согласно уставу партии кандидаты принимали равноправное участие в собраниях партийной организации, имели право участвовать в дискуссиях, но не могли участвовать в голосовании и принятии решений; кандидатский стаж продолжался один год, за это время кандидат должен был совершенствовать свою идейно-политическую подготовку, изучить историю и программу партии, а также на деле доказать, что он готов к вступлению в ряды членов ВКП (б). В батареях и дивизионах существовали партийные организации, которыми руководили замполиты. На уровне полка существовало

бюро и секретарь партийной организации, который имел высшее офицерское звание; прием в кандидаты и члены партии осуществлялся по сходной процедуре; рекомендация давалась снизу, а решение о приеме принимала партийная организация полка.

В соответствии с правилами я написал заявление о приеме в партию, приложил подробную автобиографию, заполнил анкету. В анкете среди вопросов был один, весьма важный в то время: «Кто Ваши родители, и чем они занимались до 1917 года?» Меня мучили сомнения, надо было написать, что мой отец занимался торговлей, но я знал, что это может стать препятствием для приема в партию, я чувствовал неловкость из-за того, что мой отец не был рабочим, или батраком, безземельным, тогда не было бы проблем. Партийные организации батареи и дивизиона поддержали мое заявление, и я был приглашен на заседание полковой организации. В большом зале, где проходило собрание, присутствовали члены партийной организации полка, их было несколько сотен человек, среди них и руководство. Когда подошла очередь рассмотрения моего заявления, я должен был встать, чтобы меня все видели; секретарь прочитал мои документы (рекомендации для приема, написанные двумя членами партии, среди которых был и замполит батареи); затем стали задавать вопросы. Присутствующих больше всего интересовало мое социальное происхождение: просили меня рассказать, чем торговал мой отец, каков был объем торговли, большой ли у нас дом, какая еще есть собственность, есть ли у отца наемные работники и сколько их. Было также несколько вопросов на политические темы. Меня попросили высказаться на тему о событиях в Югославии. Мне было нелегко. Я чувствовал себя, как на скамье подсудимых. Но я ответил на все вопросы без колебаний. После этого мои поверенные и солдаты, члены партийной организации батареи, рассказали о проделанной мной работе,

положительно отзываясь о моей идейно-политической готовности, и выступили с поддержкой предложения о моем приеме в кандидаты. Никто не голосовал против моей кандидатуры, и я стал кандидатом в члены ВКП (б). Для меня это была честь, выражение доверия, и, несомненно, признание моего труда. В то время вступить в партию было не просто.

В Энгельсе я стал задумываться о своем будущем, что и как дальше. Я осознавал, что без дальнейшего совершенствования и обучения у меня нет определенных перспектив в профессии; я не хотел мириться с тем, что останусь служить в армии как войсковой офицер; поэтому я решил готовиться к поступлению в Артиллерийскую военную академию имени Дзержинского в Москве. Если у меня не получится поступить, то я планировал начать учебу в Саратовском государственном университете на заочном отделении и после окончания оставить военную службу. Я приступил к осуществлению своих замыслов.

Артиллерийская военная академия им. Дзержинского в Москве в то время – самое передовое учебное заведение и научный институт в области артиллерии и ракетных систем в СССР, а можно смело сказать, и во всем мире. Условия приема в академию были очень строгими; претендентов было всегда значительно больше, чем поступивших. Первый этап отбора проходил на уровне военных округов, по рекомендации кандидаты направлялись в Москву. Однако независимо от рекомендаций окружных комиссий решение о приеме принималось в самой академии. Все кандидаты проходили три этапа проверки: во-первых, проверялось состояние здоровья,

кандидат должен быть совершенно здоров и готов к многолетней службе в войсках. Это устанавливалось в результате проверки состояния здоровья разными специалистами в течение нескольких дней, а также многочисленными лабора-

торными анализами. Второй этап проверки совершала мандатная комиссия, которая давала оценку идейно-политическим характеристикам и рассматривала биографические данные. Третий этап – проверка знаний и способностей кандидата для успешной учебы. Приемные экзамены состояли из нескольких дисциплин, среди которых главной была математика. Я начал готовиться: читал специальную литературу, среди которой был известный сборник задач по математике под редакцией Выгодского; книги по физике, химии, политэкономии и др. Я подал заявление в приемную комиссию и получил рекомендацию для поездки в Москву с целью сдачи экзаменов. Между тем, подошло время использовать свой очередной отпуск. В этот раз я решил поехать в советскую Среднюю Азию, в республику Узбекистан, познакомиться с городами

Ташкент, Самарканд и Бухара, а если получится, то посетить еще и Сталинобад, столицу Таджикской ССР. Мне нравилось такое путешествие, я должен был провести в поезде около десяти дней, в это время я собирался готовиться к экзаменам, заниматься решением математических задач.

Поездом Москва-Ташкент я ехал четыре дня в одном направлении; в купе нас было четверо; мое место было на верхней полке, которую можно было опускать и поднимать по необходимости. В советских поездах билеты продавались свободно, и не было разделения на мужские и женские купе. Я ехал в купе с семьей офицера – он, жена и сын. Мы подружились в пути и провели несколько дней в поезде, как одна семья: вместе ели и пили, разговаривали, играли в карты, шахматы, домино. В памяти сохранились некоторые тогдашние наблюдения: пересечение реки Урал, границы европейской и азиатской части СССР; город Аральск на северном побережье Аральского моря, где находится устье реки Сыр-Дарья; здесь я увидел огромное количество дынь разных сортов и невероятных размеров; первый и единственный раз попробовал тут кумыс, очень питательный и полезный напиток из верблюжьего молока; из Аральска поезд продолжил путь в тысячу километров через казахстанскую низменность; пейзаж был однообразным; горизонт, уходящий вдаль, как в океане, только океан был желтого цвета, а вместо кораблей в море песка виднелись караваны верблюдов; солнце вставало и заходило на одной и той же высоте; ближе к Ташкенту, необозримые поля, засаженные хлопком; сбор урожая был в разгаре; огромные стога этого белого золота свидетельствовали о богатом урожае в тот год. В Ташкенте я пробыл несколько дней; это древний город, основанный еще в седьмом веке, столица Узбекистана, самого многонаселенного советского региона; в годы советской власти этот город стал крупным экономическим, культурным, научным

и образовательным центром, городом с, более чем, миллионным населением. Зеленые бульвары, фонтаны, охлаждающие летом раскаленный от жары город; красивые здания Академии наук, университета, театра оперы и балета и др., построенные в стиле арабской архитектуры с множеством декоративных элементов в виде кружев. Я успел съездить в Самарканд, античный город Персидского царства; Александр Великий разорил его в четвертом веке до нашей эры; в четырнадцатом веке город был столицей Тимура; его мавзолей и другие сооружения того времени, которые стали вершиной архитектуры и искусства Востока, произвели на меня большое впечатление. Моя поездка в Среднюю Азию была замечательной: я обогатил свои знания о культуре этой части света; время, проведенное в поезде, использовал для решения задач по математике и хорошо подготовился к предстоящему экзамену.

Для поступления в Дзержинку, как любовно называли академию, от окружной комиссии получили направление три советских офицера югославского происхождения: Васко, Горан и я. С чувством благоговения переступил порог этого московского учебного заведения, сознавая, что решается моя дальнейшая судьба. Десять дней шла проверка кандидатов: мандатная комиссия дала согласие на мой прием; я успешно сдавал экзамены, все подходило к своему завершению, но когда уже я ожидал, что меня примут в академию, меня позвали на медицинскую комиссию и сообщили, что я не могу быть принят по медицинским показаниям из-за проблем с сердцем. Я попытался как-то уговорить доктора, убеждая его в том,

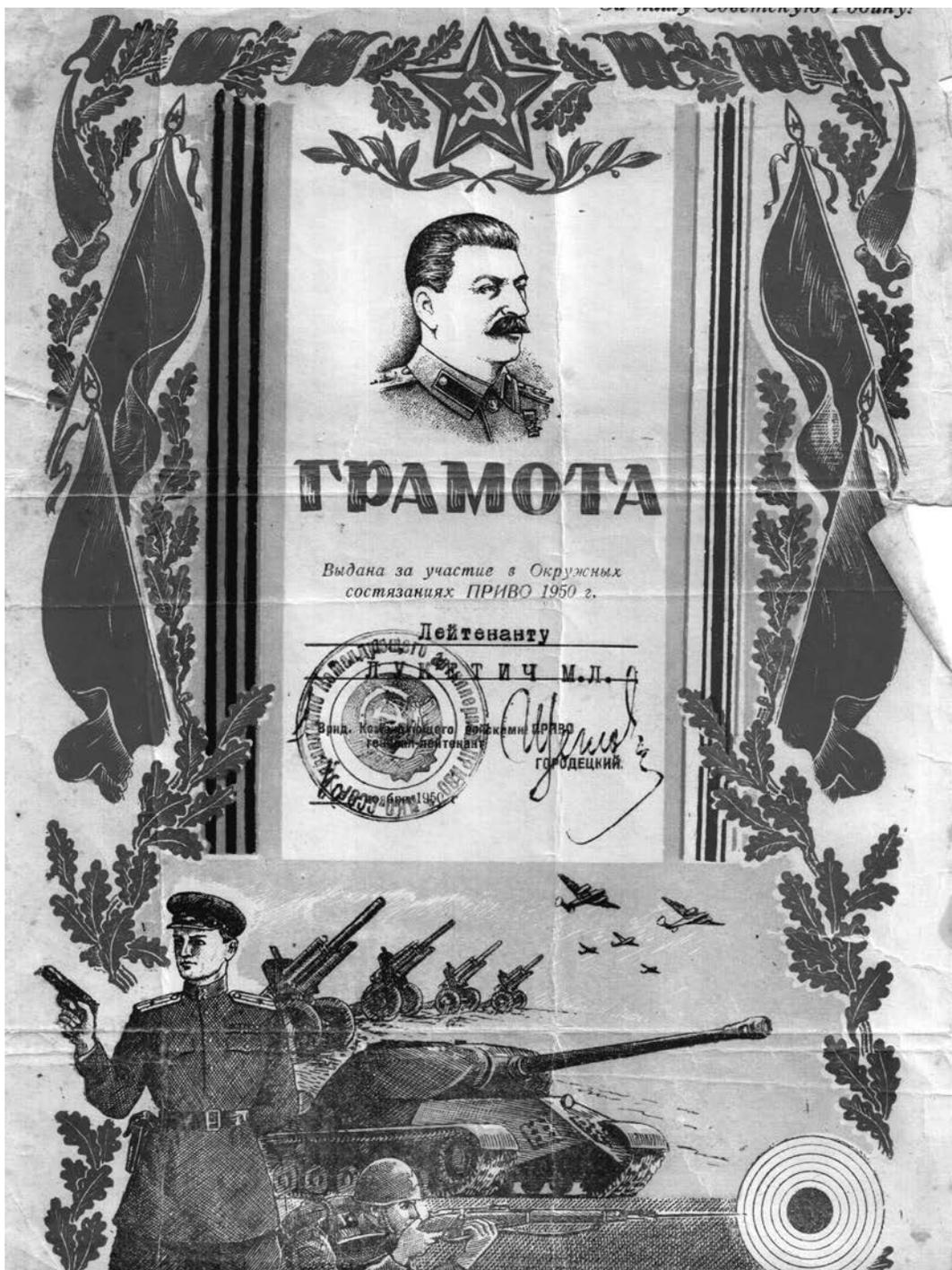
Освящение новейшего бомбардировщика на аэродроме в Энгельсе

что у меня все в порядке со здоровьем, я прекрасно себя чувствую, мне ничего не мешает выполнять все офицерские обязанности. Все было напрасно – мне отказали из-за диагноза шумы в сердце. Я

попрощался с Васко и Гораном, которые продолжили сдавать вступительные экзамены, и ушел из Академии. В тот день я блуждал по Москве, стараясь не думать о том, что произошло.

Вечером я оказался в ресторане на Казанском вокзале; свободных столов не было; за одним из столов сидел один полковник; увидев, что я ищу свободное место, он пригласил меня за свой стол. После нескольких рюмок армянского юбилейного коньяка, пять звезд, мы познакомились и разговорились: я излил свои переживания, и мне стало легче на душе. Мой собеседник рассказывал мне о том, как он воевал в Югославии, о боях за освобождение Белграда, он с большой симпатией вспоминал о моей родной стране. Мы с ним продолжали ужинать, не меняя напитков, но сменив несколько ресторанов: Москва, Пекин, Националь. Напились мы крепко, как говорится по-русски «вдребезги». Полковник сильнее, чем я. Он назвал свой адрес, помню, что это была улица Толстого, я взял такси и отвез его домой; сам я вернулся на вокзал; дождался там утра; похмелился, выпив рюмку водки, и первым же поездом вернулся из Москвы в Энгельс.

У меня оставалась надежда, что я смогу поступить на заочное отделение в Саратовский университет. Хотя мне для

поступления не требовался аттестат о среднем образовании, я все же решил, чтобы лучше учиться в дальнейшем, окончить сначала среднюю школу в Советском Союзе. Поэтому я стал учиться в вечерней школе в Энгельсе и успешно закончил девятый класс.

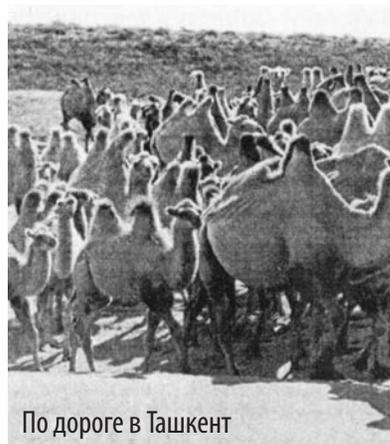
Во время моей службы в Энгельсе проходили выборы в Верховный Совет СССР. От нашего округа в Совет национальностей выбирался Илья Эренбург. Существовала практика, по которой во время избирательной кампании кандидаты встречались со своими избирателями. В большом переполненном зале люди с нетерпением ожидали встречи с Эренбургом; он был известен не только, как выдающийся писатель, автор многих романов, но и как публицист, уважаемая и влиятельная личность в социальной жизни страны; все еще помнили его газетные статьи, написанные в последние годы войны.

Я вместе с группой офицеров и солдат обеспечивал безопасность встречи, и это было редкой возможностью познакомиться лично с Эренбургом. Из воодушевляющего и убедительного выступления о состоянии дел в стране и в мире я запомнил его ответ на вопрос: «Почему нам Америка сейчас мешает, когда нам так нужен мир?» Эренбург рассказал, как после окончания войны один американский коллега пригласил его к себе в гости в Америку; писатель жил в роскошном большом доме в Калифорнии, хозяйка дома с гордостью показывала мебель, всякое оборудование и утварь; американец сказал: «Видите, коллега Эренбург, мы все это приобрели во время войны». «Значит, - сказал Эренбург, обращаясь к нам, - пока миллионы советских граждан погибали на фронтах,

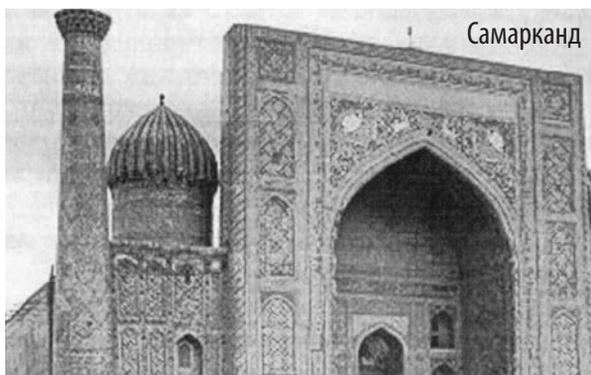
страдали в концентрационных лагерях, пока нацистские орды грабили нашу страну, а советские люди напряженно работали в тылу, создавая условия для победы над Гитлером, американцы обогащались и получали прибыль - миллиарды долларов».

Во время выборов в Советском Союзе шла активная пропаганда и популяризация достижений в восстановлении и развитии страны, в выполнении и перевыполнении пятилетних планов, по возвеличиванию роли партии и Сталина. По правилам, на выборах был представлен только один кандидат; поэтому настоящей конкуренции, по существу, не было; господствовала однопартийная система, и была заранее известно, что все предложенные кандидаты будут избраны (точно такая же практика существовала в Югославии в период власти Тито, и не было, практически, никакой разницы). Голосующие на выборах присутствовали в большом количестве, более девяноста процентов; процент проголосовавших за предложенного кандидата был еще выше, а в округах, где избирались высшие руководители страны, процент доходил до девяноста девяти процентов.

Активная предвыборная кампания проводилась и в армии; отмечались достижения в обучении; организовывали соревнования между подразделениями; партийные и комсомольские организации активно участвовали в организации выборов. Главной задачей было, чтобы все армейцы

По дороге в Ташкент

приняли участие в выборах и проголосовали; важно было, чтобы выборы прошли в наиболее сжатое время, так как на этом основании оценивалось морально-политическое состояние в

подразделении. В день выборов солдат не будили, они имели право встать, когда захотят. Питание в этот день было лучше, во время обеда давали сто граммов водки. Случалось, что некоторые солдаты затягивали с голосованием и этим препятствовали стараниям руководства вывести свое подразделение в первые ряды.

Обычно это были недовольные, попавшие под наказание, и таким способом они хотели отомстить офицерам. Но это было возможно только до некоторой степени, так как после выборов командир им этого не забудет, и они это понимали.

Была суббота, холодный, но солнечный зимний день; Мирко и я, оба холостые, договорились провести два выходных в Саратове. Пошли на автостанцию, чтобы на автобусе отправиться через замерзшую Волгу из Энгельса в Саратов. На станции сидела группа цыган. По их обыкновению к нам подошла цыганка: «Офицер, дай тебе погадаю. Скажу все, что будет». Я протянул ей руку. «Офицер, ты встретишь красивую женщину», - сказала мне цыганка. Я ей заплатил за гадание и спросил, откуда они. «Мы из Сербии, бежали от

немцев и вот оказались на Волге. Собираемся вернуться в Сербию», - ответила цыганка.

Двадцать минут тряски в автобусе, ехавшем по неровной, ледяной трассе через реку, и мы прибыли в Саратов. Гостиница, в которой мы решили заночевать, оказалась стариной: просторный вестибюль, разноцветные люстры с множеством украшений; красивые лестницы и балюстрады. Пока администратор оформлял нам номер, на лестнице появилась женщина, немного постояла, и медленно, театрально, ступень за ступенью, стала спускаться.

*...Док ево ти дивне виле лаким кроком ће ми
лети - завид те ми, сви бесмртни, на
тренутак ови свети! Ход је вилин много
дични но Аврорин када шеће, од сребрног свога
прага над прољећем кад се креће; зрак је виле
младолике тако красан ка Атине, огледало и
мазање презиру јој черте фине...*

Как выглядела эта нимфа?

*Савршенство творенија, таинствене силе
боже, ништа љепше нит је када нити од ње
створит може!*

Његош « Ноћ скупља вијека »

У нас с Мирко перехватило дыхание; она прошла мимо нас, посмотрела слегка кокетливо, и села за столик гостиничного

буфета. Мы спросили администратора, кто эта женщина. «Актриса», - был его ответ. Что после этого делают два молодых лейтенанта, приехавшие в Саратов отдохнуть? Мы пошли в свой номер, и Мирко говорит: «Как она на меня посмотрела. Наверняка, я ей понравился». «Она на меня посмотрела, а не на тебя. Я ей понравился», - возразил я. Как разрешить наш спор, кто получит право подойти к незнакомой красавице и осмелится ухаживать за ней? Мирко как гениальный математик предложил бросить жребий. По теории вероятности мы имеем равные шансы, кто выиграет, тот имеет шанс. Я взял монету, подбросил ее вверх и поймал ладонями. «Орел или решка?»

«Решка», - сказал мой друг. Я поднял правую ладонь, на левой лежала монета, повернутая решкой вверх.

Имени ее я не помню; две ночи мы провели вместе, ходили по ресторанам и клубам, пили, танцевали, пели песни... Цыганка нагадала мне правду в тот раз.

У русских существует добрая традиция - коллективно отмечать праздники, и дома, и в ресторанах, в учреждениях и на предприятиях. К праздникам готовились заранее; доставали продукты для праздничного стола. Закуска должна быть хорошей, без нее нельзя представить праздничный ужин: это - разные сорта рыбы, сушеной, копченой, соленой (лосось, селедка; красная и черная икра), соленые огурцы, зеленые соленые помидоры и др. Из напитков, прежде всего, водка, но на стол ставят и вино, и пиво, и коньяк, и минеральную воду. В нашем полку также было принято проводить вечера для офицеров на ноябрьские, новогодние

и первомайские праздники. Платили за себя сами; офицеры приходили с женами, холостые могли прийти с девушкой; на заявленное количество участников готовили напитки и еду;

нормой была одна бутылка водки на человека; звучала музыка, играли музыканты-любители или ставили музыкальные пластики; танцевали и пели до поздней ночи. В эти вечера дежурила отдельная группа, имевшая задание развозить офицеров по домам, так как было известно, что все будут пьяны. Во время подобных мероприятий обязательно произносились тосты: командир полка первым произносил тост за товарища Сталина, потом шли тосты за партию, за Советский Союз, за победу социализма и коммунизма, за Россию, за международный пролетариат, за здоровье присутствующих, за детей, за советских женщин и т.д. На одном таком вечере в Костроме, где я, будучи курсантом, присутствовал с товарищами, заместитель начальник училища по учебной работе, бывший царский офицер, произнес тост, после которого его отправили на пенсию. Он в подвыпившем состоянии неожиданно произнес: «Господа офицеры!» Когда русские пьют, разогрев продолжается недолго. Первую рюмку пьют до дна, и настроение сразу поднимается, создается приятная, свободная атмосфера, никто не смотрит на чины и звания, каждый веселится, как может.

Мужчины выпивают, женщины меньше пьют, больше танцуют. Во время одного такого застолья в Энгельсе я попал в ситуацию, в которой оказался без вины виноватым. Женщины приглашали кавалеров, меня пригласила жена майора, начальника штаба дивизиона; симпатичная, тридцатилетняя женщина. Я уже прилично выпил, но держался вполне корректно; моя партнерша была изрядно подвыпившей и во время танца не скрывала свою симпатию ко мне; она настаивала, чтобы я продолжал танцевать с ней. Я люблю танцевать, она хорошо танцевала, поэтому я не возражал. Однако все это не могло остаться незамеченным. Однажды меня вызвал к себе для разговора секретарь партийной организации полка подполковник Макаров; я знал, почему он меня вызывает. Он прочитал мне моральное нравоучение; напрасно я пытался убедить его в том, что я не виноват, он предупредил меня, что я буду наказан по партийной линии. На мое счастье все закончилось хорошо; вскоре ее муж был переведен на другое место службы, и они уехали. Однако в моем партийном досье этот случай был зафиксирован; возможно, это стало причиной того, что мой кандидатский стаж длился дольше положенного срока.

СЫЗРАНЬ 1951-1952

Пришла осень, поступил приказ переезжать: полк уезжает из Энгельса в город Сызрань; после Костромы и Энгельса это уже третий город на Волге, в котором мне довелось жить.

*Волга, Волга, мать, родная
Волга русская река,
Не видала ты подарка,
От донского казака...*

По все России поют эту песню; река Волга – это артерия России, источник ее государственности и культуры, она является символом народного духа, русской державы и нации. Волга подарила миру множество славных имен - писателей, художников, ученых и государственных деятелей; нет ни одного значительного русского писателя или художника, чье творчество не было бы вдохновлено тем, что связано с Волгой. На волжских берегах Пушкин писал свои стихи:

*Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Панорама исторической части города

Протяженность реки более трех тысяч километров, от истока на Валдайской равнине до устья в городе Астрахань, где Волга впадает в Каспийское море. Это

самая большая европейская река, она имеет более полутора тысячи больших и малых притоков, на ней построены мощные гидроэлектростанции, по ее берегам расположено много городов, являющихся экономическими, культурными, научными и образовательными центрами России. Волга является крупной судоходной артерией, она связана каналами с Москвой, а также с Белым, Балтийским и Черным морем. Поволжье является важным сельскохозяйственным регионом.

Без Волги – нет России.

Семь лет я жил на берегах Волги и в Поволжье. Волга остается в моем сердце. На Волге, в городе Сызрань, я встретил Нину Александровну Соловьеву. Мы полюбили друг друга и поженились здесь. В городе Саратов на волжском берегу у нас родился сын Милорад.

Сызрань, город, в который меня перевели по службе, находится на правом берегу Волги. Выше по течению расположен Куйбышев (ныне Самара), областной центр, город с миллионным населением. Сызрань основана в семнадцатом веке. Население – сто семьдесят тысяч человек. Город Сызрань - крупный промышленный центр с развитым

машиностроением, нефтеочистительной индустрией и производством строительных материалов. Это важный железнодорожный узел и речной порт. В городе много школ, политехнический институт, краеведческий музей, много библиотек, есть театр. Недавно мне прислали книгу «Кто есть кто в Сызрани» и фотографии с современными видами города, которые я здесь публикую. Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность Городской библиотеке города Сызрань за присланные материалы.

Мне повезло, я нашел хорошее жилье в Сызрани, в частном доме на улице Пензенской, где стояли, в основном, одноэтажные деревянные дома, в окружении садов и палисадников. Дом, в котором я снимал комнату, был деревянным, с резными ставнями в русском национальном стиле; внутри сохранились предметы старинного интерьера, а также богатая библиотека, свидетельствующая о том, что в доме жила добропорядочная русская семья. Наследница Антонина Эдуардовна, преподаватель русского языка и литературы на пенсии, жила в этом доме одна. Антонина Эдуардовна была женщиной старой закалки, культурная, образованная, воспитанная на традициях русской классики. Она была в годах, но всегда выглядела ухоженной и аккуратной, была хорошей хозяйкой. Питался я дома. Со временем, когда мы лучше узнали друг друга, я полюбил разговаривать с ней, слушать ее рассказы из истории русской литературы. О своей семье она не рассказывала; можно было предположить, что ее семья пострадала от большевиков. Но тогда об этом нельзя было говорить. Я ей рассказывал о своей судьбе. Антонина Эдуардовна относилась

ко мне, как к сыну: беспокоилась о моем здоровье, старалась приготовить что-то вкусное, советовала мне, чтобы я познакомился с хорошей девушкой, говорила, что мне пора жениться.

Приближались ноябрьские праздники. Прошло уже три года, как я не получал писем из дома, три года и я не писал писем родным, которые жили в Будве. В тот раз, седьмого ноября 1951 года, впервые после того, как принял решение остаться в Советском Союзе, я почувствовал себя одиноко. Мне страшно захотелось увидеться с родными, узнать, как они живут. Перед глазами стояли родные лица. Я решил отправить телеграмму своим родным и пошел на почту. У меня не было уверенности, что телеграмма дойдет. В то время между СССР и Югославией существовали жестокие разногласия. Однако что-то подталкивало меня пойти на почту и отправить телеграмму. Телеграмма дошла, мама ее сохранила, этот листок спустя пятьдесят лет я держу в руках. Текст телеграммы гласит: *«Поздравляю вас праздником Великого Октября Мирослав»*. Обратный адрес: город Сызрань, Пензенская, 40. На телеграмме стоит почтовый штамп Будвы: *«Послат из Сизрења 7. Новембра 1951. у 20 часова и 30 минута; стигао у Будву 8. новембра у 11 часова и 30 минута»*.

Мама мне рассказывала, как они получили эту телеграмму. Восьмого ноября отмечается Митровдан, крестная слава нашего дома. После освобождения, вопреки партийным указаниям,

запрещавшим отмечать православные праздники, мой отец продолжал праздновать Митровдан. В тот день, когда все собрались за праздничным обедом, в дверь позвонил почтальон. Мама вышла на балкон, чтобы посмотреть, кто звонит:

- Вам телеграмма от сына, - сообщил почтальон.

- Это Стево из Загреба поздравляет со славой, - ответила мама.

- Не из Загреба, а от сына из России, - сказал почтальон.

За все тридцать лет, проведенных в этом доме в Будве, она никогда не была так радостно взволнованна, как в тот день, спускаясь по лестнице, чтобы взять телеграмму. Три года она ждала эту весточку, верила и надеялась, что сын жив и здоров.

- Миро прислал телеграмму из России – взволнованно сообщила она отцу и гостям.

- Видишь, Миня, из России поздравляет меня с Митровданом, - сказал с гордостью мой отец Лука.

Честно говоря, я тогда забыл о своей крестной славе Митровдан. Из раннего детства остались воспоминания того, что в этот день за праздничным столом собирались родственники и друзья. Больше всех мне запомнился Никола Кнежевич, черногорский знаменосец из Цетинья, друг отца;

Никола приходил в национальном черногорском костюме с револьвером за поясом и показывал нам, детям, разные фокусы, которые нам очень нравились. После войны я жил в России, стал атеистом, и у меня были другие праздники. Но как в народе говорится, не поминай Имя Господа всуе. Что-то неосознанное заставило меня именно в этот день послать весточку домой, чтобы родные знали, что я жив и здоров.

Это было неслучайно; в истории нашего дома Митровдан был судьбоносным праздником, с ним связано существование нашей семьи.

Мой прадед Илия был уже в годах, а наследника у него не было; род Лукетичей мог прекратиться. В Митровдан митрополит черногорско - приморский Петар Первый из Станевичей прибыл к Паштровичам, для которых этот день был большим праздником, крестной славой. Он посетил Святой Стефан и наш дом там, первый на входе в город. Владыко был высокого роста, проходя через порог, камилавкой зацепился за косяк, и она упала с его головы.

-Не обессудьте, владыка, - проговорил дед Илия.

Владыка сложил три перста, перекрестился и сказал:

-Пусть будет этот дом благословен и пусть в нем родится чадо, наследник мужского рода.

Когда жена деда Илии умерла, он женился во второй раз на молодой девушке из Паштровичей. Она родила ему двух сыновей: Луку и Миро. Так продолжилась мужская линия нашего рода. Сын Луки Степо был очень набожным человеком; в доме у него было много икон; у старинной иконы Святой Троицы, которой было более четырехсот лет, никогда не гасла лампада; самой красивой была русская икона Святого Димитрия, которую дед Степо привез из Царьграда. У Степо было три сына: Нико, Петар и Лука. У Нико и Петра не было детей. А Лука, мой отец, женился после Первой мировой войны. Мама рассказывала, как все ждали от нее, чтобы она родила сына, чтобы продолжился род. У нее сначала родилась Брана, моя сестра. Второй ребенок – сестра Зора. А третий

ребенок родился на Митровдан. Это был мой брат Стефан. Радость среди родни была неопиcуемая: дед Степо, больше всех благодарил Бога и Святого Димитрия за дарование чада.

Слава Богу, сейчас в нашей семье есть потомство. И я надеюсь, что больше никто из нас, никогда не будет забывать наш семейный праздник – крестную славу, и другие христианские праздники, чтобы традиции чтились и продолжались.

По приезду в Сызрань мое подразделение направили в Татарскую автономную республику с заданием обеспечить наш полк дровами для зимнего отопления. Мы прибыли в область, где растут густые леса, и где ведется плановая работа по эксплуатации и защите лесного фонда. Каждый год вырубается такое количество деревьев, которое не нарушает естественный баланс. Территория поделена на участки, и заранее планируется, где будет проводиться рубка. Кроме того, отдельно выделяются участки, на которых делаются новые посадки и на которых проводят профилактические меры. Государственное управление лесного хозяйства выделило нам участки для вырубки. Нас проинструктировали, как следует спиливать стволы деревьев, и предупредили, что мы должны строго придерживаться установленных правил. Работали мы вручную.

Когда работа на одном участке была закончена, пришли лесники, чтобы подсчитать количество поваленных деревьев.

Оказалось, что мои солдаты не строго придерживались правила. Они спиливали ствол выше положенного уровня, чтобы облегчить себе работу. При этом они не соблюдали угол спила. Нам объяснили, почему надо строго соблюдать установленные правила. Речь шла о естественном восстановлении ствола и защите пня от разложения. Мы оказались в ужасно неприятном положении. Надо было устранить все недостатки, иначе наша работа не будет принята, и мы не сможем забрать дрова. С тяжелым сердцем и с негодованием мы вынуждены были уменьшать высоту пней, следить за углом спила, чтобы вода могла сливаться, и пень не загнивал. В лесу мы работали пятнадцать дней. Жили в палатках и сами готовили себе еду. С погодой нам повезло. Я, будучи любителем природы и охоты, вместе со своим другом Колей бродил по лесам в поисках тетеревов, драгоценной добычи каждого охотника. Без охотничьей собаки, которую Коля взял с собой, наша охота не была бы такой интересной и успешной. Мне повезло, я в первый и единственный раз в жизни подстрелил селезня. У Коли была богатая добыча. Мы приготовили хорошую охотничью трапезу для всех.

После возвращения с заготовки дров я поспешил записаться в десятый класс школы рабочей молодежи. Несмотря на множество обязанностей своей офицерской службы, я продолжал ходить на занятия, которые проходили вечерами, иногда до полночи. Требовалось много напряжения и самоотдачи, чтобы усвоить объемный учебный материал, предусмотренный программой, для завершения десятилетнего среднего образования, (в СССР среднее образование длилось

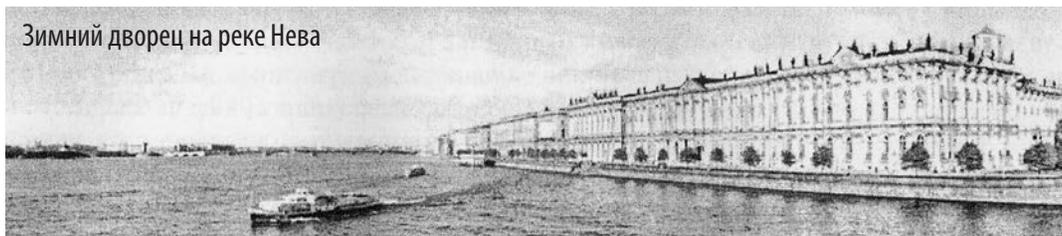
десять лет). В нашем классе было тридцать учеников; я был единственным военным, остальные были, в основном, рабочие. По возрасту были люди и старше, и моложе меня. Товарищи мне говорили, что я зря мучаюсь, что аттестат о среднем образовании мне не нужен. Но я не обращал на них внимания. Я решил окончить школу в России, чтобы дополнить свое общее образование, усовершенствовать свое знание русского языка и получить аттестат о среднем образовании. В Советском Союзе дополнительное образование было бесплатным и хорошо организовано. Рабочие были заинтересованы совершенствоваться в профессии. Им предоставляли возможность без отрыва от производства обучаться в техникумах и институтах. У них были льготы, на время сдачи экзаменов им предоставлялся оплаченный отпуск.

Выпускные экзамен я сдал с очень хорошими результатами, 21 июня 1952 года мне торжественно вручили *Аттестат зрелости*. Помню, что преподавательница русского языка на экзамене хвалила меня за знание русской грамматики и литературы. Я был счастлив и доволен тем, что тот труд, который я вложил в учение, многократно окупится: я обогатил свои знания, получил аттестат, и это открыло мне путь к осуществлению моих замыслов по обучению в университете.

Частная жизнь в Сызрани у нас, молодых неженатых офицеров, была, достаточно,

Зимний дворец на реке Неве

однообразной. В субботу обычно мы ходили в городские бани. В каждом городе в рамках коммунальных служб работали общедоступные бани с парилками. Бани были хорошо обустроены и оборудованы по всем санитарным нормам. Все граждане, обоих полов, могли пользоваться баней. Зимой, в сильнейшие морозы, когда температура воздуха на улице была ниже двадцати градусов, особенно приятно бывало пойти в баню, где воздух прогревался до пятидесяти градусов выше нуля. В бане мы проводили примерно один час. Там были специальные кабинки для переодевания, где можно было оставить вещи. Баня и душевое отделение были совмещены.

После бани мы, распаренные, выходили на морозный воздух, по дороге заходили в буфет, где пили холодное разливное пиво. Пиво пьется с особым удовольствием, если края кружки слегка посыпать солью. Кто-то делал «ежа», то есть добавлял в кружку с пивом сто граммов водки. Баня с парилкой для русских – это особое удовольствие и кураж. Я поражался молодым людям и, особенно, старикам, как они выдерживают парилку. Однажды я вошел внутрь, чтобы попробовать, и мгновенно выскочил наружу как ошпаренный. Для меня это было настоящее пекло, внутри все заполнено раскаленным паром, ничего не видно, люди сидят, потеют, бьют друг друга березовыми вениками, потом моются в банном отделении и опять

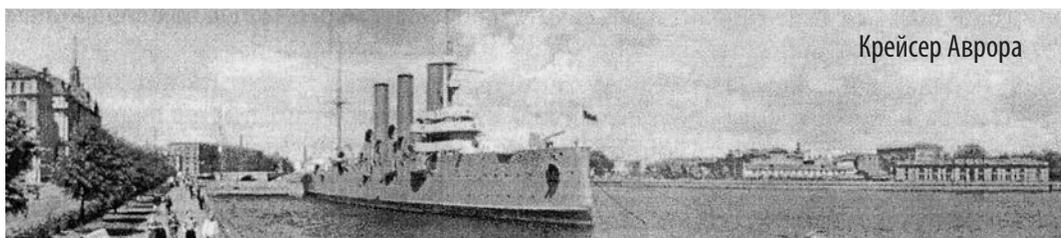
возвращаются в парилку. Процедуру завершают обливанием холодной водой или обтирают тело снегом.

В выходные, по вечерам, я с удовольствием ходил в театр. С друзьями ходил в рестораны и кафе, много выпивали там. Ходили в дом культуры на танцы. Однажды в субботу я поздно вернулся домой, старался войти тихо, чтобы не разбудить хозяйку. Но Антонина Эдуардовна не спала, она открыла дверь и была обескуражена моим видом. «Мирослав Лукич! Ради Бога, что с Вами случилось?» В тот вечер наша компания из четырех офицеров, после посещения ресторана, изрядно выпив, оказалась в доме культуры, где танцевальный вечер был в разгаре. Будучи не совсем трезвыми, мы вели себя несколько развязно и высокомерно, что вызвало негодование присутствовавших в зале. Нам сделали замечание, чтобы мы не портили вечер; мы ничего не хотели слушать, началась потасовка. Нас было четверо, их намного больше. Мы защищались и дрались, но вынуждены были сдаться, и покинули зал. В разгоряченном состоянии я пришел домой; и не заметил, что у меня был оторван рукав и эполета.

В конце года, во время школьных каникул, я отправился в очередной отпуск. На этот раз я решил поехать в Ленинград. Из Сызрани через Москву я приехал в Ленинград, для меня - самый красивый город на земле. Из Москвы в Петербург скоростной поезд преодолевает расстояние в шестьсот километров за шесть часов. Говорят, что при проектировании железнодорожного пути царь взял линейку и провел прямую линию, соединив две точки на карте, Москву и Ленинград, и указал, что так должна проходить трасса железной дороги.

Отправляясь в Ленинград, я не был неподготовленным, ведь, я уже многое знал об истории города: посмотрел много документальных и художественных фильмов; читал литературу; изучал события времен Октябрьской революции и героическую оборону Ленинграда во время Великой Отечественной войны. Но всего этого было недостаточно. Чтобы понять и почувствовать город, нужно побывать в нем и увидеть его своими глазами. Этот город навсегда остается в памяти. Петр Великий заложил город в 1703 году со словами «Здесь будет город!» И на болотах в дельте реки Невы, на сотне островов, связанных шестьюстами мостами, вырос город, самый крупный морской порт России, и ее столица с 1712 по 1918 год, в котором сейчас живет около пяти миллионов человек.

Десять незабываемых дней провел я в Ленинграде; где я только ни побывал, и что я только ни увидел, осматривая достопримечательности города. О потрясающем героизме защитников города свидетельствует мемориал на Пискаревском кладбище, где в братских могилах похоронено более четырехсот тысяч погибших от истощения и голода в блокаду, длившуюся с июня 1941 по январь 1943 года, когда город вел героическую оборону. Экскурсовод, которая пережила все ужасы блокады города, со слезами на глазах рассказывала нам о подвиге народа. Три дня подряд я посещал Эрмитаж, один из самых больших советских музеев. Который расположен в Зимнем дворце. Я осмотрел Петропавловскую крепость, Казанский собор и другие великолепные соборы. Посетил легендарный крейсер Аврора, чей выстрел оповестил о начале Октябрьской социалистической революции. Я побывал в Смольном,

где находился штаб большевиков и откуда в 1917 году Ленин руководил революционными событиями, которые изменили картину мира. Ходил на экскурсию по местам, связанным с жизнью Пушкина в Петербурге, видел место его дуэли. Зашел в гостиницу Астория, в которой трагически оборвалась жизнь Есенина. Несмотря на холодную ленинградскую зиму, я часами гулял по городу, не раз прошел по знаменитому Невскому проспекту из конца в конец, проходил по мостам, осматривал памятники архитектуры. Мне посчастливилось купить билет в Государственный театр оперы и балета им. Кирова и послушать оперу Александра П. Бородина «Князь Игорь». Еще в те дни один из самых выдающихся теноров Лемешев был на гастролях в Ленинграде. Билеты на его концерт были проданы заранее. Перед театром толпилось много народа, несколько сотен человек спрашивали лишний билет, не теряя надежду купить его, хотя бы и у спекулянтов по завышенной цене. Я стоял перед театром целый час, спрашивая у проходивших лишний билет, и мне повезло, я купил билет перед самым началом концерта и вошел в Драматический театр им. Пушкина, где проходил концерт.

Много раз после этого первого посещения города на Неве я приезжал сюда, и каждый раз был очарован его красотой и величием. Мне думается, что именно в этом городе, как нигде

больше, представлена мощь и непобедимость русского народа, его неизмеримая любовь и преданность в отношении к своей родине. В Ленинграде я познакомился с выдающимися достижениями культуры и искусства; меня переполняло чувство гордости, потому что я принадлежу тому великому древу славян, которое подарило человечеству Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Негоша и многих других прославленных людей, без которых человечество было намного беднее. Я понял, почему Святой Петар Цетиньский так восхищался Россией и в своем завещании говорил о проклятии тем черногорцам, которые отрекутся от союза с ней.

Помимо того, что город поражает своей красотой, шедеврами культуры и искусства, гость Ленинграда не может остаться равнодушным к его жителям, которые проявляют радушное гостеприимство, обходительны в общении, очень культурные люди, и это можно почувствовать на каждом шагу, и это то, что заметно отличает Ленинград от других русских городов.

Антонина Эдуардовна очень хвалила мне одну девушку, которая жила по соседству на одной с нами улице, и предложила мне познакомиться с ней. Она была преподавателем английского языка, звали ее Ира. Я видел ее несколько раз, но у меня не было случая, точнее сказать, смелости, чтобы подойти к ней и заговорить. Как женщина опытная, Антонина

пригласила Иру на чай и, как бы случайно, пришел я, так мы познакомились. Несколько месяцев мы встречались, пытались как-то сблизиться и преодолеть некую невидимую преграду между нами, но напрасно, у нас не получалось. Проще говоря, между нами не возникло той теплоты, которую мы ищем, не было любви. Так мы с Ирой расстались. Это произошло накануне Первого мая, всенародного праздника трудящихся, который в России отмечали два дня.

Весна была в разгаре. В субботу был второй праздничный день. Я один. Решил пойти в театр. Драматический театр города Сызрань имел в своем репертуаре русскую классику и современные произведения послевоенной советской драматургии. Часто гастролировал театр из Куйбышева. Мы с Ирой несколько раз были в этом театре, а однажды даже ездили в Куйбышев и в оперном театре слушали оперу Чайковского «Евгений Онегин». Без преувеличения можно сказать, что не в одной стране мира нет столько театров и такой публики, которая так любит, ценит и знает театральное искусство. Несмотря на железный занавес и тогдашние идеологические и политические установки, в театрах по всей стране ставили произведения западных классиков. Интересно отметить, что наш Бранислав Нушич в Советском Союзе был очень популярен; часто делали постановку его произведения «Госпожа министерша».

Выход в театр второго мая 1952 года был для меня судьбоносным моментом, в этот день я встретил Нину Александровну Соловьеву, и с той поры мы, уже без малого пятьдесят лет, вместе. Мы стали супругами и живем неразлучно

в кругу своей семьи. Мы вместе вспоминаем подробности нашей первой встречи: Нина и я пошли в театр одни; у меня было предчувствие, что я встречу здесь девушку моей жизни; и у нее было чувство, что она в этот вечер встретит своего принца. На Нине было длинное темное платье с кружевным белым воротником, у нее были красивые длинные волосы цвета каштана, стройная фигура, элегантная походка, своим внешним видом и манерами она выделялась среди других. Я - в офицерском мундире с эполетами, в брюках темного цвета. Мы смотрели «Три сестры» Чехова.

Еще до начала спектакля мы несколько раз встретились взглядами, и это было предзнаменованием нашего знакомства. Когда опустился занавес после первого акта, я поспешил найти ее, подошел к ней, мы обменялись впечатлениями о постановке. После второго и третьего акта мы продолжили разговор; мы познакомились, и когда спектакль закончился, я проводил ее до дома. После той первой встречи мы почти каждый день встречались, как только у нас появлялась возможность. Между нами зародилась самая настоящая любовь.

Неожиданно, где-то в первой половине мая, пришел приказ нашему полку покинуть Сызрань. Я написал заявление и получил отпуск для сдачи выпускных экзаменов. Хорошо помню те счастливые дни в конце мая, начале июня. Я сдавал экзамены и встречался с Ниной. В конце мая я заболел ангиной и лежал несколько дней в постели. Я был не один, за мной ухаживали Антонина Эдуардовна и Нина Александровна. Два месяца нашей дружбы с Ниной пролетели, как

один день. В конце июня я должен был ехать в Татищево. Это было новое и последнее место моей службы в Советском Союзе. На этот раз расставание не было обычным, я точно знал, что вернусь, что пришел конец моему холостяцкому существованию, и что моя дальнейшая жизнь связана с Ниной.

ТАТИЩЕВО, 1952-1957

Районный центр Татищево находится в сорока километрах к северо-западу от Саратова. Это небольшой городок, где не было промышленных предприятий; большинство домов - деревянные; была больница, санитарные учреждения, начальная и средняя школа; кинотеатр, дом культуры, библиотека, в административных зданиях располагались суд, городская и районная власть, комитет ВКП (б) и объекты коммунального назначения. Основным занятием жителей района было сельское хозяйство; в окрестностях было много колхозов и совхозов, которые занимались выращиванием зерновых культур, а также садоводством и овощеводством. Через Татищево проходит железная дорога, связывающая Саратов с Москвой. Недалеко находился военный полигон и место расположения летних лагерей Приволжского военного округа.

Наш полк со своим личным составом и всей военной техникой в конце мая прибыл в Татищево и расположился в палатках в чистом поле. Был дан приказ немедленно приступить к постройке казармы, жилых домов, склада, гаража и всех остальных объектов для длительного размещения нашей части.

Строительство всего комплекса сооружений должно быть завершено до наступления зимы, это значит до конца октября месяца. Когда я приехал в Татищево, работы по возведению

казармы шли полным ходом; командир полка поставил меня командовать батареей и доверил мне с моим подразделением строительство двухэтажного жилого дома для офицерского состава. В батарее у нас был один строитель. Это - командир орудия, сержант Йонсон, родом из Риги, столицы Латвии. Он был дисциплинированным и профессиональным солдатом. Это же можно сказать и о других военнослужащих из прибалтийских республик. Йонсону я доверил профессиональное руководство строительными работами. Сам я занимался организацией работ, приобретением и доставкой материалов и т.п. За время этих работ я приобрел полезный опыт, который мне пригодился впоследствии при строительстве моего нынешнего дома в Будве. Наше подразделение в установленные сроки успешно завершила работы по строительству жилого дома. Мы получили благодарность от руководства.

Где и как я жил в Татищеве? Первые месяцы, до сентября, я жил в частном секторе, в старом деревянном одноэтажном доме, в маленькой комнатке без отдельного входа. В комнате была узкая железная кровать, шкаф и небольшой стол. Хозяйка – пенсионерка, одинокая женщина.

Она готовила для меня завтрак, обычно вареные яйца или яичницу из яиц от своих кур, простоквашу и творог, которые готовила сама, так как держала корову. От поселка до работы я шел пешком примерно двадцать минут.

Ничего лучше я не мог найти; на служебное жилье я не мог рассчитывать, так как я не был женат, а такое жилье предоставляется семейным офицерам.

Когда я приехал в Татищево, поведал своим друзьям и руководителям, что у меня есть девушка, на которой я собираюсь жениться. Все были удивлены, так как считали меня заядлым холостяком, который не выказывал желания жениться. Но я, действительно, влюбился в Нину Александровну. И она полюбила меня. Наша любовь должна связать нас браком.

Могу ли я, по прошествии стольких лет, передать те чувства, которые были тогда, описать все события, вспомнить детали, и, в некотором смысле, оживить то время? Надо сказать, что все эти годы мы отмечали день нашего знакомства, день свадьбы, наши дни рождения и дни рождения наших сыновей, вспоминали былые годы и события, и хранили наши воспоминания. Но, этого всего было бы недостаточно, если бы Нина Александровна не сохранила наши письма того времени и альбом с фотографиями. Она достала из комода письма и дала их мне. Я взял пожелтевшие конверты и спустя столько лет стал перечитывать наши письма, которые оживили мои воспоминания.

Тысяча девятьсот пятьдесят второй год был наполнен событиями, которые существенно повлияли на мою дальнейшую жизнь. Я познакомился с Ниной Александровной Соловьевой и полюбил ее. Мы поженились. Я стал студентом, поступив на заочное отделение исторического факультета Саратовского государственного университета им. Чернышевского. Получил повышение по службе. Стал членом Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Как, когда и где мы познакомились с Ниной, об этом я уже рассказал. Расскажу еще о том, как мы поженились. Перед

Колокольня Ивана Великого в Кремле

моим отъездом из Сызрани мы изъявили свое желание подтвердить нашу любовь браком; и только через четыре месяца, в ноябре 1952 года мы осуществили наше желание. В это время Нина ездила в отпуск в Зеленогорск под Ленинградом, вернувшись, она продолжала

работать Санитарном учреждении в Сызрани. Я в это время работал, готовился к экзаменам, старался создать условия для нашей будущей совместной жизни. Важнее всего было найти подходящее рабочее место для Нины и обеспечить хотя бы минимальные жилищные условия.

Нина по профессии была врач-эпидемиолог и работала в системе здравоохранения железнодорожного управления Куйбышевской области. Прежде, чем увольняться с работы, надо было найти новое место в Татищеве, так как в России было тогда очень важно иметь непрерывный стаж. Распределение кадров в Советском Союзе проводилось административным путем, и не могло быть такого, что кто-то не будет устроен на работу. Право на труд было записано в Конституции, и это последовательно выполнялось, поэтому в то время в стране не было безработных. Однако в Татищеве найти работу по специальности было не просто. По договоренности с Ниной я обошел соответствующие

государственные учреждения здравоохранения в Саратове и Татищеве в поисках работы для нее. Меня встречали с пониманием и готовностью помочь решить вопрос трудоустройства. Проще было получить работу в Саратове, но это бы значило, что мы будем жить врозь. В конце концов, решением министерства здравоохранения Нина была назначена на должность руководителя Санитарно-эпидемиологической станции в Татищеве. Так был решен вопрос ее переезда. В полку мне помогли решить вопрос с жильем, выделив отдельную комнату с кухней в семейном общежитии, которое находилось недалеко от моей службы, на берегу небольшой реки

Пока мы были разлучены, договорились писать друг другу хотя бы раз в неделю. Это были искренние письма, наполненные верой в нашу любовь и нашу будущую совместную жизнь. В письмах мы находили утешение, они помогали нам пережить разлуку.

Третьего августа 1952 года мне исполнилось двадцать пять лет; мне было одиноко; мне захотелось поделиться своими размышлениями с близким человеком. Я написал письмо Нине, и мне стало легче на душе. Вот несколько строк из этого письма: «Сегодня мой день рождения, мне исполняется двадцать пять лет, четверть века позади. Позади счастливое, беззаботное детство, прошло жизнерадостное, храброе отрочество, проходят лучшие годы моей молодости. Как бы мне хотелось отметить этот день, как полагается, в кругу родных и близких людей, однако это невозможно. Но я верю, что придет время, когда мое желание исполнится. Я

представляю, как проходит сегодняшний день у меня дома. Мама с беспокойством думает обо мне, жив ли я. Мысленно она шлет мне тысячи самых добрых пожеланий и не теряет надежду на то, что придет день, когда она снова сможет обнять своего любимого, долгожданного сына.

Моя любовь к родному дому и к Родине глубокая и безграничная, интересы моей Родины для меня важнее и превыше всего. Так было все мои двадцать пять лет, так будет и дальше, до конца. Бурно прошли эти годы, столько трудностей, невзгод и страданий пришлось пережить. Все, что произошло со мной за это время, подчас трудно себе представить. Было много и счастья, и радости. Сейчас я чувствую себя счастливым, передо мной открыты широкие перспективы, будущее видится счастливым и светлым».

Подошел ноябрь 1952 года, месяц празднования большого юбилея – тридцать пять лет Октябрьской социалистической революции. По моей просьбе я получил краткосрочный отпуск, чтобы поехать в Сызрань и жениться на Нине. По дороге я заехал в Саратов, чтобы забрать мой первый в жизни гражданский костюм, сшитый для меня. По всем предписанным правилам, советские офицеры имели право носить гражданскую одежду, находясь вне службы. Собираясь жениться, я поехал в Сызрань в гражданском костюме. По действовавшему закону документы для заключения брака надо было подать за три дня до самого акта бракосочетания. Мы подали документы шестого ноября, а в первый рабочий день после праздника, девятого ноября состоялось наше бракосочетание.

Заклучение брака проходило в отдельном помещении в ЗАГСе (отдел регистрации) по установленной законом процедуре. Мои родные были далеко, у меня не было возможности поделиться с ними моей радостью. По радио звучала песня, которая напомнила мне о маме и моем родном доме: *Mamma sono tanto felice perche ritorno da te...* Уже наавтра 10 ноября я должен был вернуться в полк, где меня ждали мои служебные обязанности. В этот раз разлука была недолгой, в начале декабря я встретил Нину на вокзале в Татищеве. В тот день был сильный снегопад и метель, мы с Ниной в сопровождении двух моих солдат с трудом добрались до дома. Так начиналась наша семейная жизнь.

Как и обещала в письмах, что будет заниматься бытом и вести домашнее хозяйство, Нина сразу же начала заниматься домом, как только приехала. С того времени и до сегодняшнего дня она была и остается хорошей хозяйкой. У нас всегда всего было в достатке. На средства, которые зарабатывали своим трудом, мы всегда жили хорошо. Как у офицера у меня была хорошая зарплата, Нина сразу же вышла на работу, ее зарплата тоже была приличной, и мы часть денег откладывали впрок, так как тогда их особо не на что было тратить. Когда я об этом говорю, то имею в виду экономическую ситуацию, которая господствовала в то время в стране. Существовал дефицит продуктовых и промышленных товаров. У миллиона советских граждан были тяжелые жилищные условия. Но все это стойчески воспринимали в надежде на светлое коммунистическое будущее. Люди верили, что автра будет лучше, что строится новое общество,

они знали, что необходимо восстано-
вить разрушенную
в войне страну, что
необходимо обеспе-
чить оборону стра-
ны от империали-
стических сил, что
следует исполнять
интернациональный

долг по отношению к пролетарскому движению и помогать странам социалистического лагеря. Народ верил и поддерживал советскую власть, партию и Сталина. Народ любил свою армию, верил в ее мощь и способность защитить от неприятеля.

Переезд в Татищево помог мне осуществить свое намерение поступить на обучение в Саратовский государственный университет. У меня были сомнения при выборе факультета – юридический или исторический. В начале июля я поехал в Саратов, чтобы разузнать все об условиях приема.

В университете не было юридического факультета, право изучали в отдельном вузе – юридическом институте. Для поступления на заочное обучение офицеру требовалось разрешение от высших военных властей. Я не был уверен, что смогу получить разрешение до начала вступительных экзаменов, поэтому отказался от юриспруденции. Для поступления на исторический факультет университета не требовалось согласие высших военных властей, и я решил

поступать на исторический. Мне нравилось, что как заочный студент я должен буду посещать лекции и семинары. Условия поступления были строгими, кандидатов было много, и конкурс был высокий. Приемные экзамены состояли из письменной работы на заданную тему и устных экзаменов по истории, географии, литературе, английскому языку (все по программе школы). Я набрал литературы и стал готовиться к экзаменам. Больше всего я беспокоился за письменное задание из-за того, что нельзя было превысить количество допустимых ошибок в правописании. В первых числах сентября 1952 года я четыре дня подряд ездил из Татищева в Саратов, успешно сдал все экзамены и стал студентом заочного отделения Саратовского государственного университета имени Чернышевского. Существовало предписание о том, что офицерам отдельных родов войск не выдается разрешение для заочного обучения на факультетах, которые не связаны с их специальностью. И я как артиллерист не мог получить официальное разрешение для обучения на историческом факультете. Это значило, что я не мог пользоваться существовавшими льготами для студентов – отпуск для сдачи экзаменов и оплаченный проезд. Правда, мои руководители отнеслись ко мне с пониманием; они ценили мои успехи по службе и желание продолжить образование; они не препятствовали мне, когда я сдавал экзамены и учился заочно, однако льготы для студентов заочников мне не полагались. Это было причиной, по которой я решил еще раз попробовать поступить в военную академию, на этот раз в Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Стимулом к

тому, чтобы поменять профессию, послужила Нина Александровна. Условия приема в академию были не простыми, но я надеялся преодолеть самое сложное для меня препятствие - медицинскую комиссию. Конкурс для приема кандидатов в 1953 году был расписан осенью 1952 года, я подал заявление, мое руководство дало согласие.

Два дня я провел в Саратове, проходил медосмотры и сдавал анализы, и получил одобрение всех специалистов. Только кардиолог записал, что у меня шумы в сердце, но состояние стабильное и я дееспособен. Председатель комиссии, все-таки, не пропустил такую формулировку и отказал мне. Я был настойчив, утверждая, что здоров, и меня направили в больницу на обследование, после которого должны были вынести окончательное решение. В больнице меня подвергли тщательным обследованиям, результаты были благоприятными, и мне разрешили сдавать вступительные экзамены в медицинскую академию.

Снова нужно было сесть за книги и готовиться к сдаче экзаменов по физике, химии, биологии, русскому языку и литературе. Я хорошо подготовился и сдал все экзамены на отлично; медицинская комиссия констатировала, что я здоров, оставалось дожидаться решения комиссии о моем приеме в академию. Меня пригласили на комиссию: похвалили меня за то, что я успешно сдал экзамены, но меня не приняли - преимущество имели кандидаты, которые были офицерами медицинской службы, так как их среди поступавших было больше, чем свободных мест. Поэтому нас, офицеров, имевших другие специальности, не приняли. Я

утешал себя тем, что уже успел поступить в университет и был готов продолжать обучение, чтобы по окончании университета оставить военную службу.

Но осуществить это было не так уж легко. В нашей части я считался одним из самых способных молодых офицеров, и этот статус требовал от меня большой отдачи и совершенствования в профессии. От этого зависело мое дальнейшее продвижение по службе. Прибавились еще семейные обязанности, и у меня не оставалось свободного времени. Возможность посещать занятия появлялась не всегда. Не каждый раз удавалось вовремя подготовиться и сдать экзамены. Однако, несмотря ни на что, я сумел окончить три курса.

Мои старания и труд не были напрасными. Когда я вернулся на родину, был лишен офицерского звания и в военном билете мне записали, что я стрелок в пехоте. Однако возможность продолжить обучение у меня осталась, в 1957 году я поступил на философский факультет университета в Белграде, где продолжил изучение истории, часть экзаменов, которые я сдавал в Саратове, мне засчитали. Я продолжил обучение, в 1959 году получил диплом и стал работать в Центральной национальной библиотеке Черногории в Цетинье. Тем самым я к своей великой радости, наконец, после пятнадцати лет службы, расстался с армией; офицер артиллерии стал библиотекарем; пушки сменил на книги; вместо солдат моими коллегами и сотрудниками стали библиотекари.

Я пытался найти в документах точную дату, когда меня приняли в партию, но не нашел. У меня остался записанный номер билета. Но письмо Нины, датированное 15

сентября 1952 года, напомнило мне, что это было в октябре. В этом письме она спрашивает: «Когда тебя можно будет поздравить с вступлением в члены ВКП (б)?» Я уже два года был кандида-

том в члены партии, секретарь полковой парторганизации вызвал меня к себе и сказал, что нужно подготовить документы для приема в партию. Процедура приема была такой же, как при приеме в кандидаты: я написал заявление, приложил подробную биографию, две рекомендации, и на собрании рассматривали мою кандидатуру, задавали вопросы о социальном происхождении и политических взглядах. Я был принят единогласно. Но поскольку я был югославом, решение, которое принимала парторганизация полка, должно было быть утверждено на уровне Окружной партийной комиссии. Нелегко мне было на том заседании; пять членов комиссии, все старшие офицеры, задавали разные вопросы, проверяли все факты биографии, и в конце председатель комиссии задал такой вопрос: «Вы сказали, что у Вас есть брат, офицер Югославской армии. Вы являетесь офицером Советской армии. Что Вы будете делать, если встретитесь с братом?» Это был верх испытаний, проверка моего идеологического и политического соответствия, преданности партии и готовности исполнить свой долг советского офицера.

В ту минуту все взгляды были устремлены на меня в ожидании ответа. Я не растерялся, мне не надо было притворяться или играть какую-то роль, - я твердо, искренно без тени сомнения ответил: «Мой брат Стеван, будучи юношей, вступил в ряды Народно-освободительной армии Югославии, боролся против фашистов в составе Первой пролетарской бригады, и во время войны стал офицером; я знаю, что до 1948 года он служил в армии в чине капитана; а дальше мне не известно, где он сейчас и служит ли еще в армии. Я как офицер Советской армии исполняю, и буду исполнять приказы моих командиров». Комиссия утвердила мою кандидатуру, и я стал членом Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). На 19-м съезде, состоявшемся в октябре 1952 года, ВКП (б) была переименована в Коммунистическую партию Советского Союза - КПСС.

Обстоятельства с тех пор сильно изменились, и я сегодня свободно пишу об этом, но двадцать пять лет тому назад моя история с членством в ВКП (б) дорого мне стоила. Я работал директором Культурного центра в Будве в 1972-1976 годах. В то время по оценкам общественности наша организация была самым выдающимся центром в республике. Были организованы югославские мероприятия - фестивали Игры Юга, Дни Музыки, была создана Галерея современного искусства, открыта Галерея Санта Мария, переоборудована и расширена библиотека, создана новая экспозиция музея, основано концертное агентство и Бюро изобразительного искусства, создан фольклорный ансамбль Каньош, стали издавать газету «Приморске новине», развивалась издательская деятельность.

Кроме того развивалось сотрудничество между городами и республиками Югославии, а также международное сотрудничество. Одним словом, Будва – туристическая столица Черногории - стала культурной столицей республики.

Признание приходило с разных сторон. Но все мои труды и творческие начинания в один прекрасный день были перечеркнуты, меня отстранили от работы и потребовали, чтобы я ушел в отставку с поста директора.

Главной причиной этого, как мне сообщили на заседании городского комитета в присутствии председателя и секретаря комитета, председателя общины и начальника управления внутренних дел Будвы, было то, что я не стал членом Союза коммунистов. Требование о моей отставке пришло из Титограда, представителей городского руководства ни о чем не спрашивали, и они не могли не выполнить решение, поступившее сверху. Перед этим мне еще сделали выговор за то, что я в Будве, вместе с видными поэтами страны, пытался запустить издание журнала югославской поэзии. Идеологическая комиссия ЦК Черногории квалифицировала это как акт пренебрежения к черногорской культуре. И все же, я думаю, что главной причиной моего отстранения был спор, который произошёл у меня с одним влиятельным членом Центрального комитета Союза коммунистов Черногории. Наш Культурный центр организовал выставку художника Ацо Приича, которую я открывал; после открытия выставки состоялся ужин, на который были приглашены представители Будвы и руководства Республики; мы выпили и после ужина несколько человек, среди которых был и член ЦК, пошли еще в ресторан Вал в

Пржно. За бокалом вина говорили долго, и как-то спонтанно получилось, что я откровенно рассказал компании то, что сейчас описываю: как в России меня принимали в партию. Мой рассказ вызвал негодование и осуждение члена ЦК; дошло и до резких слов. В то время шли чистки в партии. Меня уволили с занимаемой должности.

Продвижение по службе в рядах Советской армии было регламентировано в специальных предписаниях; главным критерием для продвижения был успех в руководстве и командовании подразделением. Для того, чтобы офицер получил очередное звание, он должен быть назначен на должность, соответствующую званию; так например, командир взвода был в звании младшего лейтенанта и лейтенанта, старший офицер в батарее имел звание старший лейтенант, а командир батареи – звание капитана. Я был командиром взвода в звании лейтенанта, а так как прошел курсы повышения квалификации и отличился по результатам проверки знаний, и мое подразделение было одним из лучших в полку, то я получил первое повышение по службе – назначен старшим офицером батареи, что по рангу означало - заместитель командира батареи. Это повышение означало присвоение звания старшего лейтенанта, и добавляло третью звездочку на эполетах. По офицерской традиции каждую новую звездочку надо было хорошо «обмыть» водкой, что мы с товарищами и сделали.

Наш первый Новый год, 1953-й, мы встречали с Ниной в Татищеве. Мы были молоды, счастливы и всем довольны. Нас несколько не смущало, что мы жили в маленькой комнатухе с кухней, скромно обставленной (кровать и шкаф привезла

Нина, а у меня было радио). Вскоре мы получили более просторную комнату в доме, который я строил со своими солдатами, для офицерского состава. Купили всю необходимую мебель. В трехкомнатной квартире

жили три офицерские семьи, кухня была общая, каждая семья на кухне имела свое место для приготовления еды. Топили дровами, туалета внутри здания не было, он находился отдельно на расстоянии двадцати метров, во дворе был барак, в котором были кладовые, куда складывали дрова и другие вещи, холодильников в то время не было, вместе с моими солдатами я выкопал погреб внутри барака, здесь зимой держали зимние запасы продуктов. Каждый год осенью делались заготовки на зиму: картошка, квашеная капуста в деревянной бочке, соленья из огурцов, помидоров, морковь, свекла, лук, из фруктов – яблоки; мясо, которого в магазине не было, и мы покупали на рынке, замораживали на холоде и держали на улице. Летом в погребе хранили скоропортящиеся продукты: сметану, сыр, сушеное мясо и др. Рядом с домом был небольшой огород, где мы выращивали лук, огурцы, помидоры, петрушку, салат и клубнику. У нас все хорошо росло, все шло на пользу, и мы с любовью занимались огородом.

Рассказывая о нашей жизни в коммунальной квартире, я вспомнил один анекдот о Хрущеве, который рассказывали

после его визита вместе с Булганиным в Англию. Гуляя по улицам Лондона, Хрущев захотел посмотреть, как живет средняя английская семья; зашли в один дом, и хозяйка стала показывать квартиру: спальню, детскую, гостиную, кухню и столовую, и спросила, как обстоит дело с жильем в его стране. Хрущев ответил лаконично: у нас все то же самое, только в одной комнате. Неизмеримую радость принес нам тысяча девятьсот пятьдесят третий год – родился наш первенец, сын Милорад. В благословенном положении Нина чувствовала себя очень хорошо и продолжала работать до родов. В тот день шестого ноября она почувствовала начало схваток; и хотя в Татищеве был небольшой роддом, мы еще заранее договорились, что рожать она будет в Саратовском роддоме, на Волге. Мы сразу поехали на машине до вокзала, нам выделили отдельное купе, и около восьми утра поезд тронулся. Это был пригородный поезд, который несколько раз в день ходил по данному маршруту, делая множество остановок по пути следования; расстояние в пятьдесят километров он преодолевал примерно за два часа; народ его за это в шутку называл «стрела». Я много раз ездил на этом поезде и обычно успевал хорошо поспать в дороге. Но ту поездку в Саратов, шестого ноября, я никогда не забуду: в купе Нина испытывала боли; я не могу ей помочь, думаю, что делать, если роды начнутся в дороге; вспоминаю рассказ Горького, в котором он описывает, как помог женщине при родах. Успокаиваю Нину, уговариваю ее потерпеть еще немного, говорю, что скоро уже приедем. А «стрела» не обращает внимания на мое беспокойство, локомотив дымит, слышится шум двигателя, а Саратова еще не

видно. Пришла проводница, сказала, где ее найти, если требуется. Наконец, прибыли в Саратов, где нас ждала машина скорой помощи. Нину поместили в родильный дом, а я остался ждать. Нина родила благополучно только в восемь вечера.

Нина очень хотела родить сына и, даже, была уверена, что у нее будет сын, я тоже надеялся, что будет сын, поэтому мы уже заранее договорились об имени, об имени для девочки мы не думали. Мы выбирали имя сыну из имен, которые бытуют на моей родине, чтобы, когда он вырастет, это имя напоминало ему о родине отца. В то время, когда он родился, я уже окончательно потерял надежду когда-нибудь вернуться на мою родину.

Из множества имен, которые я называл, Нина выбрала имя Милорад; как только он родился, мы ему дали это имя, мы называли его ласково Радик. Сохранились три письма, которые я передал Нине через медсестер в роддоме, и ее ответ мне, который она написала на следующий день после родов. В этих письмах отражены наши взаимоотношения, преданность, забота и счастье, которое мы испытывали благодаря рождению Радика.

Ноябрь для нас счастливый месяц: 6-го ноября 1953 года в Саратове, накануне праздника Октябрьской революции и Митровдана, нашей славы, через год после нашей свадьбы, родился Радик; 19-го ноября 1965 года в Белграде, в День Советской артиллерии, родился наш второй сын Владимир, вершина нашего семейного счастья.

По рекомендации врача, мне должны были оперировать миндалины, который были причиной моих частых ангин.

В Саратовском военном госпитале меня направили в отделение, которым руководила врач-специалист, подполковник Вера Абрамовна, еврейка по национальности; мы были знакомы, я уже раньше был ее пациентом. В то время в Советском Союзе проходило дело врачей Кремлевской больницы. В газете «Правда» появилась статья «Убийцы в белых халатах»; были названы имена врачей, обвиняемых в том, что они неправильным лечением умышленно убивали высоких политиков; помню, что речь шла о том, что пострадали Димитров и Циденбал, что неправильно лечили Жданова и Щербакова и некоторых высокопоставленных военных. Осужденные врачи по национальности были евреями, и это послужило тому, что в стране стал возрождаться антисемитизм. Не секрет, что в СССР, особенно среди русских, существовало неприятие евреев, которое было унаследовано из царской России, в которой случались и еврейские погромы. В Октябрьской революции и социалистическом строительстве евреям принадлежит заметное место: несколько ведущих руководителей и идеологов революции, среди которых Троцкий, Бухарин, Зиновьев и другие, принадлежат к самой верхушке коммунистической элиты Советского Союза; в общественных, естественных и прикладных науках, искусстве, музыке, кинематографии, литературе, шахматах и других областях евреи внесли большой вклад в развитие страны и ее признание в мире. В СССР насчитывалось около трех миллионов евреев; Сталин дал им автономную область на Дальнем Востоке, в Хабаровском крае. Столицей автономии был город Биробиджан, в области проживало двести

пятьдесят тысяч человек. В армии в период моей службы я не встретил ни одного солдата еврейской национальности; офицеры евреи служили в армии, это были военные врачи и интенданты; служили они и в штабах, а также в инженерных подразделениях. У меня был друг, капитан Трошин, мы вместе сдавали приемные экзамены в Артиллерийскую академию в Москве, его не приняли, мандатная комиссия отвела его кандидатуру. Вспоминается один эпизод в Костроме: я был дежурным курсантом, во время послеобеденного отдыха вышел в солдатскую уборную, которая находилась на улице. Был сильный мороз, моча замерзала, не дойдя до земли, в уборной какой-то человек ломом колот лед, чистил помещение. У него была длинная борода и усы, побелевшие от инея. Я спросил его, откуда он, и что его заставляет заниматься такой работой. «Судьба у меня такая. Я единственный еврей на всем белом свете, у которого такая работа», - ответил он.

Обвинения против ведущих врачей в Москве не остались незамеченными и в военном госпитале в Саратове, где мне должны были делать операцию. Начальница, Вера Абрамовна, в такой ситуации отказалась мне делать операцию, опасаясь каких-либо осложнений и возможной ответственности за неудачу; меня направили в клинику медицинского института и там сделали операцию; через десять дней меня выписали и отправили домой. С тех пор и до сего дня все мои неприятности с горлом прекратились.

Прошло немного времени, и оказалось, что обвинения врачей евреев были бездоказательными. Афера была

сфабрикована, чтобы скомпрометировать этот народ. Это было еще одно из множества ложных обвинений против советских граждан, которые организовывала советская служба госбезопасности под руководством Берии.

Неожиданно весть о смерти Сталина 5 марта 1953 года глубоко потрясла граждан Советского Союза. Казалось, что все верили, что он бессмертен, непогрешим, что без него страна не может существовать. Люди спрашивали друг друга, как же дальше, без Сталина. Это было понятно: во всех сферах общественно-политической, экономической, хозяйственной, научной, культурной, спортивной жизни доминировало видение Сталина. Все было связано с его именем. Рабочие и крестьяне клялись ему перевыполнять пятилетние планы развития страны. Писатели писали о нем романы, поэты посвящали Сталину стихи. Композиторы сочиняли кантаты и другие музыкальные произведения. Художники писали его портреты, скульпторы ваяли его бюсты и памятники. Историография и публицистика были ангажированы для возвеличивания его заслуг. Сталин считался главным идеологом мирового коммунистического и пролетарского движения, а также продолжателем учения Маркса, Энгельса и Ленина. Его главные произведения: «История ВКП (б)», изданная сотысячным тиражом и переведенная на многие иностранные языки, его слово в общественных науках было решающим, брошюра «Вопросы экономики» определяла главные направления и методы развития экономики социализма, и от них нельзя было отступить ни на йоту, а также известное исследование

«Вопросы языкознания, теоретические основы развития языка» с острой критикой известного лингвиста Мара. Бесспорно, Сталин был великим стилистом, и сложные философские и социальные темы излагал ясным языком, понятным широкой аудитории.

Сталин представал как стратег победы в Великой Отечественной войне, как творец военной доктрины Красной армии, бессменный лидер международного рабочего движения на мировой политической сцене. Великая скорбь овладела всей страной. Тысячи и тысячи советских граждан прошли у его смертного одра, отдавая последнюю дань своему учителю и вождю. После смерти Ленина это были самые грандиозные похороны в первой стране социализма. У меня в памяти остался тот холодный день девятого марта, день похорон: полк выстроился на плацу, все были охвачены горем утраты и беспокойством, что будет после Сталина. Слушали трансляцию из Москвы, где проходили похороны: говорили Хрущев, Маленков, Молотов и Берия; все подчеркивали великие заслуги Сталина, провозглашали единство партии и народа, клялись, что будут верны идеям Сталина. На меня больше всего произвела впечатление речь Молотова. Тело Сталина было бальзамировано, и похоронено на Красной площади в Мавзолее рядом с Лениным. В первый же свой приезд в Москву я воспользовался возможностью, и отстояв несколько часов в очереди в Мавзолей, поклонился Ленину и Сталину.

Смерть Сталина стала переломным событием в дальнейшем развитии страны: Маленков был избран председателем

правительства, а Берия, Молотов, Каганович и Микоян его заместителями; у сентября Центральный комитет КПСС избрал Хрущева первым секретарем партии, а Булганин стал министром обороны. Последовавшие годы принесли существенные изменения в стране, которые не заставили себя долго ждать. В середине 1953 года был арестован всемогущий Берия, представ перед военным трибуналом.

Как член партии я имел возможность участвовать в собрании партийного актива, на котором зачитывалось обвинение. Были приведены многочисленные чудовищные преступления и злодеяния в отношении советских граждан, против государства и партии человека, который долгие годы возглавлял НКВД, и его помощников. Трибунал под руководством маршала Конева в конце года вынес обвинение, Берия и его помощники были осуждены на смертную казнь, и приговор был незамедлительно приведен в исполнение.

В начале 1954 года в Югославии состоялся Третий пленум ЦК СКЮ, посвященный разбору случая Джиласа. Находясь в России, я об этом ничего не знал. Но однажды вечером, слушая радио, случайно поймал волну, на которой шла передача из Белграда. Я уменьшил звук, чтобы соседи не услышали, и стал слушать передачу о Джиласе. Признаюсь, я был в полном недоумении: неужели возможно, что ревизионистская Югославия Тито осуждает одного из ведущих партийных и государственных руководителей за анархистско-либералистические взгляды и отход от марксистских позиций в построении социалистического общества,

- задавал я сам себе вопрос. Это было первый раз, когда у меня стали появляться сомнения в справедливости обвинений в адрес партийного и государственного руководства Югославии.

В те годы в Советской армии происходили изменения, касающиеся обучения и вооружения. Была принята новая концепция ведения военных действий, которая подразумевала применение атомного оружия в наступательных и оборонительных целях. Была испытана атомная бомба. На строго секретном совещании офицерского состава нам показали фильм о разрушительном действии атомной бомбы мощностью 20.000 тонн тротила, приблизительно такой же, какую американцы сбросили на Хиросиму.

Фильм был снят на одном из советских атомных полигонов, в нем показано, какое воздействие производит взрыв атомной бомбы на все виды вооружений, на укрепления и постройки, и на живые силы, которые находятся на разном расстоянии от эпицентра взрыва. Фильм произвел на нас устрашающее и угнетающее впечатление. Возникал вопрос, существуют ли способы защиты, не теряет ли свое значение классическая система организации армии и конвенциональное оружие в возможном будущем военном столкновении, возможно ли создать успешную противоядерную оборону для армии и гражданского населения. На эти и другие вопросы ответ дала советская военная наука: началось практическое обучение всех родов войск по взаимодействию в условиях применения атомного оружия; будучи офицером, я проводил ежедневные занятия

по обучению солдат своего подразделения по новой программе. Для солдат была издана специальная брошюра, в которой давались указания, как следует действовать в случае атомной атаки. Офицеры проходили специальные курсы повышения квалификации. Во все части поступило противоядерное оборудование, счетчики для измерения радиации, оборудование для обезвреживания радиационного заражения. Во время военных учений, все, от взвода до крупных военных подразделений, обучались тому, как надо применять средства защиты в условиях ядерного нападения. Особое внимание уделяли психологической работе по преодолению страха от ядерного оружия, который присутствовал в армии и в обществе. Была задействована комплексная система гражданской обороны на предприятиях, в образовательных учреждениях, в учреждениях культуры, органах управления, коммунальных и медицинских учреждениях. Шло обучение населения, как себя вести в случае военной опасности и применения атомного оружия. Началось строительство атомных бомбоубежищ, предпринимались другие меры противоядерной защиты. Все это происходило в условиях сложной международной ситуации, когда мир был разделен железным занавесом, и когда существовала реальная опасность начала новой мировой войны. В те годы родилась теория отражения удара. На базе стремительно и мощного развития советской науки и военной техники появилась возможность создания межконтинентальных баллистических ракет с атомными боеголовками, которые могли достичь любой точки

земного шара. Стало ясно, что Соединенные Штаты Америки, крупнейшая атомная и военная сила запада, не защищена от советских ракет.

Западной Европе, особенно Германии, Хрущев дал понять, что в случае войны они станут первыми, кто подвергнется удару советских ракет и сгорит, как свечка.

Достижения советской науки, обеспечившие обороноспособность страны, имели также решающее значение в деле сохранения мира во всем мире. Но трата огромных средств на вооружение легла тяжелым бременем на граждан страны. Несмотря на то, что наблюдался рост благосостояния народа, во многом все еще шло оскудение.

Из того времени мне вспомнились наши незрелые разговоры и безумные размышления на тему использования атомной бомбы. В идеологической и политической литературе в Советском Союзе Ватикан описывали как центр антикоммунистической пропаганды, направленной против СССР, как место, откуда планируется и финансируется подрывная деятельность, откуда идет все зло на нашем свете. Как-то группа младших офицеров, среди которых был и я, после лекции на тему атомного оружия, пошла в кафе. Пили водку и размышляли на тему, какие меры нужно предпринять для победы социализма во всем мире. Кто-то предложил, что было бы лучше всего сбросить атомную бомбу на Ватикан и навсегда уничтожить этот мировой опиум для народа. Я вспомнил те разговоры, когда пятнадцать лет спустя первый раз вместе с супругой и сыном посетил это святилище. Мы увидели Собор св.

У памятника
Петру Великому

Петра, Сикстинскую капеллу, расписанную Микеланджело, произведения Рафаэля, музеи Ватикана, архив, множество шедевров эпохи итальянского возрождения, являющихся всемирным достоянием. Тогда я почувствовал глубокий стыд перед самим собой за то, что когда-то участвовал в разговоре на тему уничтожения этого явления.

В пятидесятых годах происходила модернизация стрелкового оружия Советской армии. Появился знаменитый автомат Калашникова, который завоевал весь мир и по сей день является одним из лучших вариантов полуавтоматического оружия. Появилась новое полуавтоматическое ружье М-72, новый пулемет и пистолет все одинакового калибра. Такое новшество – одинаковые патроны для всех видов стрелкового оружия, в то время было уникальным и давало Советской армии большое преимущество.

Новое стрелковое оружие в течение нескольких лет было под грифом секретно, особенно это касалось боеприпасов. На стрельбах велся строгий учет боеприпасов; командир должен был вернуть точное количество гильз, в случае недостачи хотя бы одной гильзы он должен отвечать

головой. Чтобы такого не случилось, за солдатом, который стрелял, стоял другой солдат, который собирал стреляные гильзы в шапку. Я был большим любителем стрельбы, стрелял отлично, участвовал в соревнованиях и занимал первые места в разных дисциплинах, все знали, что мое подразделение всегда одно из лучших. Я регулярно проверял состояние стрелкового оружия моих солдат. Однако для нас, артиллеристов, главным оружием были пушки, наша боевая подготовка была связана со стрельбами из орудий, мерилom успеха подразделения была стрельба из пушек. Наш полк принадлежал к ряду корпусной артиллерии и состоял из трех дивизионов; в каждом дивизионе было по три батареи, которые имели по четыре орудия; кроме того, в составе полка был разведывательный дивизион, который обеспечивал логистику. На вооружении у нас были исключительные орудия: гаубицы калибра 152 мм; пушки калибра 122 мм и новейшие модели пушек калибра 100 мм. Мой командир батареи, которого я сменил на его посту, когда он вышел на пенсию, майор Толстой – ветеран Отечественной войны, грудь увешана орденами за боевые заслуги. Хотя, он был моим руководителем, у нас были дружеские отношения, он мне доверял и делился своими полномочиями по командованию нашим подразделением. У Толстого был один недостаток, приобретенный за годы войны, он много сквернословил, ругался нецензурными словами, когда надо и не надо. Для него ругательство было как междометие. Сам он сознавал свой недостаток, но у него никак не получалось отвыкнуть от

него. Он рассказывал, что однажды во время войны на похоронах погибшего товарища, он в своей прощальной речи сказал: «Погиб мой лучший друг, (а затем у него вырвалось – мать его). Я предложил ему, чтобы он платил по рублю как штраф за каждое свое ругательство. Я веду счет, а накопившуюся сумму вместе тратим на водку. Договор состоялся, а самый большой счет получился во время учебных стрельб. Я принимал его приказы с командного пункта по телефону и по радию, и не забывал считать, сколько раз он выругается. Эта мера оказалась успешной, он стал намного меньше сквернословить.

После смерти Сталина были амнистированы десятки тысяч заключенных. Среди них были молодые люди, которые во время войны как малолетние беспризорники, чьи отцы воевали и погибли на войне. Оставшись одни, они, чтобы выжить, промышляли кражей. Органы внутренних дел их отправляли в исправительные лагеря, которые были расположены в Сибири. Там эти подростки жили и работали в тяжелых условиях. Все амнистированные, кто не служил в армии, были направлены в военные части для прохождения обязательной военной службы сроком три года. В наш полк в качестве регулярного пополнения прибыло около ста таких новобранцев. В моем подразделении их было десять. С ними была сплошная мука. Это были русские парни, закаленные, никого и ничего не боялись. Они с трудом подчинялись воинским правилам, особенно трудно с ними было сержантам. Они затевали ссоры и драки в подразделении. Все же, вместе с замполитом нам удавалось в разговорах с

ними, выказывая понимание того, что им досталась непростая судьба, нам удалось настроить их на более уважительное отношение к приказам и к выполнению воинских обязанностей. Однако Королев и Арестов были исключением. Они были настоящими бунтовщиками и преступниками в самом прямом значении этого слова. Они держали в страхе солдат и сержантов, умели и офицерам навредить. Королев, мне помнится, был более спокойным, но при этом непредсказуемым, никогда не знаешь, что он может натворить. За один проступок я его на неделю посадил под арест, а он мне говорит: «Капитан, думаете, можете меня испугать арестом, Знаете, где я был и по каким тюрьмам сидел. Я ничего не боюсь». Королев закончил свою службу в армии по своему усмотрению: военная дисциплина была ему неважно, и он решил покончить с собой. В ту морозную зимнюю ночь шел снег, мое подразделение несло сторожевую службу, караул менялся каждые два часа, так как был сильный мороз. Королев нес ночной караул у орудия, был вооружен, имел боеприпасы. Я находился в комнате дежурного. Когда услышал выстрел, и следом еще один, я бросился на улицу вместе с моим помощником. Мы осторожно приблизились к месту, где находился пост, и увидели, что Королев лежит на земле около орудия. Он выстрелил себе в грудь, другой выстрел был для нас, чтобы мы услышали и подошли. Его оперировали. Он остался инвалидом. Его не судили, отпустили домой.

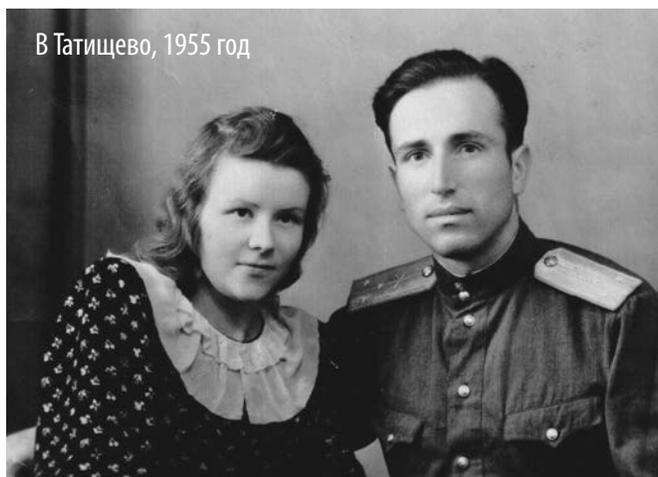
Судьба Арестова сложилась иначе. Он был неисправим. После множества нарушений и наказаний, в конце концов, он

предстал перед трибуналом и был отправлен туда, откуда пришел – в исправительный лагерь. С Арестовым у меня произошло серьезное физическое столкновение: он находился под арестом, кричал, выкрикивал ругательства в адрес власти, нападал на часового, и меня, как его командира, позвали его успокоить. Я взял с собой сержанта, и мы пошли в изолятор, я попробовал его утихомирить спокойно, но он попытался напасть на меня. Обороняясь, я вынул пистолет, ударил его и повалил на пол. Это стало прецедентом, офицер ударил солдата, а это строго запрещено и наказуемо по закону. Надо было за это отвечать! Была сформирована комиссия, которая установила, что я это сделал, обороняясь, и с меня сняли обвинение.

Приведу еще два показательных случая из моей офицерской жизни - оба связаны с солдатами из среднеазиатских советских республик Узбекистана и Таджикистана. Их было человек десять в моем подразделении. Многим из них было тяжело выдержать службу в армии в течение трех лет, и некоторые пытались так или иначе избежать службы или сократить срок службы.

Однажды утром я прибыл в батарею, и дежурный мне сообщил, что рядовой Мамедов, узбек по национальности, не может говорить, потерял дар речи. Это неприятное сообщение взволновало батарею: возникал вопрос, действительно ли это какое-то заболевание или речь идет о симуляции с целью быть признанным не годным к службе в армии и вернуться домой. Мы с замполитом, капитаном Шевченко, договорились, что не будем оповещать вышестоящее руководство, а попробуем решить проблему самостоятельно. Позвали Мамедова в

Ленинскую комнату, закрыли дверь и стали его допрашивать; нам было ясно, что солдат симулирует; мы по-хорошему его несколько раз просили перестать играть в молчанку, говорили, что не будем его нака-

зывать, но солдат не реагировал, притворился сумасшедшим. Запрещенным способом, с применением силы, мы заставили Мамедова заговорить. Он нам рассказал, что получил письмо из дома, в котором ему советовали таким образом избежать военной обязанности. Мы ему сказали, что не будем его наказывать, и посоветовали не разговаривать какое-то время, когда выйдет из комнаты. На этом дело закончилось.

Другой случай произошел с его соседом, таджиком по национальности, не помню его имени, для которого все закончилось так, как он совсем не ожидал. На посту часового, ночью, умышленно выстрелил себе в ногу. Оправдываясь, говорил, что случайно. Пуля ему повредила кость, и он остался инвалидом. Любое ранение, сделанное с целью избежать службы в армии, наказывалось по закону. Однако из-за того, что он остался инвалидом, его освободили от службы и отпустили домой.

Для моей офицерской службы 1955 год был очень успешным: меня назначили командиром первой батареи первого

дивизиона; я стал первым офицером среди своих сверстников, которого назначили на такую должность. Газета Приволжского военного округа «За родину» опубликовала большую статью обо мне и моем подразделении. Писали о наших успехах в учебной подготовке и приводили в пример мой личный успех в артиллерийских стрельбах: «...коммунист Лукетич всеми шестью снарядами точно поразил цель», речь шла о показательных стрельбах по движущимся мишеням. В том году я был награжден грамотой в полку за лучшие результаты моего подразделения. Для меня это было большой честью. Я командовал первой батареей в полку, на смотрах мы маршировали первыми, с песней, и выделялись среди других. На марше шли во главе колонны. Быть первым в жесткой конкуренции - нелегко. Однако без ложной скромности могу сказать, что моя батарея была лучшей в полку, а я как командир среди других командиров был первым и по знаниям, и по преданности делу, и по дисциплине, и по авторитету.

Социалистическое соревнование в Советском Союзе было введено на всех уровнях и во всех областях общественной жизни. Все было направлено на выполнение пятилетних планов, пятилеток, и на превышение показателей, утвержденных планом. Соревнование вдохновлялось подвигом шахтера Стаханова, который за свою рабочую смену успевал выдать значительно большее количество угля, чем было предусмотрено нормой. Он стал основателем стахановского движения, названного в его честь. Это всенародное соревнование организовала и им руководила КПСС. Это движение, основанное на марксистско-ленинской идеологии, должно было стать

альтернативой капиталистической свободной конкуренции с материальной заинтересованностью трудящихся. В армии также проводились соревнования, целью которых было поддержание боевого духа и готовности к обороне страны. В наземной артиллерии одним из самых распространенных и наиболее престижным было соревнование на звание лучшего командира батареи. Система соревнования была основана на отборе лучших командиров батарей в дивизионе, полку, корпусе и округе. Финал соревнований, в котором участвовали командиры лучших батарей, завершался объявлением наилучшего командира батареи и его подразделения. Комиссию, которая следила за соревнованиями и оценивала результаты, назначали в Министерстве обороны. Оценки выставлялись в очках, оценивали условия и организацию быта, дисциплину, идеологическую и политическую подготовку, обучение, содержание техники, стрельбу из стрелкового оружия на полигоне, проверяли знания сержантов, оценивали знания и работу офицеров. Особой проверке подвергался командир батареи лично, проверяли его профессиональные знания и умения в командовании вверенным ему подразделением. Завершающей и самой важной фазой соревнования было выполнение боевого задания. Проверяющая комиссия без предупреждения прибывала в полк, объявляла тревогу, и с этого момента отсчитывали время и проводили оценку: проверяли время прибытия офицерского состава и все действия вплоть до момента, когда батарея оказывалась в состоянии боевой готовности на месте, предусмотренном военным планом. До мелочей контролировали готовность солдат

и офицеров, проверяли военную технику, слаженность и быстроту действий сразу после объявления тревоги. Офицеры должны были взять с собой чемодан с точно установленным количеством и составом вещей (такой чемодан всегда был готов и находился у меня дома). Командиру вручали запечатанный конверт, в котором находилось боевое задание для подразделения. Вторая часть задания предполагала марш, в ходе которого надо было по карте найти и занять заданную позицию, прийти в состояние боевой готовности на данной позиции, что предполагало установление радио и телефонной связи между командным пунктом и позицией батареи (между ними обычно было пять-шесть км), надо было также окопать орудия. В ходе марша инсценировали неожиданное танковую и авиационную атаку, так проверялась готовность подразделения реагировать и действовать в такой ситуации. Третья, наиболее важная задача, на основании выполнения которой оценивали командира батареи, была связана с обнаружением целей и боевой стрельбой по неподвижным и движущимся целям. Ход соревнования я описал подробно, так как мне доводилось принимать участие в таких соревнованиях и получить наивысшую оценку как офицеру. На соревнованиях внутри первого дивизиона, в состав которого входила моя батарея, я занял первое место. На соревнованиях среди лучших батарей полка также был первым и получил право представлять полк на окружных соревнованиях командиров батарей.

В то время я командовал батареей, у которой на вооружении были пушки 100 мм, дальнобойность которых около

21 км, начальная скорость снаряда около 1100 м в секунду, ствол длиной около шести метров. Расчет орудия состоял из командира, наводчика и четверых солдат. Перевозили орудия с помощью мощных гусеничных транспортеров советского производства.

При подготовке к соревнованиям я пользовался значительной поддержкой со стороны командира дивизиона и командира полка; речь шла об их престиже в высших кругах артиллерии. Трудно описать, сколько усилий и времени мы с моими младшими офицерами посвятили подготовке к этим соревнованиям.

Необходимо было активизировать солдат и сержантов и добиться их полной готовности посвятить себя делу. При этом важно было, чтобы они не просто исполняли приказ, но также верили мне как командиру, ценили и уважали меня как командира и как человека. Большую поддержку в подготовке и в проведении соревнований оказывала партийная организация, для коммунистов это было важнейшей задачей. Но, несмотря на хорошую подготовку и старания личного состава батареи, успех зависел от меня, от моего умения руководить, способности правильно оценивать ситуацию и принимать оптимальные решения. И, разумеется, результаты боевой стрельбы были решающим фактором успеха. В условиях такой жесткой конкуренции я занял второе место. В Саратове перед строем генерал-лейтенант Владимиров вручил мне грамоту и ценный подарок – часы, которые вот уже пятьдесят пять лет работают исправно, напоминая мне давно минувшие времена. Мой успех принес мне внеочередное

повышение: в неполных двадцать девять лет я стал капитаном и добавил четвертую звездочку на погоны.

В нашей семье это было третье капитанское звание. Мой дядя Петар, будучи американским гражданином, во время Первой мировой войны получил звание капитана американской армии. После войны он был представителем Американского Красного креста в Черногории, и его стараниями была предоставлена значительная помощь бедным людям и детям-сиротам. Были выделены значительные средства на строительство гимназии в Подгорице. После окончания работы миссии он направил все имущество Красного креста на благотворительные цели. Сам остался жить на родине. Он был председателем Общины Будва в 1941 году. После освобождения стал вновь во главе города. Мой брат Стеван в национально-освободительной борьбе стал офицером. Был демобилизован в звании капитана Югославской народной армии. После войны окончил Академию художеств в Загребе и стал выдающимся скульптором. Я стал капитаном Советской армии. После демобилизации и возвращения на родину я работал библиотекарем, архивистом, стал старшим научным сотрудником, затем доктором наук. Так что никто из нас не дослужился в армии до звания выше капитана. Мама мне рассказывала, как во время жестких несогласий с СССР наш отец Лука, бывало, шутил: «У нас все хорошо. Есть Стево, капитан нашей армии. Если придут американцы, тут у нас Петар. А если русские придут, тут у нас и их офицер». К счастью для всех нас, эта его шутка о приходе чужой армии не стала правдой жизни.

Еще одно признание как успешный артиллерист и командир батареи я получил в 1956 году. В середине года в округе проходило испытание, связанное с использованием радиолокатора в артиллерии. Моя батарея была выбрана для проведения испытательных и показательных стрельб. На командном пункте присутствовали высшие офицеры во главе с командующим артиллерией округа генералом Щегловым. Образец радиолокатора был установлен на гусеничном транспортере и замаскирован на позициях, находящихся вблизи моего наблюдательного пункта. Корректировку артиллерийской стрельбы я совершал по данным радиолокатора, стрельба была успешной и получила положительную оценку. Еще один вид показательной стрельбы, стрельбу рикошетом, весьма сложный, но очень эффективный вид стрельбы по живой силе неприятеля, мы с моей батареей продемонстрировали успешно.

Из событий, происходивших в армии, я бы отметил один приказ Жукова, который он издал, будучи министром обороны. Этот приказ касался младших и старших офицеров. Во время своего официального визита в Индию Жуков обратил внимание на то, что индийские офицеры стройные и находятся в хорошей физической форме в отличие от многих советских офицеров, которые перестают заниматься спортом и полнеют. Последовал его приказ, чтобы все офицеры в течение лета, во время лагерных сборов, в шесть утра являлись на службу и полчаса занимались гимнастикой. Командир нашего полка Терещенко был спортивным человеком, занимался гимнастикой, и ему этот приказ был

Сын
Милорад

по душе. И мы в течение полугода вставали рано утром и под его командой занимались бегом и тренировкой на спортивных снарядах.

После рождения нашего сына Милорада к нам в Тащицево переехала Нинина мама, Евдокия Михайловна. Это была добрая, спокойная, интеллигентная женщина, преданная нашей семье. Настоящая няня, образы которых описаны в произведениях русских классиков.

Она занималась домом и во многом помогала нам растить и воспитывать сына. Для нас это было большой помощью, особенно, для моей супруги. У Нины было много работы. Медицинское учреждение, которым руководила Нина, занималось профилактической работой, кроме того, Нина работала как эпидемиолог, и была ответственна за целый район, что было связано с частыми поездками по окрестным селам. Можно сказать, что профилактическая работа в системе здравоохранения в Советском Союзе, особенно в отношении детей, была хорошо организована на всей территории страны. Эта работа была централизованной и обладала приоритетом в системе здравоохранения. Врачи и средний медицинский персонал, работавшие в этой сфере,

получали дополнительную оплату. В Татищеве, где находилась районная больница, Нина, будучи врачом-специалистом и руководителем, обладала заслуженным авторитетом в профессии и уважением среди людей. Благодаря ее стараниям работа учреждения была эффективной и заслужила признание общественности.

В свободное время, в выходные и праздничные дни мы находили себе разнообразные занятия. Я занимался фотографией, у меня была небольшая лаборатория, где я проявлял пленку и печатал фотоснимки. Я любил игру в шахматы. Иногда ходил на охоту и рыбалку. Но чаще всего я читал книги и учился. Зимой по воскресеньям мы ходили на лыжные прогулки и катали Радика на санках. Летом плавали и купались в реке. Нина находила время для вышивки. Мы любили ходить вместе в кино и смотреть новые фильмы. Нам нравилось ходить на танцы в Дом армии. Ходили в театр на гастрольные спектакли и на эстрадные концерты, а иногда ездили в Саратов на какую-нибудь премьеру в Саратовский театр. Мы часто ходили в гости и сами принимали у себя друзей, устраивали застолья. Мы хорошо зарабатывали, поэтому могли купить машину. Но это было трудно сделать, так как автомобилей не было в продаже. Производство легковых автомобилей для продажи гражданам было недостаточным, поэтому приходилось ждать в очереди по несколько лет. Мы решили купить мотоцикл советской марки Иж-350, сконструированный по типу немецкого мотоцикла ДКВ. Иметь мотоцикл было престижно в нашем окружении, мало кто в то время был владельцем мотоцикла или автомобиля. Я

получал удовольствие от вождения, любил быструю езду, ездил со скоростью более ста по проселочным, хорошо утрамбованным дорогам. Отвозил Нину на работу, Радика в детский сад. Ездили мы и в Саратов.

Во время отпуска мы все вместе поехали в Москву в гости к Нининому брату Василию и племяннику Ивану. Нас радушно встретили. Для нас это была счастливая возможность посмотреть Москву. Нельзя было не посетить Музей Ленина в центре Москвы, расположенный в красивом здании в непосредственной близости к Красной площади. Я был привержен ленинским идеям и хорошо знал его произведения. С волнением я разглядывал экспонаты, представленные в музее. Из музея я вышел под большим впечатлением, как скромно и просто жил этот гениальный человек, вождь мирового пролетариата. Двадцать лет спустя я вновь побывал в этом музее, но смотрел на все другими глазами и по-другому все воспринимал.

Мы провели в Москве десять дней и поехали с Ниной на ее родину – в Вятские Поляны. Это небольшой город находится на расстоянии шестьсот километров к северо-востоку от Москвы. Город был известен тем, что в военное время и после войны в нем развивалось оружейное производство. Здесь инженер Шпагин конструировал оружие, в том числе, знаменитый ПП Ш (пистолет-пулемет Шпагина). Первый раз я увидел это оружие в 1944 году на Паштровской Горе у борца освобождения и партийного руководителя Мило Медиговича. Помню, с каким чувством я тогда, будучи молодым бойцом, смотрел и восхищался этим оружием. Мне

казалось, что я бы мог все отдать, лишь бы у меня было такое. Вятские Поляны находятся на берегу судоходной реки Вятка, которая впадает в реку Кама, являющейся притоком великой реки Волги. Когда мы приехали, река была покрыта льдом, и мы переходили на другой берег по ледяной поверхности. В Полянах Нинина родня встретила меня дружелюбно, гостеприимно, как любимого, доброго зятя.

Я познакомился с отцом Нины, Александром, с тетей Шурой, дядей Михаилом, племянницей Юлей. Во время нашего пребывания в Вятских Полянах стоял мороз, температура воздуха была ниже двадцати градусов. А в доме было тепло и уютно. Мы согревались водкой, пели песни, опустошали бутылки, произносили тосты, пили по обычаю до дна. Закуска была основательной: сушеная рыба, лосось и селедка, соленые огурцы, помидоры, колбаса, и обязательная в таких случаях красная икра со сливочным маслом.

В Полянах я вдоволь наелся знаменитых русских пельменей и самых разнообразных грибных блюд. На обратном пути мы заехали в Казань, город на Волге, в котором Нина окончила медицинский институт.

В памяти остались также поездки в Прибалтику, куда я ездил дважды. Как-то в конце лета бывшие солдаты, служившие со мной, пригласили меня в Ригу, столицу Латвийской республики. Они меня встретили очень тепло и радушно. В те дни в стране проходили празднества, по этому случаю выступали музыкальные и танцевальные фольклорные группы. Я осмотрел достопримечательности Риги. Был на песчаном пляже, и хотя вода была холодная, я искупался

в Балтийском море, которое значительно уступает красоте нашего Адриатического, его голубизне и прозрачности. Рига в то время была городом, который снабжался намного лучше, чем другие города Советского Союза. Я использовал возможность, чтобы купить для Нины и маленького Милорада одежду и обувь. Год спустя я был в командировке в Таллине, столице Эстонии. Ездил туда с заданием привезти новобранцев. Этот старинный город мне понравился, он мне напомнил Дубровник. Я обратил внимание на то, что в городе много красивых, ухоженных женщин.

О моих родных в Будве я по-прежнему ничего не знал. Первого мая 1954 года я отправил отцу поздравительную телеграмму, подписавшись от себя, Нины и Милорада. Но ответа не было. Наконец, наступил ноябрь 1954 года, это столь счастливый для меня месяц. На мой адрес в Татищеве пришло письмо из Югославии. Я узнал почерк моей матери. Письмо шло двадцать дней. После шестилетнего молчания и стольких лет неизвестности появилась возможность узнать, как там мои родные, живы ли, здоровы ли, где сейчас, что делают. Я был бесконечно рад письму от родных. С волнением открыл конверт и прочитал на одном дыхании. Мама писала, что все живы - здоровы, что помнят меня, рады, что я женился и у меня родился сын. К письму была приложена фотография моих родителей. Я сразу же написал ответ. С того момента вплоть до моего возвращения на родину мне регулярно приходили мамины письма, и я отвечал ей, отправлял наши фотографии. Мама бережно хранила мои письма, и вот сейчас эти письма как свидетельство

того периода моей жизни. Сейчас мы с Ниной вновь перечитываем эти письма. Нам интересно. Иногда мы смеемся, когда читаем, например, как я пишу, что у нас прекрасная квартира (мы вчетвером жили в одной комнате). Глядя в прошлое из сегодняшнего дня, когда мы вдвоем с Ниной живем просторном, комфортном доме, сказать об одной комнате – прекрасная квартира, выглядит смешным, но в то время, верьте или нет, для меня это, действительно, была хорошая квартира. Нина сделала мне замечание: *«Как так можно, ты плохо писал по-сербски, много ошибок, много русских слов и выражений»*. Супруга была права; действительно, я в то время и говорил, и писал по-русски лучше, чем на родном, сербском, языке, лучше был знаком с историей и культурой России, чем с историей и культурой Югославии. Но это и понятно, в Будве я окончил начальную школу и четыре класса средней школы, началась война, и во время войны я не учился, в неполные восемнадцать лет я уехал в Советский Союз и там жил двенадцать с половиной лет. Там продолжал обучение, работал, служил, и все, исключительно, на русском языке. По возвращении на родину я сдавал экзамен на философском факультете в Белграде по истории Византии известному византологу, профессору Острогорскому. Я хорошо подготовился. Профессор был русский, и я попросил его, чтобы он разрешил мне на экзамене отвечать на русском языке. Он с удовольствием откликнулся на мою просьбу. Мне было проще выражать свои мысли на русском языке. *Византию* я сдал, получив высокую оценку - девять баллов. Случается даже сейчас, спустя сорок пять лет после

возвращения из России, что в речи или на письме я автоматически использую русские слова и выражения.

В середине 1955 года было объявлено, что партийно-правительственная делегация Советского Союза посетит

Югославию. В Белград прибыли Хрущев, в качестве первого секретаря КПСС и Булганин, председатель правительства, который был избран на эту должность в феврале того года. Были проведены переговоры с Тито и другими высокопоставленными государственными и партийными руководителями Югославии. Была подписана Совместная декларация правительств СФРЮ и СССР о межгосударственных отношениях (Белградская декларация). Так началась нормализация взаимоотношений, нарушенных Резолюцией Информбюро в 1948 году. После возвращения советской делегации в Москву состоялся Пленум ЦК КПСС и по установленной после смерти Сталина практике для ознакомления всех членов партии с содержанием заседаний Центрального комитета на партийных собраниях зачитывались стенограммы заседаний. Хрущев рассказал подробно о визите и о содержании переговоров с Тито и другими югославскими руководителями. Он назвал визит успешным. Он обратил внимание на выпад со стороны Темпо. Темпо в ходе

переговоров, в процессе которых Хрущев обвинил Берию в том, что произошла ссора с Югославией, громко спросил: «Кто нам гарантирует, что у вас не появится некий новый Берия?» Хрущев резко отреагировал, давая понять Тито, что такое поведение угрожает успешности переговоров. В дискуссии приняли участие многие члены Центрального комитета, все поддержали Белградскую декларацию и нормализацию отношений с Югославией и Союзом коммунистов Югославии. Жуков как министр обороны говорил о стратегическом значении Югославии для СССР. Он подчеркнул силу югославской армии, ее высокий моральный и боевой дух. Только Молотов был против обновления партийных связей между КПСС и СКЮ, утверждая, что Тито как был, так и остался ревизионистом.

Как я отнесся к вести о том, что советская делегация посетила Югославию? Для меня это было большой неожиданностью, как гром среди ясного неба. Мне казалось, что это невозможно, так же, как когда-то в июле 1948 года, когда я услышал Резолюцию Информбюро. Но с того дня пелена с моих глаз постепенно начала спадать, я начал смотреть на вещи не чужими, а своими собственными глазами. О политике я стал думать своей головой. Мне было тогда двадцать восемь лет. События в обществе, последовавшие после того, помогли мне постепенно преодолеть идеологический догматизм сознания, я начал критически подходить к осмыслению и оценке происходящего, преодолевая слепое доверие и преданность партии и партийной верхушке. Несомненно, XX Съезд КПСС оказал на меня значительное влияние.

В послевоенной истории КПСС нет более значительного события, чем XX Съезд, который состоялся в феврале 1956 года. Подготовка к Съезду шла долго, готовились основательно. Особое внимание было уделено выбору делегатов. Консервативные течения, которые противились десталинизации, были сильными, поэтому надо было обеспечить большинство со стороны реформаторского крыла во главе с Хрущевым. В армии также проходила подготовка к Съезду. Проводились собрания, выдвигались кандидаты на форумы и в избирательные комиссии. Партийная комиссия нашего полка выбрала меня как делегата с правом голоса для участия в партийной конференции корпуса. Для меня это было большим признанием и выражением доверия к моему партийному и политическому статусу. В то время армия полностью поддерживала линию Хрущева.

На закрытом заседании Съезда главный доклад «О культе личности и его последствиях» зачитал Никита Сергеевич Хрущев. Речь шла и о развитии народного хозяйства, о выполнении пятой пятилетки с целью догнать и перегнать развитые капиталистические страны в производстве продукции на душу населения. Съезд одобрил доклад Хрущева, и после этого по всему Советскому Союзу на закрытых партийных собраниях всем членам партии зачитывали этот доклад. Шли дебаты, выражалась поддержка, но было и недоверие со стороны некоторых членов партии. И хотя с содержанием доклада были ознакомлены только члены партии, в среде широких масс общественности проходила кампания, направленная на поддержку выводов, сделанных

в докладе. Руководители шли в народ, стремясь объяснить смысл борьбы с культом личности и получить поддержку масс. Характерный для того времени случай произошел с Хрущевым, как рассказывали, на одной встрече. После его речи, в которой он обвинял Сталина во всех перегибах, встал один человек из публики и обратился к Хрущеву: *А что же вы не реагировали тогда, Никита Сергеевич?* Хрущев в ответ сердито спросил: *Кто это спрашивает?* И несколько раз повторил свой вопрос. В зале наступила тишина. Никто не ответил. Хрущев тогда сказал: *Вот и я боялся и молчал, как и тот товарищ, который мне задал вопрос.* Я вспоминаю, какая атмосфера царил на собрании, когда зачитывали доклад Хрущева. Столько всего негативного было сказано о Сталине, о его правлении, о культе личности, что казалось непостижимым. Были приведены данные о ликвидации старых коммунистических кадров, военных руководителей, о чистках, о терроре и страхе, об ошибках во внутренней и внешней политике. Подвергалась сомнению его роль как главнокомандующего в Отечественной войне, ему приписывались ошибки в ведении военных операций, (было сказано, что он по глобусу планировал наступления, что лично у меня вызвало большое сомнение). Как обоснование идеологических нападок на Сталина использовались негативные оценки его характера, которые давал в свое время Ленин. В докладе и дискуссиях на Съезде была осуждена попытка Сталина уменьшить значение Ленина и заменить ленинизм сталинизмом, который представлял как новое обоснование и развитие марксизма-ленинизма в фазе строительства социалистического

общества. Решительное осуждение культа личности Сталина и возвращение к ленинским методам руководства партией, к его теоретическим трудам о государстве, нации, партии, философии и новой экономической политике, стали основой огромной пропагандистской работы, которая развернулась по всей стране. Целью пропаганды было сохранение веры в правильность избранного пути в строительстве социализма и коммунизма в Советском Союзе. В то время в КПСС насчитывала шесть миллионов и восемьсот тысяч членов и около четырехсот двадцати тысяч кандидатов. Это была огромная сила, от которой руководство ожидало и получило поддержку в проведении нового курса партии.

Результаты XX Съезда Коммунистической партии Советского Союза, действительно, коренным образом сказались на демократизации жизни в стране. Люди начали дышать свободнее, прекратилась гонка по поиску и обнаружению врагов. Получили амнистию десятки тысяч невинно осужденных людей. Проведены некоторые реформы в промышленности и сельском хозяйстве. Улучшилось благосостояние советских граждан. Общество постепенно становилось более открытым по отношению к миру.

Содержание доклада Хрущева не оставалось тайным за пределами страны. Разные силы максимально использовали его в антикоммунистической пропаганде. Одновременно доклад потряс все коммунистические партии в мире, возникла неразбериха, начались отказы от членства.

В тот период после съезда в июне 1956 года состоялся визит Тито в Советский Союз. Можно сказать, что ему был

оказан триумфальный прием везде, где он побывал со своей супругой Йованкой. В советских средствах массовой информации уделяли особое внимание положительной оценке его роли в рабочем движении и народно-освободительной борьбе. Подчеркивалось, что наши народы связаны многовековой дружбой. Отметались обвинения против Тито и Югославии в предательстве и контрреволюционности, все, что на протяжении предыдущих лет было в репертуаре пропаганды в Советском Союзе и странах восточного лагеря.

Главная вина за конфликт с Югославией возлагалась на Берия. 21 июня Тито и Хрущев подписали Декларацию об отношениях СКЮ и КПСС (Московская декларация). На переговорах в Москве речь шла и о югославской эмиграции и решалась судьба эмигрантов. Была подписана международная конвенция, по которой регулировались вопросы двойного гражданства. Было определено, что в течение года граждане Югославии, которые живут в СССР и приняли советское гражданство, должны определиться, какое гражданство они примут в дальнейшем: те, кто оставляет советское гражданство автоматически теряют право на югославское гражданство и остаются жить в СССР, а те, кто принимает югославское гражданство, теряют право на советское гражданство и могут свободно вернуться на родину. С большим волнением и надеждой мы, югославы, советские офицеры, следили за визитом Тито в СССР, ожидая решения относительно нашего статуса. В тот момент мы находились в учебных лагерях со своими подразделениями. У нас родилась идея попросить советские органы организовать нам

прием у Тито. Нам обещали, что передадут нашу просьбу Тито. Мы уже было не надеялись, так как Тито к тому времени находился в Киеве и оттуда возвращался в Югославию. Ночью пришло сообщение, что Тито решил

принять делегацию в Киеве. Трое из наших офицеров были откомандированы на встречу и в срочном порядке вылетели самолетом в Москву. Из Москвы вылет задерживался из-за неблагоприятных погодных условий, но советский летчик смог взлететь и доставить наших офицеров в Киев буквально в последние минуты перед возвращением Тито в Югославию. Понятно, с каким нетерпением и волнением из-за неизвестности мы ожидали возвращения наших товарищей. Когда они вернулись, мы все собрались и внимательно выслушали их отчет о поездке. Они нам подробно рассказали о разговоре с Тито. Он принял их хорошо и объяснил, что делит югославскую эмиграцию на три группы: в первой и второй группе присутствуют дезертиры и политики, которые занимались подрывной деятельностью против страны, и они должны будут ответить за свои дела и предстать перед судом, а к третьей группе он причислил молодежь, студентов и нас, курсантов, которые были направлены на обучение в Советский Союз и в 1948 году не вернулись на родину, приняли советское гражданство и стали офицерами, но в эмиграции не вредили своей стране. Тито

сказал, что мы свободно можем вернуться, обещал, что нас примут в армию, однако будут трудности с обеспечением вернувшихся жильем, так как экономическая ситуация в стране непростая. Для всех нас такие новости звучали обнадеживающе, появилась возможность вернуться домой, на родину. Вскоре нас ознакомили с текстом межгосударственной конвенции о гражданстве, и время пошло – у нас был год на принятие решения о том, возвращаться в Югославию или оставаться в СССР.

После восстановления советско-югославских отношений в советских кинотеатрах начали показывать югославские кинофильмы. В Татищеве был кинотеатр, но кино показывали и в Доме армии. Мы пошли с Ниной на наш фильм *«У мрежи»*. Нельзя описать мое волнение и радость, когда появились кадры, снятые на Святом Стефане, я увидел на экране лица жителей Будвы, моих знакомых, Жарко, под дождем среди волн умело управляющего баркасом, Бела, Йово и других земляков, чьи имена не помню. *«Смотри, это моя Будва, это родина моя, мои земляки, -* взволнованно обратился я к Нине. Для меня это было незабываемо. Несколько тысяч километров разделяли меня с домом, семь лет прошло, как я не был там, и вот, не во сне, я наяву, неожиданно на экране, во всем их блеске и красе я вижу свои родные места. У меня появилось сильное желание, как можно скорее вернуться на родину.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЮГОСЛАВИЮ, АВГУСТ 1957 ГОДА

После визита маршала Тито в Советский Союз дилемма, возвращаться в Югославию или оставаться в СССР, для меня больше не стояла, я принял окончательное решение вернуться на родину. Однако осуществить мое желание было непросто. Я был не один, у меня была семья, с которой я был неразрывно связан судьбой. Правдой было то, что я страстно хотел вернуться, но правдой было также и то, что моя супруга Нина должна будет покинуть свою родину и близких людей, бросить работу, и отправиться в неизвестность. А неизвестность для возвращенцев, на самом деле, существовала. Тем более, что последовавшие события существенно поубавили возникшее до того воодушевление по поводу возможного, скорого возвращения. Стали сомневаться из-за заявления посла Югославии в Москве, который опроверг утверждения наших офицеров, что Тито обещал принять нас в Югославскую народную армию. Посол заявил, что об этом не может быть и речи. Секретарь посольства в Москве, к которому обращались наши офицеры для получения информации по оформлению документов в целях возвращения на родину, принял их недружелюбно, даже враждебно. Это подрывало уверенность в правильности принятого решения. Тем временем в Венгрии начались революционные волнения. Советские войска в

октябре 1956 года вошли на территорию этой страны. В отношениях между Югославией и Советским Союзом возникло охлаждение. От наших товарищей, которые первыми вернулись в Югославию, при-

ходили неутешительные вести. Все это не повлияло на принятое мной решение о возвращении, я думал, что это временные трудности и недоразумения, и все уладится в ближайшее время. Однако Нина сомневалась. Для нее было большим испытанием решиться на отъезд в Югославию, слишком много было неизвестности. В конце концов, наше желание быть вместе и не расставаться, жить одной семьей, победило все сомнения. Наша судьба – быть вместе. Родным в Будву я написал, что возвращаюсь вместе с семьей. И получил полную поддержку и одобрение моего решения. Они сообщили, что ждут нас с нетерпением и рады будут встретить. Нам с Ниной и Милорадом важно было это знать.

Зная, что в Югославскую армию меня не примут, а другой профессии у меня на тот момент не было, я решил обратиться с прошением к югославским властям. Я просил, чтобы мне как югославскому гражданину разрешили остаться в СССР еще на два года, которые мне требовались

для завершения обучения на историческом факультете Саратовского университета, а затем вернуться в Югославию. Прошение я направил в Югославское посольство в Москве. Я неоднократно просил дать мне ответ, два раза лично приезжал в Москву в посольство. Ответ из страны не приходил. Мне было сказано, что если я хочу вернуться, то могу это сделать без промедления. Мне стало понятно, что проволочку с ответом надо рассматривать как неодобрение моего намерения, и я прекратил ждать. Мы начали подготовку к отъезду. Это было в начале лета 1957 года. К этому времени несколько моих товарищей со своими семьями уже уехали.

Я оповестил командование полка, что хочу вернуться в Югославию, и в соответствии с существующим порядком было начато оформление моего добровольного увольнения из рядов Советской армии. В связи с этим я был отстранен от должности командира батареи, и назначен на должность помощника начальника штаба дивизиона. С этой должности я вышел в отставку.

Как мне вернули югославские награды? В разгар межгосударственного и межпартийного конфликта в Советском Союзе и странах социалистического блока была предпринята акция, согласно которой все, у кого имелись югославские награды, полученные от Тито, должны были публично от них отказаться и вернуть. В печати начали систематически объявлять имена югославов, которые вернули свои награды, полученные от Тито. К этой акции присоединились и советские ветераны войны, которых награждал Тито. В нашем

полку было несколько человек, имевших югославские наггарды, мы все подписали заявление об отказе от орденов и сдали их в распоряжение политотдела. Так я остался без ордена «За заслуги перед народом». Прошло шесть лет с тех пор, и я забыл про свой орден. Приняв решение вернуться на родину, я уже готовился к возвращению, когда однажды меня вызвал замполит полка, полковник по званию, имени точно не помню, помню только, что мы его называли *Помаш*. Он был представителем старой гвардии политкомиссаров, очень хороший, уважаемый политработник, и уже готовился к выходу на заслуженный отдых.

Его прозвали *Помаш*, так он произносил слово *понимаешь* и в речи часто употреблял это слово. Я не знал, зачем он меня вызывает. Поприветствовав друг друга по уставу, мы сели за стол и начали дружеский разговор. Полковник начал издалека. Говорил об ошибках, которые Сталин допустил в отношении Югославии, о Тито, называя его великим борцом против фашизма, о многовековой дружбе наших народов. Он выразил уверенность в том, что СССР и Югославия в дальнейшем будут идти рука об руку по пути строительства социализма и коммунизма, и что я и мои товарищи, советские офицеры, будем поддерживать эту линию, когда вернемся на родину. Он выразил мне личное признание за мою успешную службу в Советской армии. И после такой идеологической и политической увертюры, он мне говорит: «Лукетич, помнишь, что ты и твои товарищи шесть лет назад сдали ордена, которыми вас наградил Тито. Сейчас пришло время забрать их себе обратно». Для меня

это предложение было неожиданным: «Как я могу забрать орден, когда сам отказался от него, и он был отправлен в Югославию. Хотя, конечно, я тогда заблуждался и сейчас мне стыдно за тот поступок». Полковник мне стал объяснять, что наши награды не были отправлены в Югославию. Все это время они хранились в штабе корпуса. Он получил команду вернуть нам наши награды. Не обращая внимания на мой отказ принять назад орден, он открыл сейф, достал мою сверкающую награду и официально вручил мне «Орден за заслуги перед народом».

Как я перестал быть партийным? Мое возвращение в Югославию подразумевало и прекращение членства в КПСС. Известно, что КПСС была стержнем огромной и сильной страны. Это была исключительно сплоченная, престижная, элитная организация, весьма привилегированная, руководящая сила всей советской системы. Она была основана и держалась на строгих партийных принципах, которые были определены Лениным, ее основателем и теоретиком. Ни одна сфера жизни в стране не могла обойтись без решений и выводов, которые исходили от партийных органов, и которые были обязательными для всех институтов власти, начиная от всесоюзного правительства, многочисленных министерств и республиканских властей, и кончая, руководящими органами краев, областей, городскими и сельскими советами, промышленными предприятиями, учебными заведениями, научными институтами, учреждениями культуры, здравоохранения, спортивными и др. организациями. Пятилетние

планы развития и все другие важные государственные документы сначала рассматривались и утверждались на пленумах Центрального комитета партии, а уже затем направлялись для принятия Правительством и Верховным Советом.

И хотя в Советской армии господствовал принцип строгого единоначалия и субординации, Партия имела решающее влияние, особенно в идеологической пропаганде и в вопросах кадровой политики. Партийные организации существовали во всех частях и подразделениях, в батареях и выше работали замполиты, и кроме того, на любой руководящей должности редко можно было встретить непартийного. На партийном собрании я сообщил о своем решении вернуться на родину. Я обосновал свое решение тем, что отношения Югославии и СССР наладились, обвинения в адрес моей страны и ее руководства оказались ошибочными, а именно эти обвинения, которым я поверил тогда, были причиной того, что я в 1948 году не вернулся на родину.

Партийная организация приняла мое обоснование и мое заявление о прекращении членства в КПСС. По процедуре окончательное решение о моем выходе из партии должны были принять на Партийном бюро Приволжского военного округа в Куйбышеве. Там я должен был сдать свой партбилет. Специально для этого я поехал из Татищева в Куйбышев и официально сдал партбилет. В письменной форме я изложил причины своего решения о возвращении в Югославию. Я особо подчеркнул свою уверенность в том, что отношения наших стран в дальнейшем будут

развиваться на основе традиционной дружбы и братства наших народов, закаленных в совместной антифашистской борьбе, что эти отношения будут основаны на равноправии, уважении суверенитета и невмешательства в дела другой страны. Со своей стороны я, как бывший член КПСС и советский гражданин, всегда буду верен данным принципам и заветам. Смело могу сказать, что я, будучи югославским гражданином, и моя супруга, будучи советской гражданкой, а ныне российской, на всем протяжении нашей совместной жизни и работы в Черногории всегда следовали этим принципам.

Приказом Министра обороны СССР от 3 июля 1957 года я был демобилизован из рядов Советской армии в звании капитана, после чего я снял военную форму и переоделся в гражданскую одежду. Как демобилизованный офицер, в штатском, я явился в распоряжение полка для завершения процедур по возвращению. Я получил документы о прохождении службы в армии, денежное пособие и оплаченные билеты до Белграда для меня и моей семьи. Однажды меня позвали в полк для разговора. Руководство сообщило мне, что у них есть данные о том, что югославские власти плохо относятся к офицерам возвращенцам, и если я захочу остаться, несмотря на то, что уже демобилизован, могу быть восстановлен. Я поблагодарил за это предложение, но отказался, пояснив, что мое решение о возвращении в Югославию окончательно. Вообще, мои руководители весьма корректно относились ко мне и никак не препятствовали моему возвращению.

Мы часто переписывались с мамой, я спрашивал у нее, что привезти с собой. У нас с Ниной было достаточно сэкономленных денег, кроме того, советские власти обеспечили нам возможность обналичить облигации, так что мы даже не успевали все потратить. Зная, что мои родители живут скромно, ни отец, ни мама не получали пенсию, я старался им помогать и высылал каждый месяц небольшие суммы в долларах. Наконец, после длительной подготовки к отъезду, наступило 24 августа 1957 года, день нашего отъезда из Татищева. Раньше мы с супругой приходили на станцию, чтобы проводить товарищей, уезжавших на родину. Сейчас пришел мой черед. Я оставался последним из югославов, которые покинули Татищево. В этот раз среди провожавших товарищей были только те, кто решил остаться жить в СССР. Приехав в Москву, мы разместились в гостинице для военных и пробыли там три дня. За это время надо было оформить наши с Ниной документы в Министерстве юстиции и в посольстве Югославии, купить разные нужные вещи, упаковать все, передать на таможню и отправить в Югославию. Во всех делах по оформлению документов и сбору вещей нам помогал шурин Василий, и мы успели все сделать вовремя и аккуратно.

Из Москвы мы послали телеграмму моим в Будву и сообщили, когда мы приезжаем в Белград. Я знал, что брат Стеван будет встречать нас в Субботице. Проводы на вокзале в Москве были со слезами: мама Евдокия Михайловна, Нинин брат Василий и племянник Иван с супругами, и племянница Юля провожали нас в большом волнении. 27

августа 1957 года, с наступлением вечера, Нина, Милорад и я выехали поездом в Белград. По дороге в Киеве Нинина двоюродная сестра Антонина пришла на вокзал проводить нас, и мы продолжили наше путешествие на поезде, которое длилось без малого двое суток. В Чопе, пограничном пункте, мы попрощались с советской страной. По пути, в Будапеште были заметны следы недавнего советского вторжения.

В утренние часы 29 августа мы прибыли на югославскую границу. Венгры нам поставили штамп в паспорте о пересечении границы. Поезд медленно проехал через границу и остановился на территории Югославии.

В наше купе вошли пограничники и таможенники. Они проверили паспорта и сказали мне, чтобы я вышел из поезда. Нина и Милорад остались в купе одни. Меня повели в полицейский участок. Я заметил Стево, он стоял метрах в тридцати от меня, я крикнул ему, в каком вагоне и купе едут Нина и Милорад. Поезд тронулся. Примерно два часа я просидел в неизвестности и ожидании. Затем меня позвали в кабинет, сказали, что я могу ехать дальше, и что должен буду явиться в Министерство внутренних дел в Титограде. Я сел на ближайший поезд и приехал в Новый Сад, где надо было дожидаться следующего поезда до Белграда. У меня было время осмотреть Сельскохозяйственную выставку. После полудня я приехал в Белград и начал искать своих. Несколько раз я обошел здание вокзала, объявлял по радио, что я ожидаю своих родных у справочного бюро. Я обошел все ближайшие кафе, спрашивал у таксистов, все

безуспешно, моих родных нигде не было. Я оказался в полном недоумении, что делать? Я боялся, что когда я уйду с вокзала, они могут туда прийти в поисках меня, к тому же, я не знал, куда мне идти. В кармане у меня было двести динаров, все мои наличные деньги.

С раннего утра я ничего не ел, и поэтому решил перекусить. Через дорогу от вокзала был небольшой буфет, кажется, назывался *Балкан*. Я зашел туда, сел за столик. Официант мне порекомендовал взять *шкембичи*. Помнится, порция стоила девяносто динаров, и я выбрал это блюдо. Я рассчитал, что у меня еще останутся деньги на телефонный звонок в Будву, чтобы узнать, не было ли вестей от Стево. Когда официант принес мой заказ, я по запаху и внешнему виду узнал жаркое, которое у нас называют *дроб*, или *трине*. Неужели, подумал я, именно это блюдо - первое, что мне подали на обед после возвращения в Югославию? Слово *шкембичи* мне не было знакомо. У нас дома мама готовила это блюдо, отцу оно нравилось, но мы, дети, и особенно, я, не могли терпеть его, я его на дух не переносил. *Шкембичи*, которые мне принесли, были с картофельным гарниром. Я немного поел вареной картошки с кусочком хлеба, расплатился и вышел.

Я нашел почтовое отделение, откуда позвонил в Будву. Мне сказали, что все благополучно прибыли домой. Стево по прибытии в Белград арендовал фиакр, отправил багаж и отвез мою семью к своим добрым друзьям, которые их радушно приняли и оставили отдохнуть с дороги. Войо, старший офицер ЮНА, был однополчанином Стево. Он и его

супруга Душанка жили на Бульваре революции, недалеко от памятника Вуку. Затем мои родные вылетели самолетом в Титоград, а оттуда на машине приехали в Будву. Я успокоился и отправился к Войо, приятелю моего брата Стево.

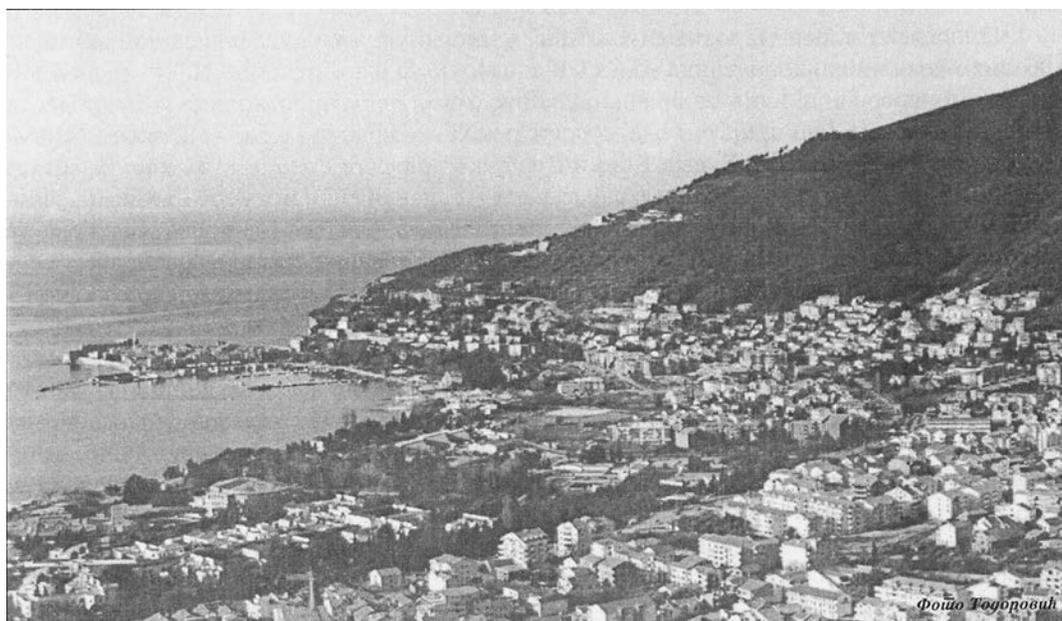
Проходя мимо здания Народной скупщины, в близлежащем парке, случайно встретил знакомых, вернувшихся из СССР. Они в один голос стали говорить:

«Зачем ты приехал? Мы писали, что здесь нас плохо принимают. Некоторые уже убежали назад». Эта встреча была мне неприятна. Я сказал, что не хочу возвращаться и что завтра еду в Будву. Войо и Душанка меня приняли как близкого родственника, накормили и уложили спать. Я был им очень благодарен. На следующий день Войо проводил меня на вокзал, и я с багажом отправился на поезде до Сараево, оттуда в Герцег Нови, а потом на теплоходе в Будву. Спустя десять лет я вновь возвращался на родину. На пристани Пизана собралась вся родня меня встречать. Наконец, я смог обнять всех моих родных и близких.

На следующий день я должен был ехать в Титоград, чтобы явиться в УДБИ. Меня поместили в их приемнике в Лешкополе, где продержали пятнадцать дней. В комнате со мной находился молодой албанец, убежавший из Албании. Он не говорил ни на одном языке, и мы с ним все время молчали. Следователи меня подробно расспрашивали о моей службе и политической деятельности в Советском Союзе, интересовались положением дел в той стране. Мое пребывание в учреждении затягивалось. Военный следователь, который должен был меня допросить, не являлся. Обеспокоенные

тем, что меня задерживают, мои родственники вмешались в процесс, и по решению министра внутренних дел Черногории меня отпустили домой.

«Когда ж постранствуешь, воротисься домой, И дым Отечества нам сладок и приятен» – говорит герой Грибоедова в комедии *«Горе от ума»*. Но после возвращения в Россию он был разочарован жизнью на родине и, вновь желая уехать, восклицает: *«Карету мне, карету!»* Я, в отличие от него, прочно бросил якорь в Будве и неразрывно связан с моим родным домом.

Эпилог I

Я описал свою жизнь в России так, как смог и как я ее помню, Нелегко описывать время, в котором жил более пятидесяти лет назад, особенно, если хочешь быть искренним и по отношению к себе, и по отношению к другим. Как свидетель и участник событий, я хотел донести истину о том, что происходило тогда, без оглядки на сегодняшнее восприятие, а так, как я видел, оценивал, объяснял, переживал и поступал тогда. По существу, это повествование одного пожилого человека, который, будучи молодым, в декабре 1944 года был направлен из маленькой Будвы на учебу в Белград, а затем в Советский Союз. Это рассказ о том, как он оказался в водовороте событий, связанных с политическим конфликтом 1948 года, о том, как он жил в другой стране до 1957 года, и затем вернулся на родину. В своих записках я постарался оживить время своей молодости, время надежд и устремлений моего поколения, время борьбы за установление нового справедливого общества, общества равноправия, правды и свободы для всех людей на земле. Тот путь я выбрал не из-за того, что был беден, и не из-за того, что хотел что-то у кого-то отнять.

Перед лицом произошедших перемен в мире и краха утопической идеологии миллионы людей охвачены стремлением к стяжательству и обладанию материальными благами. Я

никогда не входил в число этих людей. Но с другой стороны, я осознаю, что неосуществимые идеи и идеологические замыслы были моим юношеским заблуждением, и я не считаю себя непоследовательным из-за того, что освободился от них.

Сейчас, когда я пишу эти записки о своей жизни в России, невольно вспоминаю тогдашнюю ее силу и величие. Россия обладала вооруженными силами, которые завоевали победу в Великой Отечественной войне и спасли человечество от фашистского завоевания. Я вспоминаю успехи в освоении космоса и множество разных открытий и достижений в науке, культуре, искусстве, образовании, спорте и других сферах. Эти достижения удивляли и восхищали весь мир. Я горжусь тем, что вместе с моей супругой мы были частью той общности. Нам было тяжело переживать распад Советского Союза, наблюдать экономические и общественные потрясения, которые довели эту страну до нищенского положения и потери статуса мировой державы, что непосредственно повлияло и на разгром Югославии.

Никогда бы не мог представить себе, что со мной может такое случиться, что случилось однажды в Будве лет десять назад. Было время санкций, летом приезжали русские туристы и перед рынком в Будве продавали разную технику и одежду. Однажды проходя мимо, я заметил троих молодых людей, девушку и двоих ребят, они продавали разные мелочи, на девушке был надет мундир советского офицера с капитанскими погонами, это был точно такой мундир, который я носил в свое время. Я подошел и спросил: *Вы продаете мундир?*

Да, сорок долларов, - ответили мне.

Я сказал им, что был офицером Советской армии и носил точно такой мундир с такими же погонами, и что я поражен тем, что они вывозят такие вещи из страны и продают на рынке. Один парень мне на это ответил: *Да, уважаемый господин, времена изменились.*

Эпилог II

Прошло пятнадцать лет с тех пор, когда вышло первое издание «Записок из России». Я не ожидал, что книга найдет такой теплый прием среди критиков и среди читателей. Мои друзья, знакомые, родственники читали книгу и очень ее хвалили. Для меня было драгоценной наградой услышать от своих многочисленных читателей, что они прочли книгу на одном дыхании. Интерес был проявлен и со стороны средств массовой информации: книгу опубликовали в интернете, а газета «Республика» печатала текст «Записок из России» в литературном разделе.

Со времени первого издания произошли большие перемены в моей жизни: огромной радостью для меня было рождение моего второго внука Петра; за это время я стал прадедом – моя внучка Милена родила сына Луку. Но, наряду с радостью, я пережил и горе – семь лет назад не стало Нины Александровны, моей дорогой и верной супруги, с которой мы прожили в браке пятьдесят восемь незабываемых лет.

Большие перемены произошли и в России – стране моей молодости. В Эпилоге I я написал о распаде Советского Союза и о том, как мы с супругой переживали, как личную трагедию, постигшую эту великую и сильную страну. Во время президентства Ельцина страна находилась на грани распада, экономика терпела крах, упал уровень жизни.

Сегодня, через пятнадцать лет после того тяжелого времени, Российская Федерация под руководством президента Путина вернулась на мировую сцену как великая сила, укрепив свою экономику и свои вооруженные силы, являющиеся гарантом независимости страны.

Колоссальные перемены в Российской Федерации отразились и на укреплении связей между нашими странами. Большие средства вкладываются в инфраструктуру и жилищное строительство в Черногории. Большое число русских туристов каждый год приезжает на отдых в Черногорию. Примерно пятнадцать тысяч российских граждан постоянно проживают в Черногории, внося свой вклад в развитие туристической индустрии и являясь основой продвижения и укрепления взаимного сотрудничества.

Народная библиотека Будвы в честь юбилейной даты, девяносто лет со дня рождения и шестидесятилетия публицистической и научной деятельности, издает в одном томе «Записки из России» и «Рассказы деда и внука». Текст второго издания «Записок из России» публикуется без изменений, я ничего не менял и не добавлял в текст книги, за исключением данного Эпилога II.

Содержание

Пятьдесят лет спустя	9
Отъезд в Белград, декабрь 1944	13
В Военной Академии, январь-апрель 1945 года	27
Поездом из Белграда в Россию, апрель 1945	33
Кострома 1945 – 1947	45
Одесса 1947 – 1948	81
Павлоград, 1949-1950	121
Энгельс, 1950-1951	155
Сызрань 1951-1952	173
Татищево, 1952-1957	191
Возвращение в Югославию, август 1957 года	245
Эпилог I	257
Эпилог II	261

Название
ЗАПИСКИ ИЗ РОССИИ

Автор
МИРОСЛАВ ЛУКЕТИЧ

Перевод с сербского
ОЛЬГА НИКАНОРОВА

<i>Издание</i>	
НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА БУДВЫ, Ул. Жертв фашизма, Будва	Мила Балевић
ПАШТРОВСКИЈ АЛЪМАНАХ, Будва	Неманя Куляча
ШТАМПАР МАКАРИЕ, Белград	Деян Мичић
<i>Главный редактор</i>	Мила Балевић
<i>Иллюстрации и оформление обложки</i>	Владимир Лукетић
<i>Подготовка к печати</i>	Александр Петровић
<i>Печать</i>	ОБОДСКО СЛОВО, Подгорица
<i>Тираж</i>	200 экземпляров

CIP - Каталогизација у публикацији
Национална библиотека Црне Горе, Цетиње

ISBN 978-9940-736-09-5
COBISS.CG-ID 37668880